

НПО «Издательство «Наука» РАН
Редакция журнала «Славянское ведение»
119334, Москва, Ленинский проспект, 33
Тел. 938-01-20
e-mail: jurslav@rambler.ru

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
ВЕДЕНИЕ

2008

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

2008

СЕНТЯБРЬ •

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ОКТЯБРЬ •

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Содержание

СТАТЬИ

<i>Виноградов В.Н.</i> (Москва). Русско-турецкая война 1877–1878 годов: власть и общество ...	3
<i>Корытковская М., Петров И.</i> (Лодзь). Исследование синтаксических явлений в болгарских дамаскинах.....	12
<i>Федер В.</i> (Дирфилд). Выражение оригинала или выражение списка?	32
<i>Милтенев Я.</i> (София). Лексический критерий как способ атрибуции преславских текстов (на материале славянского перевода Диалогов Псевдо-Кесария).....	41
<i>Голубовский Д.А.</i> (Москва). Семантика поклонов и поцелуев в “Повести временных лет” и Киево-Печерском патерике	50
<i>Зеленкова А.</i> (Прага). Штефан Крчмери и словацкая теория стиха в чешско-словацком контексте XX века	62
<i>Рудник-Карватова З.</i> (Варшава). Смягчение языковой нормы в польских медиа (словообразовательные инновации конца XX века)	71

СООБЩЕНИЯ

<i>Петрухин В.Я., Каменецкая Е.В.</i> (Москва). Пруссия и Русь: средневековый миф и новейшая историография.....	77
<i>Афиногенова О.Н.</i> (Москва). К изучению богомильского мировоззрения на примере переводного греческого источника	84
<i>Климова К.А.</i> (Москва). О славянских заимствованиях в новогреческой мифологии	88

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Журавлев А.Ф.</i> В.Й. Мансикка. Религия восточных славян	97
<i>Алексеев Н.А.</i> М.І. Зубов Лінгвотекстологія середньовічних слов'янських повчань проти язичництва	102
<i>Киселева М.С.</i> История культуры славянских народов. В 3-х т. Т. II: От барокко к модерну ..	109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Проскурнина М.Б.</i> Международный симпозиум “Развитие македонской литературы”	114
<i>Досталь М.Ю.</i> Второе заседание Комиссии историков России и Словакии в Москве 2–4 октября 2007 года.....	116

ЮБИЛЕИ

К юбилею Татьяны Михайловны Николаевой	122
К юбилею Марины Геннадиевны Смольяниновой	124

НЕКРОЛОГ

Памяти Георгия Дмитриевича Гачева (1929–2008).....	126
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: *119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20*
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2008 г. В. Н. ВИНОГРАДОВ

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГОДОВ: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Тема “Власть и общество” необыкновенно интересна и драматична. С началом Восточного кризиса в 1875 г. всю Российскую империю охватила волна солидарности с южными славянами, солидарности не словесной и душевной, а энергичной и действенной. В храмах, после проповеди священника, на сельских сходах, в земских управах, в городских думах, на дворянских собраниях проводился сбор денег на нужды восставших. Только Московский и Петербургский славянские комитеты пожертвовали 1.5 млн руб. Закупалось оружие, снаряжение и медикаменты, на Балканы отправлялись полевые лазареты. В сербскую армию вступили 5 тыс. добровольцев, в том числе сотни офицеров действительной службы, им сохранялись чины и выслуга лет. Россия встала горой на защиту славян, “низы” и “верхи” общества смешались, все сочувствовали повстанцам, не останавливаясь для этого перед войной.

Оппозиции, как организованной силы, не существовало. Но ведь на правителях всегда лежит обязанность слушаться не сердца, а ума, хладнокровно взвесить, к чему война может привести. Опытные политики пребывали в тревоге. Александру II принадлежат слова, что он не менее других сочувствует христианам Турции, но ставит выше всего интересы своей страны, поэтому не может втянуться в европейскую войну. И над ним, и над канцлером А.М. Горчаковым довлел синдром крымской катастрофы, они сознавали, что на защиту Османской империи встанут Великобритания и Австро-Венгрия, и тогда – европейское побоище с непредсказуемыми последствиями. Министры внутренних дел и государственных имуществ разделяли эти опасения. Министр финансов М.Х. Рейтерн, который многие годы “после Крыма” вытаскивал страну из долговой ямы, подал записку на высочайшее имя, предрекая, в случае новой войны, финансовый крах, хозяйственный кризис, вынужденный отказ от проведения реформ и развитие революционного движения [1. С. 165–166]. Он запросился в отставку, но получил отказ.

Одинокие противники войны были прижаты к стене. Приведу здесь отрывок из письма П.А. Вяземского другу (с просьбой не сжигать его): “Все, что

* Виноградов Владилен Николаевич – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-01-00191а: История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие 1856–1878).

делается по Восточному вопросу – настоящий и головоломный кошмар. Правительства не видать и не слышать, а на сцене X и XX с компаниею, они распоряжаются судьбами России и Европы. Война теперь может быть для нас не только вред, но и гибель... Лучше иметь для нас сбоку старую Турцию, слабую, дряхлую, нежели молодую, сильную, демократическую Славянию, которая будет нас опасаться, но любить нас не будет” [1. С. 296–299].

Трубадуром вступления в войну выступал Ф.М. Достоевский в своем “Дневнике писателя”: пора “такому огромному великану, как Россия, выйти, наконец, из запертой своей комнаты, в которой он уже дорос до потолка, на простор, дохнуть вольным воздухом морей и океанов”. “Война освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задыхаемся, сидя в немощи растления и духовной тесноте”. Федор Михайлович был красноречив: “Великий восточный орел взлетел над миром. Не покорять, не расширять границы он хочет, а освободить и восстановить угнетенных и забытых, дать им всякую жизнь на благо человечества...”. Противников войны он называл “общечеловеками” и “самооплевниками” [2. С. 65, 94–95].

Объявление войны 12 (24) апреля 1877 г. сопровождалось бурными проявлениями народного торжества – ликующие толпы шли по улицам Москвы и Петербурга, люди бросались друг другу в объятия. В первый раз в истории России общество втянуло самодержавие в войну, во всяком случае, выступило решающим фактором втягивания.

Война выдалась тяжелая, кровавая и победоносная. После взятия российскими и румынскими войсками Плевны Дунайская армия форсировала Балканский хребет и неодолимым потоком хлынула на Болгарскую равнину. А на дипломатическом фронте сгустились тучи, предвещавшие войну европейскую. Опытная отечественная дипломатия и сам император заранее отреклись от каких-либо захватнических побуждений на Балканах. Александр II в беседе с британским военным агентом полковником Ф. Уэлсли заверил его своим честным словом, что не собирается присоединять к России Константинополь, канцлер А.М. Горчаков подтвердил это в официальных демаршах в Лондоне; что же касается проливов Босфор и Дарданеллы, он предлагал решить вопросы судоходства в них с общего согласия держав. Чтобы обеспечить нейтралитет Австро-Венгрии – пошли на тяжелую жертву, согласившись, по Будапештской конвенции 1877 г., на бессрочную оккупацию провинции Босния и Герцеговина ее войсками и отказавшись от планов создания большого славянского государства (см. подробнее [3]).

Все хитроумные дипломатические комбинации полетели кувырком, когда российские войска спустились с Балканских гор и устремились к Адрианополю и Стамбулу. Лондон и Вена встали на защиту Высокой Порты. Суть их требований сводилась к тому, чтобы мирное урегулирование проводилось под контролем держав. И нотными протестами дело не ограничивалось. 13 февраля (н. ст.) 1878 г. эскадра адмирала Хорнби (шесть броненосцев и фрегат), в нарушение существовавших норм международного права, вошла в Дарданеллы и бросила якорь в Мраморном море. Подписанный 19 февраля (3 марта) в Сан-Стефано прелиминарный мирный договор кабинеты Лондона и Вены встретили градом протестов, требуя его пересмотра. Тут обнаружилась ахиллесова пята победоносной Дунайской армии – она имела на вооружении лишь полевые пушки, безвредные для британских кораблей. Перетащить через кручи Балканских гор тяжелые орудия, единственно способные поразить огнем

бронированные чудовища, было немыслимо, своей броненосной эскадры в Черном море не существовало и в помине. И отсутствовала какая-либо возможность выдворить суда адмирала Хорнби из Проливов либо помешать их прорыву в Черное море. Сложилась взрывоопасная ситуация – приблизительное равенство российских и турецких сил на берегу, готовая к вступлению в действие английская эскадра в Мраморном море плюс концентрация австро-венгерской армии на порубежье в Галиции.

Царское правительство встало перед мучительным выбором: или согласие на пересмотр условий Сан-Стефано, или почти неизбежная война с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии, Турции и, как позже обнаружилось, Румынии. Потенциальные враги не собирались повторять печальный опыт Карла XII и Наполеона и вторгаться в Россию. Предстояла война иного рода, война на истощение, в которой все козыри находились в британских руках. Владычица морей могла задушить российскую торговлю, закрыв Босфор и Дарданеллы, перерезав морские пути, подвергнув блокаде берега в Черном и Белом морях, на Балтике и в Тихом океане. Это, как и предсказывал Рейтерн, грозило финансовым дефолтом и погружением казны в пучину долгов. И, как следствие, вынужденное прекращение реформ и увековечение отсталости страны. Сама Великобритания могла спокойно и в полной безопасности отсиживаться на островах.

Австро-Венгрия, в отличие от Англии, была вполне доступна для российской армии. Выговорив, по Будапештской конвенции, необыкновенно благоприятные условия за свой нейтралитет, она соблюдать его не собиралась. Еще на совещании у кайзера Франца-Иосифа в ноябре 1876 г. обсуждался план похода против России, когда, как надеялись, Дунайская армия застрянет на Балканах. Глава венского внешнеполитического ведомства граф Д. Андраши вел себя так, будто Будапештской конвенции не существовало и занимался переговорами с Форин офис о военном сотрудничестве [4. S. 333–345]. В ответ на осторожный российский зондаж в Берлине канцлер О. Бисмарк дал понять, что разгрома Австро-Венгрии рейх не допустит. Итак, один предполагаемый противник, Великобритания, был недостижим, второй, Габсбургская монархия, находился под защитой Германской империи. Более безнадежную ситуацию было трудно даже придумать, единственным результатом войны представлялось разорение страны.

Общественность продолжала упиваться победами, ведущие генералы пребывали в тревоге и возлагали надежды на дипломатию. Великий князь Николай Николаевич, получив в ответ на британское вторжение в Проливы приказ вступить в Константинополь, телеграфировал брату-царю 12 февраля: “Я не считал себя вправе добровольно вызывать столкновение с Великобританией, в то время как нашей дипломатией делались всевозможные попытки к улаживанию затруднений и к предотвращению пагубной для нас войны”. Военный министр Д.А. Милютин призывал не “рисковать новой войной против половины Европы”, которая не могла бы “доставить нам более, чем теперь, выгодный мир и более поддержать “достоинство” России”. Он полагал: “Мы не можем более сражаться. Мы не можем ни по военным, ни по финансовым соображениям” [5].

Из Лондона, от посла П.А. Шувалова, поступали вести одна хуже другой. Он сообщал о наличии “некоего заговора полусумасшедшей бабы (королевы Виктории. – В.В.) с министром, не лишенным дарований, но выродившимся в

политического клоуна” (премьера Б. Дизраэли. – В.В.). “Воинственный дух все растет, британцы усматривают только две возможные альтернативы – либо война с Россией, либо унижение Англии”. Близкая к правительству газета “Daily Telegraph” была в барабан: «Какой бы “мир” ни был подписан в Сан-Стефано, он останется клочком бумаги, пока не будет представлен на всеобщее обсуждение; если же этого не произойдет, честно и открыто, лучшими британскими представителями явятся наш флот и наша армия, будь то с союзниками или без них» [6. Д. 80. Л. 592]. Общественность страны потонула в волнах шовинизма.

Чтобы избежать грозящей катастрофы, самодержавие, смилив гордыню, согласилось представить прелиминарный договор на суд держав, зная заранее, что он подвергнется пересмотру.

Поездка князя А.М. Горчакова в Каноссу с адресом Берлин, Унтер ден Линден, участие его в конгрессе во главе российской делегации иногда приписывается его старческому тщеславию – “старый пес решил доказать хозяину, что у него еще есть зубы” [7. С. 377]. На наш взгляд, подобные утверждения – напраслина. На конгрессе Германию представлял канцлер, Англию – премьер-министр, Австро-Венгрию и Францию – главы внешнеполитических ведомств. Негоже было бы для России быть представленной “всего лишь” послом, да и Н.П. Игнатьев, наиболее компетентный в посольском корпусе в балканских делах, являлся в глазах оппонентов персоной *non grata*, как творец Сан-Стефано. Так что выбора у Александра II, по большому счету, не существовало. Горчаков отправился в путь с самыми мрачными предчувствиями – “доигрывать партию в заранее проигранном положении” – и столкнулся в германской столице со “злой волей почти всей Европы” [8. С. 327].

Решения конгресса обрушились на пребывавшую в эйфории российскую общественность словно гром с ясного неба: Болгария по сравнению со Сан-Стефано была урезана в три раза, только ее северная часть обрела государственность, а южная, под именем Восточная Румелия, получила лишь автономию. Босния и Герцеговина подверглись бессрочной австрийской оккупации, англичане утвердились на острове Кипр, основав там свою военно-морскую базу. Канцлер и его коллеги превратились в “козлов отпущения” за крушение несбывшихся надежд общественности на полную перекройку карты Балкан и утверждение здесь российской гегемонии. Родилась легенда (живущая и поныне) о том, что дипломатия похоронила в Берлине победоносный российский меч. На несчастных участников конгресса обрушился шквал резких, оскорбительных, исполненных личных выпадов газетных статей. На общем шумном фоне особо отличился златоуст славянофилов И.С. Аксаков, витийствовавший перед московскими единомышленниками: западные державы “срывают с России победный венец” и водружают вместо него “шутовскую с гремушками шапку. Слово немеет, мысль останавливается перед этим колобродством русских дипломатических умов, перед этой грандиозностью раболепия” [9. С. 8, 20].

Трезвые голоса звучали редко и приглушенно. В августовской книжке (1878 г.) журнала “Вестник Европы”, появилась статья, автор которой доказывал, что никакой катастрофы в Берлине не произошло, что объединение двух Болгарий не за горами и не беда, что отменены некоторые нереальные, а потому и неисполнимые статьи Сан-Стефанского договора [10. С. 214]. Другие либеральные органы успокаивали опечаленную публику – беда не так велика, впадать в отчаяние не надо, и, что показательно, в деловом плане обсуждали

задачи утверждения на Балканах в новых условиях. Полно и аргументированно точку зрения противников создания неких славянских суперобъединений и сокрушения для этого Османской империи выразил публицист и общественный деятель Б.Н. Чичерин в записке “Берлинский конгресс перед русским общественным мнением”, обнаруженной в бумагах императрицы Марии Александровны после ее смерти и опубликованной много десятилетий спустя. Чичерин утверждал в ней: присоединение Константинополя “было бы не усилением, а ослаблением России. Центр тяжести перенесся бы с севера на юг, в нерусские земли. Если Россия должна остаться Россией, она не может сойти со своего места и стать у Средиземноморья” (здесь помета царской рукой: “Совершенно справедливо”). Не следует преждевременно разрушать ослабевшую Османскую империю, на ее развалинах возникнут “бесчисленные затруднения от незрелых и сталкивающихся друг с другом народов, к чему соединилось бы неизбежное соперничество европейских держав”, и в перспективе Балканы ожидает превращение во взрывоопасную зону. Лучше подождать, пока “дряхлое тело” Турции развалится само собой. Сан-Стефанский договор Чичерин считал плодом “филантропии, либерализма” и представления о мессианской миссии России, но эти “газетные ярлычки служат плохими руководителями в политике”. Чичерин полагал, что “государственные люди, подписавшие Берлинский трактат, несомненно, потеряли в России популярность, но они имеют право на благодарность русского человека” [11. С. 414–420, 422].

В Лондоне “героев конгресса” премьер-министра Б. Дизраэли (графа Биконсфилда) и главу Форин офис маркиза Р. Солсбери удостоили высокого ордена Подвязки, палата общин и лорды образовали своего род хвалебный хор в их честь. Но по ходу прений в диссонанс прочим ораторам прозвучал голос лидера либеральной оппозиции графа Д. Грэнвилла: “Воистину, я понять не могу – неужели можно рассматривать Берлинский договор иначе, как предоставляющий России все то, что она действительно хотела или желала получить” [6. Д. 74. Л. 431].

Полемический гам в обстановке накала страстей – не та среда, в которой появляются здравые суждения. Трактат имел множество недостатков, но все же деревья не должны заслонять леса. Договор нуждается в спокойной, серьезной и взвешенной оценке без всяких эмоциональных и запальчивых суждений, коим грешили “постконгрессовые” дискуссии, и не с точки зрения несбывшихся надежд, а в соотношении с довоенной ситуацией. И тогда перед взором предстает совсем иная картина.

Россия залечила последние раны Крымской войны, вернув себе Южную Бессарабию. В Закавказье она присоединила Карс, Ардаган и обладающий хорошей естественной гаванью Батум. Закончилось полувековое противоборство с Британией на Балканах, рухнула доктрина *status quo* о неприкосновенности турецких владений в Юго-Восточной Европе. Османская империя получила удар, от которого уже не смогла оправиться. В Берлине, после 500-летнего перерыва, была восстановлена государственность болгарского народа. При этом, однако, произошло противоестественное разделение страны на северную и южную, но уже тогда создавались предпосылки не то что для возможного, но для неизбежного их объединения, что и произошло через семь лет.

Можно сказать, что по большому счету отступление в Берлине произошло лишь в деле создания большой, с выходом к Черному и Средиземному морям, Болгарии. Самодержавие не пошло ради этого на развязывание европейской

войны с Англией, Австро-Венгрией, Турцией и Румынией, безнадежной с самого начала. Следует учитывать и еще одно немаловажное обстоятельство: против создания “Сан-Стефанской Болгарии” выступали не только западные державы, но, по разным причинам, румыны, сербы, греки и албанцы. Они считали намеченное разграничение односторонне благоприятным для Болгарии и не учитывающим расселение этносов. Над этим стоит задуматься. Уже в те годы полковник Г.И. Бобриков, уполномоченный командования в Сербии, человек, хорошо знакомый с балканскими делами, высказывал мнение, что Сан-Стефанский договор восстанавил против России не только западные державы, но и народы, во имя которых было поднято оружие. Он создал почву для распрей на полуострове [12].

Необходимо сразу же сделать одно замечание в связи с точкой зрения полковника – сказанное им относилось лишь к болгарским сюжетам, в целом же весь блок положений Сан-Стефанского договора, в урезанном виде вошедший в Берлинский трактат, заложил основы нового миропорядка на Балканах и, как таковой, заслуживает самой высокой оценки.

И венец всего – появление на карте полуострова трех международно признанных независимых государств, Сербии, Румынии и Черногории. В 1876 г. подобное представлялось недостижимым. Величие достигнутого особенно рельефно, если вспомнить о провале попыток достигнуть желаемого на дипломатической стезе, без свиста пуль и разрыва снарядов. Румынские правители с этой целью отмежевались от борьбы южных славян и заверили султана в своей лояльности. На фоне свирепой расправы с апрельским 1876 г. восстанием в Болгарии это звучало утешительно для Высокой Порты. 16 июня министр иностранных дел М. Когэлничану отправил в Стамбул перечень уступок, которые Бухарест хотел бы получить в знак признательности за свое хорошее поведение. Слово “независимость” он употребить не решился, а воспользовался неизвестной в международном праве формулой – “признание индивидуальности” Румынии. Однако перечисленные семь пожеланий, в том числе прием представителя княжества в Константинополе в дипломатический корпус, признание неприкосновенности румынской территории, право выдачи национальных паспортов, – в совокупности давали стране статус независимого государства [13. Р. 296, 299–300]. Ответа Когэлничану не удостоился. А в провозглашенной в декабре 1876 г. турецкой конституции Румыния объявлялась привилегированной провинцией султаната. В условиях надвигавшейся русско-турецкой войны перед страной открывались два пути – либо военное сотрудничество с Россией и достижение в союзе с нею независимости, либо превращение в поле сражений между двумя армиями, царской и султанской, без всякой надежды на изменение ее государственного статуса. Выбор первого пути был естественен.

Составляя первые наброски мирного урегулирования (июнь 1877 г.), канцлер А.М. Горчаков предусматривал в них лишь территориальное расширение Сербии и Черногории [14. С. 25]. Предоставление им международно признанной независимости стало возможно лишь после победоносной войны.

Общественность немногочисленные холодные и сухие доводы не принимала, и руководствовалась горячим чувством: налицо провал на конгрессе, допущенный нерадивой и неспособной дипломатией. Обида поселилась в памяти народа всерьез и надолго. Постепенно газетная и журнальная полемика стихла, но заложенные в ее ходе оценки перекочевали на страницы мемуаристики, юбилейных изданий, популярных книг и даже научной литературы. Прошло

50 лет, и великий князь Александр Михайлович, находясь в эмиграции, изобличал А.М. Горчакова “со товарищи”: “Русские дипломаты еще раз подтвердили свою репутацию непревзойденной глупости...” [15. С. 24]. В 1950 г. автор солидной монографии Н.И. Беляев в очередной раз раскритиковал отечественную дипломатию: “Угрозы войной не были основаны на реальной возможности ... и являлись лишь игрой на нервах русского правительства” [16. С. 326]. В том же духе высказывался автор ценного исследования С.Л. Чернов: «Демарши английского флота в проливах, вотирование военного бюджета, мобилизация резервистов... являлись не более чем демонстрацией “военных мускулов” Лондона, преследовавшей цель запугать и оказать давление на царское правительство, вынудить его к уступкам» [14. С. 69]. Недавно та же нота прозвучала со страниц газеты “Известия”: “Европа не имела ресурсов для войны с Россией” (!!! Имела, даже в избытке!) Войска «были готовы войти в Константинополь. Казалось бы, сбывается вековая мечта всех православных народов. Но российское правительство, что называется, “взяли на понт”» [17]. Император Александр капитулировал.

Выходящий миллионным тиражом журнал “Вокруг света” считает возможным говорить о “берлинском позоре” [18. С. 109]. И уж совсем дурной бульварщиной отдают оценки в книге О.Г. Игнатьева: “Дряхлый канцлер России глазами хлопал, глядя, как представители великих держав уничтожают Сан-Стефано” [19. С. 186]. Но это уже, как говорится, ниже всякой критики.

Общие веяния не миновали коллективных трудов и учебных пособий. Солидная монография “Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – нач. XX в.” отличается взвешенностью оценок (автор соответствующих глав – Н.С. Киняпина): условия Сан-Стефано “предлагали такое решение Восточного вопроса, которое было чревато новой войной”. В книге, однако, перечисляется столько недостатков Берлинского трактата, что его результаты выглядят скромно: “Антирусская и антиславянская деятельность Англии, Австро-Венгрии и Турции на конгрессе не могла зачеркнуть положительного значения войны для балканских народов” [20. С. 235, 232]

Та же тенденция просматривается в учебной литературе. Утверждение: царское правительство несколько преувеличивало нависшую угрозу войны [21. С. 184] навеивает читателю мысль – а не стоило ли идти ва-банк, навстречу войне с половиной Европы? Формула: “Условия Берлинского конгресса попирали интересы балканских народов и были чреватые новым конфликтом” [22. С. 332] повергает в изумление. Международное признание независимости трех стран, увеличение сербской территории на 11 тыс. кв. км. по сравнению с почти девятью тысячами, полагавшимися по договору в Сан-Стефано, что это – “попрание интересов”?

И, наконец, последнее. Общественность, недовольная тем, что она считала неудачей, мечтала о реванше. И, после Берлина, началось своего рода мифотворчество на балканские сюжеты, которому с особым упоением предавались славянофилы. Сергей Данилович Сказкин писал о сложившейся ситуации кратко и сурово: «Не было ни армии, ни флота, ни денег. Российское правительство даже не помышляло ставить какие-либо серьезные балканские вопросы. Оно ограничивало свою активность в 80-е годы обороной от возможного наступления Англии в случае развала Турции, и отнюдь не мечтало получить “ключи от своего дома”» [23. С. 159, 213–214] в виде Черноморских проливов. Но чувство неудовлетворенности и горечи в общественности не

рассасывалось, и недовольство обратилось против властей предрержащих, включая власть высшую: “Война, которая должна была принести единение, принесла очередное разочарование в царе”. И в брешь между обществом и властью устремились террористы. А прожектеры сооружали воздушные замки. Философ К.Н. Леонтьев строил планы образования Восточноправославного союза с центром в Царьграде, как он на древнерусский манер именовал Константинополь. Идеолог панславизма Н.Я. Данилевский мечтал о создании Восточнохристианского союза со столицей в Константинополе. Обсуждаемые способы достижения цели конкретностью не отличались, брошенная фраза: “Видно, путь к Босфору и Дарданеллам идет через Дели и Калькутту” свидетельствует о том, что Данилевский не исключал и похода в Индию в случае войны с Великобританией. И.С. Аксаков, явно витая в облаках, допускал, при определенных условиях, возможность добиться согласия Лондона на утверждение России в Проливах. А.А. Киреев был скромнее и полагал, что занятие “какой-нибудь квадратной мили в Константинополе или Дарданелльском проливе” международного переполоха не вызовет. М.Д. Скобелев в записке, опубликованной после его смерти, просто утверждал: “Россия должна владеть Босфором” [10. С. 172–175, 177].

Министерство иностранных дел взрастило собственного сочинителя мертворожденных схем овладения Босфором в лице посла в Стамбуле А.И. Нелидова. Александр Иванович, начиная с 1881 г., подал четыре записки на сию тему, Александр III ему душевно сочувствовал, но понимал, что все они пришлось не ко времени [24. С. 95–113]. Любая попытка в этом плане требовала по крайней мере наличия броненосной эскадры, не на пароходах же общества Доброфлот было осуществлять вторжение в Проливы, а броненосного флота в Севастополе как не было, так и не будет вплоть до середины 1890-х годов.

130 лет миновало со времени осады Плевны, “сиденья на Шипке” и стремительного броска Дунайской армии к Константинополю, а все нет согласия по поводу оценки прошедшей войны. Историки и публицисты придерживаются разных мнений, общественность, похоже, все еще в плену легенды о нерадивой дипломатии, не сумевшей отстоять на конгрессе плоды победы. Представляется, что сблизить мнения можно одним путем – прекратить противопоставление блистательного Сан-Стефанского договора и достойного жалости Берлинского трактата, представить их как звенья одной цепи умиротворения, в которой Сан-Стефано сыграл роль *fait accompli*, свершившегося факта, так что в труднейшей обстановке международной изоляции отечественной дипломатии удалось в Берлине отстоять основы заключенного Н.П. Игнатьевым акта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Татишев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 1996. Т. 2.
2. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. Л., 1983. Т. 25.
3. *Виноградов В.Н.* Герои Шипки и туманы Лондона // Новая и новейшая история. 1979. № 6; 1980. № 1.
4. *Dioszegi I.* Die Aussenpolitik der Osterreich-Ungarischen Monarchie 1871–1877. Wien, 1985.
5. Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны на Балканском полуострове. СПб., 1900. С. 114–115; Дневник Д.А. Милютин. М., 1950. Т. 3. С. 35; Красный архив. 1933. № 4. С. 101.
6. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1878.
7. *Радзинский Э.С.* Александр II. Жизнь и смерть. М., 2007.

8. Канцлер А.М. Горчаков. М., 1998.
9. Аксаков И.С. Речь, произнесенная в Московском славянском благотворительном обществе. Берлин, 1878.
10. Хевролина В.М. Власть и общество 1878–1894. М., 1999.
11. Сказкин С.Д. Дипломатия А.М. Горчакова в последние годы его канцлерства // Международные отношения. Политика. Дипломатия. М., 1964.
12. Новая и новейшая история. 1979. № 2. С. 83; Виноградов В.Н. Русско-турецкая война 1877–1878 г. Военный триумф и драма умиротворения // Новая и новейшая история. 2007. № 6; Бобриков Г.И. Записки. СПб., 1913. С. 93.
13. Kogalniceanu M. Texte social-politice alese. Bucuresti, 1967.
14. Чернов С.Л. Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 г. М., 1984.
15. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991.
16. Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877–1878 г. М., 1950.
17. Известия. 27 II 2007.
18. Вокруг света. 2007. № 4.
19. Игнатъев О.Г. Сын России, заступник славян. М., 1991.
20. Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978.
21. Новая история 1870–1918. М., 1973.
22. Новая история. Второй период. М., 1976.
23. Сказкин С.Д. Конец австро-германо-русского союза. М., 1974.
24. В “пороховом погребе Европы”. М., 2003.

© 2008 г. *М. КОРЫТКОВСКАЯ, И. ПЕТРОВ*

ИССЛЕДОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В БОЛГАРСКИХ ДАМАСКИНАХ

Существенные исторические изменения грамматической (морфо-синтаксической) системы болгарского языка, в которых отражается переход от старой (древнецерковнославянской) системы к современному состоянию, чаще всего рассматриваются в научной литературе в контексте аналитических тенденций, связанных, с одной стороны, с распадом системы именного склонения, а с другой – с развитием глагольных форм и их производных. Существенное значение имеют также исчезновение архаических синтаксических конструкций и изменения в области союзных форм. В большинстве работ (как обобщающих, так и касающихся отдельных вопросов) доминирует описание формального развития упомянутых конструкций, подчеркивается влияние фонетики на грамматику, указывается значительная количественная редукция парадигматических типов и некоторых частей речи. Вопросы функции языковых форм при этом зачастую рассматриваются либо поверхностно, без последовательного подхода, либо вообще остаются за пределами внимания исследователей.

Настоящее исследование ставит перед собой задачу рассмотрения некоторых проблем исторического синтаксиса болгарского языка принципиально на иных основах, нежели в традиционных работах на эту тему. Постулируется необходимость использования современных лингвистических методов, разработанных и проверенных в синхронных (в том числе сопоставительных) исследованиях. Такой подход представляется оправданным, поскольку позволяет последовательно описывать языковые явления в области как синхронии, так и диахронии, что, в свою очередь, дает основания для дальнейших методологически выверенных сравнительных работ.

Исследования исторического синтаксиса болгарского языка не могут обойти вниманием важную группу источников так называемого новоболгарского периода (XV–XIX вв.) – дамаскины. Нет нужды напоминать о значении этих памятников письменности для развития как литературного, так и живого болгарского языка. Стоит лишь отметить, что наряду с лексическими и фонетическими исследованиями в последнее время все чаще появляются работы, в

Корытковская Малгожата – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой южной славистики Лодзинского университета (Польша).

Петров Иван – канд. филол. наук, адъюнкт кафедры южной славистики Лодзинского университета (Польша).

центре внимания которых находится также синтаксический уровень языка дамаскинов [1; 2].

Стоит подчеркнуть, что до сих пор в лучшей и большей степени исследовались дамаскины так называемой новоболгарской редакции. Связано это как с их большим количеством, так и с приписываемым им значением в истории новоболгарского литературного языка [3; 4]. Несмотря на это, в ряде текстологических работ все чаще подчеркивается феномен дамаскинов так называемой архаической редакции [5; 6] – македонской и среднегорской, однако систематическое языковое исследование этой (относительно немногочисленной) группы источников все еще оставляет желать лучшего. Представляется, что принадлежность текстов обеих групп к одному и тому же жанру, а зачастую также наличие в обеих группах памятников одних и тех же произведений (в зависимости от степени текстологического развития новоболгарских дамаскинов) может с успехом использоваться в сравнительных диахронических исследованиях, сосредоточенных на динамике развития языковой системы. Период XVI–XVIII вв., являющийся в данном случае предметом анализа, в области синтаксиса исследован сравнительно мало (по отношению, например, к более ранним периодам – старославянскому и эпохи патриарха Евфимия Тырновского), что также провоцирует интерес историка языка.

Упомянутое использование современных и новых по отношению к предыдущим методов синтаксического анализа опирается на некоторые принципиальные установки, принятые в данном исследовании. Во-первых, последовательно выделяются два автономных уровня – уровень значения (семантический) и уровень формы (грамматический). Постулируется, что конкретные языковые формы и конструкции выражают определенные семантические категории, причем нет непосредственной и симметрической зависимости между первым и вторым уровнями, что связывается также с явлением многозначности. Во-вторых, для анализируемых источников предлагается общая модель семантического уровня, основанная на выделении конституирующих компонентов содержания (языка-посредника). Базой этого моделирования является предикатно-аргументная теория и формула так называемого элементарного предложения. Также используются модели таких семантических категорий (актуализаторов), как модальность, темпоральность, определенность/неопределенность, тема-рема и др. В-третьих, систематизация языковых конструкций основывается на выделенных семантических подтипах вне зависимости от разнообразия форм, реализующих эти подтипы. Таким образом устанавливается инвентарь формальных средств, служащих для выражения определенного значения, и показываются изменения в дистрибуции этих форм в диахронической перспективе.

Работа с конкретными примерами из письменных источников связана с реализацией на кафедре южной славистики Лодзинского университета (Польша) проекта (под руководством проф. Малгожаты Корытковской) по исследованию синтаксиса архаических и новоболгарских дамаскинов, в основе которого лежит создание базы данных с примерами конструкций, реализующих основные компоненты предикатно-аргументной структуры и других семантических категорий, которая может послужить для дальнейших исследований в этой области. Данная статья может рассматриваться как представление принципов и первичных результатов такого рода аналитической работы с текстами.

Языковой материал подвергнут категоризации на основе его значения. Интерпретация конкретных языковых структур проводится путем их парафразирования (на современном болгарском языке). Выделяются типы и классы в рамках конкретных смысловых (семантических) категорий, после чего все конструкции (предложения), реализующие данную категорию, упорядочиваются и группируются, исходя из формальных типов/процессов, которые в них наблюдаются. Это позволяет проследить зависимость конкретных формальных типов от семантических категорий, а также подробнее наблюдать за последствиями семантических процессов на уровне языковых форм.

Настоящая статья состоит из двух частей. В первой (автор М. Корытковская) внимание сосредоточено на монопредикативных интенциональных структурах, основанных на предикатах второй степени, имплицитующих пропозициональные аргументы. Вторая часть (автор И. Петров) затрагивает проблематику полипредикативных структур, т.е. двух независимых предикатно-аргументных систем, объединенных общим (имплицитующим их) реляционным предикатом. В рамках этого типа структур рассматриваются предложения, реализующие причинно-следственные и временные отношения.

I

Ниже представлен материал, извлеченный из архаического Крнинского дамаскина (КД) и новоболгарского Тихонравовского дамаскина (ТД), а также характеристика основных различий между двумя памятниками. Материал из одного памятника (ТД) сознательно показан более подробно – это позволило проиллюстрировать подход к синтаксическим явлениям, используемый в исследовании. Из-за ограниченного объема настоящего очерка необходимо было произвести отбор анализируемых глаголов. Для анализа были выбраны подклассы предикатов второй степени, которые представляют значительную часть появившихся в исследуемом фрагменте глагольных лексем (большинство из них отличается существенной частотностью и тем самым позволяет привести многочисленные примеры). Глаголы эти не представляют одного и того же типа как с точки зрения открываемых аргументных мест, так и с точки зрения специфики семантической структуры, которая может быть описана более глубоко и подвергнута дальнейшей классификации¹. В данном исследовании эта проблематика не является существенной.

Специфика исторического материала, заключающаяся зачастую в невозможности подтверждения того, была ли данная структура в языке допустимой, а также необходимость ограничиваться засвидетельствованными примерами, является, как известно, существенной проблемой, создающей порой неразрешаемые трудности. Можно, однако, предполагать, что определенные конструкции, допустимые для одной языковой единицы, были возможны и для другой, близкой с точки зрения семантики и имеющей схожие формальные черты создаваемых предложений (например, то, что подтверждено для глаго-

¹ Анализ может также основываться на синтаксических чертах аналитических парафраз предикаторов и проистекающей из них классификации, связанной с семантической спецификой предикатно-аргументных позиций. Такого рода критерии позволяют выделить каузативные/некаузативные, агентивные/неагентивные структуры и т.д. О классификации предикаторов см. [7].

ла *виждам*, было, скорее всего, допустимо и в предложениях, основанных на *забелязвам*).

По причине периодически появляющихся проблем с определением словарной формы вербальных единиц в описании указываются соответствия глаголов в форме, принятой в словарях современного болгарского языка.

1. Анализ реализации семантической структуры избранных классов глаголов в ТД

1.1. Ментальные глаголы

Семантическая характеристика этого подкласса предикаторов может быть представлена следующим образом: $P_{(x, p')^2}$.

1.1.1. Текстовые соответствия *мога*

Глагол *мога* имеет специфический статус в системе языка, являясь в форме 1 л. ед.ч. основной реализацией ментального состояния, которое решающим образом влияет на выражение модальности³ и выделяется по причине специфического статуса в языковой системе. Включая этот глагол в семантический класс $P_{(x, p')}$, необходимо подчеркнуть специфические черты создаваемых им синтаксических структур, а также то, что возможная вариантность ограничивается формальными чертами. О незаполнении позиции *x* см. ниже.

Формы глагола *мога* появляются в предложениях со следующей структурной характеристикой: $NP_k + S'_{да_1}/S'_{inf}$. Преобладают формы $да_1^{\wedge}V$, формы инфинитива появляются редко и только в сокращенном виде⁴, сравни:

И прѣри прѣъсказаше какъ ще на землю да слѣзе. и какъ ще ѿ дѣца плѣть да прѣймѣ дето ѿлци не **МОГОУТЬ** исказа тогогото бѣплѣщеніе. [11. К. 132 v]; а тон не **МОЖАШЕ** да трѣпи да се ѡмнѣжава рѡ' хрѣтѣанскимъ [11. К. 139]; дето никон не **МОЖЕ** да ходи по ѡнзи свѣтъ краснымъ и дето го не **МОЖЕ** никон оумъ ѿлѣьскимъ разоумѣ на срѣдето си или да постигне със оумѣт се оуѣйти. [11. К. 131 v].

1.1.2. В тексте появляются также другие глаголы, относящиеся к ментальным состояниям и операциям: *вярвам*, *доумея се*, *забравя*, *мисля*, *замисля се*, *помисля*, *намисля*, *промисля*, *зная*, *познавам/познам*, *помня*, *разбирам*, *разумея*. Основные создаваемые ими формальные структуры иллюстрирует синтетическая запись:

$NP_{-k} + V + \text{че/оти/какъ 'че' } ^{\wedge}S'/Q^{\wedge}S'/S'_{да_2}$. Сравни, например:

² Приводим список символов и сокращений, которые используются в первой части: p' – пропозициональный аргумент; S' – предложение, реализующее пропозициональный аргумент (интенциональное предложение); $соп^{\wedge}S'$ – интенциональное предложение с союзом; $NP_{НОМ}$ – номинальная фраза как эффект процесса номинализации; NP_k – фраза, согласованная со сказуемым (фраза подлежащего); NP_{-k} – фраза, не согласованная со сказуемым (беспредложная); $S'_{да_1}$ – интенциональное предложение, содержащее конструкцию $да^{\wedge}V$, которая не субституируется синтагмой типа *трябва/мога да^{\wedge}V*; $S'_{да_2}$ – интенциональное предложение, содержащее конструкцию $да^{\wedge}V$, которая допускает субституцию синтагмой типа *трябва/мога да^{\wedge}V*; $Q^{\wedge}S'$ – интенциональное предложение, вводимое вопросительным местоимением; S'_{inf} – интенциональное предложение, содержащее инфинитив; V – глагол; P – предикат; x, y – предметные аргументные позиции.

³ Это утверждение основано на модели описания семантической категории модальности, в котором основная дихотомия ментальных состояний – это состояние *знания* по отношению к состояниям *иньм*, *нежели знание* (ср. [8]).

⁴ О развитии форм инфинитива и его исчезновении в болгарском языке см. [9. С. 233–236; 10. С. 171–174].

[тїе] не **ЗНААХОУ** ҃е є дїаволь тазн жена [11. К. 151]; **И** като **РАЗБРАХОУ** мирїане ҃е є дошьль корабь със̄ пшеницоу. (и прославише сн҃҃кы б҃а) [11. К. 142 v]; и като го видѣ еп̄кп̄ ҃е доїде. **РАЗОУМЪ** оти є тонзи дето го уакаше. [11. К. 138 v]; **РАЗОУМЪЕТЕ** какь є былъ оугодникь б҃жїи. [11. К. 155]; (Това като ую евлавіе, прѣврати си оумъть) и **ЗАМИСЛИ** б҃е, какь бы была тазн работа [11. К. 145]; ниты **ЗНАЕМЪ** что сме сториле [11. К. 146 v]; и тїе окаяны, и не **ЗНААХОУ** зашто са затворени [11. К. 145 v]; **И ПОМЪИСЛИ** с҃҃҃ын тамо да остане на едно мѣсто самси да си се пости [11. К. 137].

Появляются также примеры, не содержащие союзной формы. Представляется, что в этих случаях проявляется черта разговорного языка, происходящая из специфики стиля определенных фрагментов:

и да **ЗНАЕТЕ** [че] шнзи архѣрен николас̄ вѣ сволады ѿ с҃҃҃мръть въ днѣшнын днѣ [11. К. 149]; [тонзи вл҃гоуьстивын улкь] **МНѢШЕ** моу б҃е [че] еднакь є оу морето [11. К. 152 v]; [евлавіе] **ПОМЪИСЛИ** б҃и [че] ако имь не стори по волга. да не быха се и тїе пометнѣле да си възмоуѣть иманїето ѿ нкго [11. К. 145 v].

1.1.3. Трансформации, касающиеся позиции *p'*

1.1.3.1. Материал произведения приносит интересные примеры операции так называемого поднятия аргументной фразы из структуры придаточного предложения, реализующего позицию *p'* (обозначаемого в поверхностной структуре как *S'*). Изменяется, однако, статус этой фразы, поскольку она получает функцию дополнения, выступающего наряду с остальной частью пропозиции *S'*⁵. Чаще всего фраза эта появляется в позиции прямого дополнения, возможно, однако, ее появление в некоторых случаях в позиции фразы непрямого (косвенного) дополнения. В анализируемом подклассе глаголов процесс изменения иерархии аргументных фраз имеет место у глаголов *зная, мисля, познавам/познаю, разбираю, разумею*. Сравни:

правы улци дето не **ЗНАЮТЪ** ничто зло да съ сториле, [11. К. 146] (ср. не **ЗНАЮТЪ** да съ сториле...); [монго добромьслыника.] и да го видѣ и да го **ПОЗНАА** кон є тонзи ҃тото ҃ины толкова млть със̄ мене грѣшнаго, [11. К. 135] (ср. да **ПОЗНАА** кон є...); (ами го постигноу онзи улкь,) и **ПОЗНА** го кон є. [11. К. 135 v] (ср. **ПОЗНА** кон є...); ами тькмо да **ПОЗНАЕМЕ** ѿ това добро дроугыте моу тинны работы колко са быле. [11. К. 136] (ср. да **ПОЗНАЕМЕ** колко са быле дроугыте моу тинны работы); [нѣкон улкь] бѣше **РАЗОУМЪА** писанїе что доума. да почиташь б҃а ѿвої троудь [11. К. 153] (ср. бѣше **РАЗОУМЪА** что доума писанїе).

Сравни также примеры с подобной функцией косвенного дополнения:

И МЪИСАШЕ и за севѣ си и за дѣщерыте си что да стори [11. К. 134] (ср. **МЪИСАШЕ** что да стори за адыщерыте си); а тїе **Б҃ХА**, ѿпрѣвѣнь **РАЗБЫРАЛЕ** за с҃҃҃го николас̄ какь ҃ини ҃юдеса. [11. К. 149] (ср. **Б҃ХА** **РАЗБЫРАЛЕ** какь с҃҃҃ын николас̄ ҃ини ҃юдеса).

1.1.3.2. Очередным типом структур, отличающихся от основной, являются предложения, в которых единственной реализацией позиции *p'* является аргументная предметная фраза из *p'* (обозначаемая $NP_{p'}$), – основной реализацией

⁵ Тип союза, вводящего подчиненное предложение, исключает появление относительного (придаточного) предложения, либо допускает интерпретацию подчиненного предложения как дополнительного, что указывается в скобках в соответствующих примерах. О процессе “поднятия” синтаксического статуса одной из фраз пропозиционального аргумента см. [12].

позиции p' в принятой модели описания, как было указано, является предложением. Такой тип структур засвидетельствован для соответствий единиц *врявам, забравям, зная*. Сравни:

(Това като ую цѣрь. и сѣкаше уе е истина) зацо **СИ ВЪРОУВАШЕ** евлавіа [11. К. 146]; **Ами ш бѣе уоѣнын сѣын николае. не ЗАБОРАВѢИ** рабы свое [11. К. 155]; и [единородны бнь] (плѣть прѣе.) ѿ прѣтам двца уто моужа не **ЗНАЕ** [11. К. 132].

Процесс этот в масштабе системы достаточно повсеместный и, вероятно, очень древний для славянских языков; стоит, однако, обратить на него внимание в диахроническом исследовании, поскольку в современном болгарском языке наблюдается его значительное распространение. Неизвестно, к какому периоду можно отнести начало экспансии структур данного типа – можно лишь отметить их широкую допустимость, охватывающую большое количество глаголов (см. [12]).

1.1.3.3. Придаточное предложение, реализующее аргумент p' , подвергается также номинализационным трансформациям⁶. В исследуемом фрагменте номинализационные конструкции не встречаются часто, среди них, однако, засвидетельствованы примеры фраз $NP_{\text{ном}}$, не содержащие/содержащие заполненные аргументные места (в последних обычно выражается с помощью членной формы единичность события/состояния, хотя это и не является правилом⁷). Сравни:

И мыслѣше и за севѣ си и за дьщерыте си уто да стори зашо не БѢШЕ ЗНААЛЪ сыромашство [11. К. 134]; [и недѣи се остави] да **ЗАБОРАВИШЬ** нашата смърть. [11. К. 146 v]; [шнѣа бжѣтвны моужѣе] и затова така **ЗНААХОУ** бжѣе хотѣнѣе [11. К. 131v]; [сѣын николае] и никон го не ѡсѣти. оти не цѣше да моу **ЗНАЕ** никон доброто (утоото уинѣше) [11. К. 134 v].

1.2. Глаголы, принадлежащие к сфере перцепции и ощущений

1.2.1. К этой группе принадлежат лексемы – соответствия современных глаголов *желая, искам, ща*, которые в рамках семантической структуры допускают денотативную идентичность обоих подлежащих – главного предложения и предложения, реализующего p' (ср. ниже – тип А), либо допускают отсутствие такой идентичности (ср. тип Б).

Выделение функции глагола *ща* в формах будущих времен (т.е. в функции темпоральной формы) может в определенных случаях вызывать затруднение. В обеих функциях в случае денотативной идентичности фраз подлежащего появляются формы сокращенного инфинитива, однако преобладают формы $да_1 + V$. Таким образом, основная структура предложения (тип А) может иметь вид $NP_k + V + S'_{да_1/S'_{\text{inf}}}$, сравни:

А: (И кога порасте,) да се оужени не **ЩЕ**. [11. К. 133] // а сега даи уто ми **ЩЕШЬ** да! [11. К. 153 v].

Б: [сѣын николае] и никон го не ѡсѣти. оти **НЕ ЩЕШЕ** да моу знае никон доброто утоото уинѣше. [11. К. 134 v].

⁶ О номинализационных процессах в современном польском и болгарском языках см. также [12].

⁷ Эта проблема требует отдельного анализа, сосредоточенного на характеристике p' и его аргументов с точки зрения реализации черт семантической категории определенности/неопределенности.

Формы – соответствия *желая, искам* в засвидетельствованных примерах основной формальной структуры (тип Б) не содержат форм инфинитива:

и да **ЖЕЛАЕМЪ** тамо да се сподобимъ на црѣтво нѣное [11. К. 156]; **Бѣ** и **Гѣ** мѣтвивыи. (дето въсегда съмыслювашь да е ѿспенїе на улѣци. и дето не щешь да е смърть на грѣшници,) ами **ИЩЕШЬ** да го шерьнешь на животь. [11. К. 135].

1.2.1.1. S' в исходной формальной структуре может подвергаться номинализации (примеры немногочисленны), причем в тексте засвидетельствованы предложения, в которых наблюдается отсутствие денотативной идентичности фраз подлежащего. В рамках фраз NP_{НОМ} могут быть заполнены аргументные места, сравни:

[гопѣдинъ еѵстатїе] **ИЩЕШЬ** ѿ нкого проценїе. [11. К. 148 v] (= *той да му прости*); (ами снѣко ѹтого виды бжїе око мѣтвивое.) дето **НЕ** **ЩЕ** смърть грѣшномуѹ ѹлкоѹ да боуде [11. К. 134] (= *грешен человек да умре*).

1.2.2. Для остальных используемых в тексте лексических единиц, относящихся к психическим состояниям и ощущениям, отмечены исходные поверхностные структуры предложений, которые можно схематически записать следующим образом: NP_к + Q^{AS}/S'/да₁/ѹе^{AS}/отн^{AS}/какъ (= 'че') ^{AS}'.

В ТД появляются текстовые соответствия глаголов *боя се, възвеселя се, завиждам, замайвам се, зарадвам се, засрамя се, любя, ненавиждам, оскърбя се, почитам, прешаля, претърпя, радвам се, разгневя се, разсърдя се, търпя, убоя се, уплаша се, утешавам се, жудя се, почудя се; виждам/видя, усецам/усетя, чуя*, сравни, например:

боя се: затова **СЕ** **БОИМ** и азъ да таньмъ бѣтаа работа [11. К. 132 v];

надеявам се: и затова **СЕ** ные **НАДѢХМЪ** да сме поуѣтени ѿ црѣтвото ти [11. К. 148];

радвам се: [моужь нкинъ] **РАДУВА СЕ** какъ (= ѹе) е продалъ скѣпо коверѣтъ [11. К. 154];

виждам: да **ВИДЪ** и црѣь оти ты нѣ си сѹдїа. ами си неоправникъ [11. К. 144 v] // [И шнзи ѿцрѣ на дѣщерытѣ.] **ВИДЪ** хоубѣвѣѣ, ѹе е истинна [11. К. 134 v] // да **ВИДИТЕ** колко зло ѹины завнсть ѹлкоѹ шнїа трите властелк [11. К. 145], и т.д.

1.2.2.1. Трансформации позиции *p'*

1.2.2.1.1. В анализируемом классе глаголов выступают также примеры операции “поднятия” аргументной позиции из S' (см. выше). Многочисленные примеры таких трансформаций можно найти в предложениях с глаголом *виждам*:

И ВИДИ го александръ ѹе е такѣвзи [11. К. 140 v] // **И стѣи** николае, като го **ВИДѣ** ѹе донде. (не оубоа се ѿ нкого) [11. К. 144 v] // и пакъ да го опознае подоврѣ. зацо го нѣ сме никога **ВИДѣ**лѣ какѣвъ е [11. К. 149 v] // и **ВИДѣ**ха шногова ѹлѣка ѹе стон, насрѣь къцать си. и вода морскаа тѣеѹе ѿ одеждата моѹ [11. К. 152 v] // **И прѣзъ** тѣзи ноцъ **ВИДѣ** стѣи николае насънѣ, враждѣвника дїавола, ѹе съ е въкауль ѿгоре на корабѣтъ на катарѣтїѹ [11. К. 136] // нѣкон нкговы ѹлѣци [...] **ВИДѣ**ше го какъ е ѿкованъ ѿ желѣза [11. К. 142] и т.д.

1.2.2.1.2. Реализация пропозиционального аргумента исключительно с помощью аргументной фразы (реже – фраз) из *p'* также засвидетельствована в исследуемом тексте, а явление это принадлежит к типичным, скорее всего древним и распространенным в данном классе глаголов в славянских языках (см. выше):

боя се: [ТАКЪВЪЗН ЗАКОНЪ ИМАМЕ ѿ НАШИ БАЦИ.] пръвѣнь да **СЄ БОИМЪ БѦ** [11. К. 147 v] (боя се, че^ΛS’);

разгневя се: [ЖЕНАТА МОУ] и **РАЗГНѢВИ СЄ** на нкго [11. К. 154 v] (разгневя се, че^ΛS’);

видя: (И наѣрѣ станѣ ѡнзи корабникъ.) и **ВИДЫ** в роуцѣтѣ си три жлѣтници [11. К. 142] (видя, че^ΛS’);

видя, чуя: [УЛЦИ] а стѣго не **ВИДѢХА** ни **УЮАХА** [11. К. 154] (чуя, че^ΛS’).

Появляются, однако, примеры, свидетельствующие о расширении дистрибуции этого типа трансформации исходной структуры и появлении “поднятой” фразы в позиции косвенного дополнения:

оскърбя се: **И стѣни николае** [...] за улѣкатого **СЄ** пакъ **ОСКРЪБИШЕ** [11. К. 136 v] (оскърбя се, че^ΛS’).

1.2.2.1.3. Номинализация р’

Примеров фраз NP_{НОМ}, реализующих позицию р’ в тексте, немного, причем обыкновенно они не имеют заполненных аргументных мест предикатов, подвергаемых номинализации:

Ами дето **НЕНАВИДЫ** добро дѣаволь, что изнанде... [11. К. 138 v]; **И** дroupы пакъ не можахоу да **ПРѢТРЪПАТЬ** ни мѣкы, нити... [11. К. 139]; [николае] **ВИДѢШЕ** игри, и смѣ и свирны... [11. К. 133].

Крайне редко встречаются, однако, фразы, содержащие аргументные места и членную форму, либо указательное местоимение в анафорической функции, что указывает на единичность состояния, замкнутого в рамках р’:

И ѡкато ВИДѢ епѣпъ гавакнѣето агѣлско (сказа и на дroupыте епѣпы това видѣнѣе) [11. К. 138]; (и притекоше моужѣе и жены и малкы и великы) да **ВИДАТЬ** това уюдо ѿ стѣго [11. К. 144 v].

1.3. Глаголы, относящиеся к информационным актам

1.3.1. Принадлежащие к трехместным предикатам глаголы, открывающие аргументные позиции для источника информации, адресата и содержания сообщения (с семантической структурой P_(x+y+p’)), выступают в настоящее время в исходных поверхностных структурах типа NP_k + на^ΛNP + соп^ΛS’/NP_k + NP_{-x} + соп^ΛS’: Ана каза на Иван, че е късно/Той я закле да се върне.

Принимая во внимание появляющиеся в тексте союзные формы, исходную структуру предложений с лексическими единицами анализируемого класса, т.е. с соответствиями новоболгарских *благодаря, думам, заклинам, заповядам, зарѣча, изказвам, изричам, казвам/кажа, обявя, повелявам, подумам, помоля се, попитам, предсказвам, проклинам, река, скажа, хуля*, можно проиллюстрировать схематической записью (не каждый союз подтвержден для каждого из глаголов)⁸: NP_k + на^ΛNP/с^ΛNP + оти^ΛS’/како/какъ (= ‘че^ΛS’)/ѡо/ѡтоѡо/ѡто (= ‘че^ΛS’) // S’_{дa2}/Q^ΛS’ M

В контексте глаголов этого подкласса, со встроенным в семантическую структуру компонентом возможности/необходимости (к этой группе принадлежат *заклинам, заповядам, зарѣча, повелявам, помоля се*), либо в ситуации маркирования позиции р’ аналогичным образом, в тексте ТД выступает S’_{дa2} – в данном случае не характерны формы инфинитива:

⁸ В схеме не был взят во внимание корелят *това*, редко появляющийся наряду с союзными формами (присутствует чаще факультативно в предложениях анализируемого типа в современном языке), например: *Казах му това, че // Видях това, че*, сравни: (заклиналъ те въ име бѣжѣе. да на гавишь ни) да **КАЖЕШЪ** нѣкомуѡу това ѡто ти азъ стори. [1. К. 135 v].

ЗАКЛИНАМ те въ имѣ бѣжѣ. да не гавишь ни да кажешь нѣкомуу това что ти азъ сторн [11. К. 135 v] // и азъ по правина **ЗАПОВѢДА** да ги погоубеть [11. К. 144 v] // **И стѣи николае** (мнѣго имѣ доумѣ, и пооуги ги,) и **ЗАРЬУИ** имѣ това дроугоу никомоу да не съ сториле [11. К. 137 v] // [црѣ] и **ПОВЕЛѢ** да ги занесоутъ въ црѣвата [11. К. 149] // и съ слѣзы моу **СѢ ПОМЛИШЕ** да сторн мѣва на бѣ [11. К. 136 v] // и **НАГОВОРИЛЕ СѢ** да доведоутъ вонскоу на црѣ [11. К. 145] // и поустн ме бѣ да ти **РЕКОУ** да поустниш трите осѣдените [11. К. 147].

Сравни также другие примеры реализации *p'* как предложения:

[Бѣше нѣкон ѹлкъ Ѡ ливѣа, именѣ арѣа.] и **ДОУМАШЕ**. оти хс какъ нѣ е истиннын бѣ. ами е създанъ Ѡ бѣ... [11. К. 140] // [старецъ] **КАЗА** цю моу съ встале жлѣтницн. и чтого е коупиль брашно и вино и просфоры, и свѣщы, и масло, и ѡлмѣанъ. и сиуко что трѣвоуваше въ днѣ стѣго никола [11. К. 155] // [трите моужѣе царевы.] и **КАЗАШЕ** моу какъ ходиха въ фрѣгѣн, и какъ сторнше миръ със таифали [11. К. 145] // **ПОДОУМАЙТЕ** ми ѡ ѹлцн, что се оуплашихте толкова прѣ любовнаго вашего црѣ [11. К. 147 v] и т.д.

Наличие позиции *p'* в синтаксисе *oratio obliqua*, характерном для *p'*, реализуемого в конструкциях с да₂^V, не является частым. Обобщая, можно констатировать, что существует четкое предпочтение для *oratio recta* (в контексте *reka* это повсеместно), в чем, несомненно, проявляется специфическая стилистическая черта, типичная для ораторского текста:

аггль гнѣ гави се старынмоу епкѣпоу, и **РЕ**. Ѡ епкѣе, что се троудите и досаждате си [11. К. 138] // ами моу **РЕ**. еустатѣе, что си това сторилъ неправеднъ соудъ [11. К. 144 v] // [бѣсооуете] и **ДОУМАХОУ**, неправдоу сторн със на николае [11. К. 151] // **ПОВЕЛѢ** црѣ. оутрѣ ще да вы бѣде съмрътнын день [11. К. 146].

1.3.2. Исследуемый текст не содержит примеров, иллюстрирующих “поднятие” аргументной фразы из *p'* при одновременном наличии в структуре предложения остатков предикации *p'*.

1.3.3. Отсутствуют также характерные для этого класса глаголов структуры, содержащие номинальную фразу в качестве единственной реализации содержания позиции аргумента из *p'*; сравни: *Юлия ми каза/разказа за него // Юлия ме уведоми за него*. Этот факт скорее всего имеет место по причине небольшого объема текста, но прежде всего связывается с тем, что заполнение позиции *p'* придаточным предложением наиболее часто встречается в конструкциях с S_{да}, и, как указано выше, синтаксис *oratio obliqua* является чрезвычайно частым.

1.3.4. Номинализации позиции *p'* появляются крайне редко. Отмечено несколько примеров фраз, являющихся определенными дескрипциями, содержащими указательное местоимение или членную форму (которая, однако, не используется последовательно). Некоторые из них – это тип *това чудо, тези добрини, това видение*, а в других содержится заполнение аргументной позиции (иногда конструкции расширяются относительным предложением):

и послѣ щемъ **КАЗА** и дроугите ѹюдеса [11. К. 149]; и **КАЗА** шнзи коравникъ сънь что е видѣль [11. К. 152]; [и двата] и **КАЗАШЕ** това ѹудо на сиукуте людѣе и на бѣщенницугте [11. К. 155]; кон еззыкѣ ѹлѣьскым може **ИСКАЗА** нговь троудѣ и добро, что уинѣше помнѣго Ѡпрѣвѣнь [11. К. 138 v]; **И** црѣ поуе да моу **КАЗОУВА** сънь что е видѣль [11. К. 147]; ((**И** Ѡкато се

постави да е Ёценникъ сѣѣин.) моѣва на бѣа, и друугы добрины дѣто ѹнѣше. кон ѣзыкъ лѹтъскыи може (...) да **ИЗРЕУЕ** [11. К. 133 v].

2. Незаполнение аргументной позиции при предикаторе – функции, область явления

Выше были указаны исходные структуры предложений (типичные для избранных подклассов глаголов) и их трансформации. Модификации исходной структуры, которая реализует максимально полным образом семантические черты, являются более частыми, к ним следует отнести также незаполнение аргументных позиций, так называемый синтаксический нуль. Функции этого нуля двойственны: он может иметь интерпретацию в виде неопределенной фразы (тип *нещо, всичко*), либо исполнять анафорическую функцию (контекстную – дополнение этой позиции связано в таком случае с появлением определенной фразы – определенной дескрипции). Каждая из выделенных в схемах позиций может подвергаться этим процессам, однако в разной степени. Незаполнение позиции *x*, чаще всего фразы подлежащего, связано с появлением структуры предложения, которое не содержит подлежащего (новоболгарский тип: *Не се влиза тука // Казват, че ...*). Незаполнение позиции *y* и *p'* в большей степени зависит от поверхностных черт рекции глагола, что неоднократно связывается с его семантической характеристикой, но если оно является допустимым при данной лексической единице, то также может быть связано с неопределенностью (в том числе – с общностью), либо с отсыланием к контексту (или шире – к ситуации). Естественно, кроме этого в тексте встречаются местоимения (*нещо, всичко, това*), исполняющие обе выделенные функции, и как специфический тип заполнения аргументных позиций они не будут в настоящей статье рассматриваться.

Структуры, не содержащие заполнения аргументных позиций, известны и типичны для славянских языков. Несомненна также их древность. В анализируемом памятнике они, конечно же, тоже присутствуют и поэтому стоит их проиллюстрировать для показа полного инвентаря структур предложений, которые в нем засвидетельствованы.

2.1. Незаполнение позиции *x*

Независимых от контекста примеров использования, связанных с неопределенностью (в том числе – общностью), в исследованном фрагменте нет, отсутствуют также безличные конструкции. Анафорический нуль на месте *x* является очень часто, особенно в сложных структурах предложения, и является, конечно же, закономерностью в случае появления структуры в позиции придаточного предложения, при денотативной идентичности фраз подлежащего обоих предложений, а также в случае появления инфинитива:

[ѿръ] (и поустн тѣмниѹаратого ѹто пазн тѣмницѣта,) да їмь [той] **КАЖЕ** ѡнѣзи горѣа доѹма [11. К. 146] // [и двата] и **КАЗАШЕ** това ѹюдо на сиѹкытѣ] и **КАЗАШЕ** патрїархоѹ миѹанлоѹ [11. К. 155]. Сравни также выше примеры предложений с соответствиями форм *мога, искам, ща*.

2.2. Документируется также незаполнение позиции *y* в подклассе информационных глаголов с аналогичными (как выше) функциями нуля. Как правило, акт коммуникации относится к конкретной ситуации, а идентификация адресата чаще всего основана на широком контексте (анафора):

аѢгълъ бѢнъ гавн се старынмоѹ епѣпоѹ, и [му] **РЕ. Ѡ** епѣпѣ, ѹто се троѹдите и досаждате си [11. К. 138] // **И Ѡ**като видѣ епѣпъ гавкнїето аѢгълско [той]

СКАЗА и на друугыте епѣпы това видѣніе [11. К. 138] // [сѣын] и [ги] **ПОПИТА** коѣ ще корабъ ѿи на неговото ѿѣство [11. К. 137].

Лишь иногда это явление связано с адресовкой коммуниката подданным царя. Представляется, что в данном случае действует определенная конвенция, однако допустима в некоторых случаях интерпретация с помощью неопределенной фразы. Сравни:

[црь] и **ПОВЕЛѢ** [на някои/на тях] оустрѣ ще да вы бѣде съмрътныи день [11. К. 146] // като и гѣ **ЗАПОВѢДОУВА** [на всички] въ сѣде еѣліе. кон знае что е вола бжѣа, и не ѹни, много ще моѹка да има на дшѣта си [11. К. 155 v] // това [μωυσι] изыавлаваше със прѣрѣството си и **ПРѢКАЗОУВА** [на всички] [11. К. 131 v].

2.3. Незаполнение позиции *p'*

Нуль в позиции *p'*, допускающий субституцию с помощью *нещо/всичко* (неопределенность), появляется крайне редко во всех подклассах глаголов:

Тогази **ПОДОУМА** [нещо] непотіань, и каза цроу... [11. К. 148] // и самси бѣ **ДОУМАШЕ** със тѣхъ [за нещо] оуста със оуста [11. К. 131 v].

Определенная склонность к незаполнению позиции *p'* при информационных глаголах может проистекать из их специфических семантических черт – возможности такой модификации некоторых из них, в результате которой доминанта не сосредоточена на содержании информации (хотя придаточное предложение, ее содержащее, допустимо в структуре предложения). Характерен в данном случае, например, глагол *моля се*:

[нѣкон блгоустивь и добрь хртїанинъ] И накани се веднѣшь да иде по нѣкоа си работа и понде оу црквата сѣмоу николоу и **ПОМЛИ СЕ** [11. К. 152].

Отсутствие позиции *p'* связано обычно с отсыланием таким образом к контексту (анафора), и это более частое явление, выступающее также в контексте таких лексических единиц, как *мога*:

и тѣ текоше да го постигнѣтъ на поутѣ, и не **МОГОШЕ** [да го постигнат] и оуѣзоше въ цркви [11. К. 149 v]. Сравни также: и ако нѣщо видите страшно оу морето, не **БОИТЕ СЕ** [от това] [11. К. 152] // И тѣ като ѹюха това **ОУБОАШЕ СЕ** [от него] [11. К. 143 v] // [ѿнзи корабникъ.] (и виды в роуцѣтѣ си три жлѣтицы.) И **КАЗА** [това] и на друугыте корабници [11. К. 142].

В тексте появляется также типичная для библейского стиля катафора: [корабниците] и **ПОПИТАШЕ**, тамо ѹлци [за това], и рекоше. где сѣде вашъ вѣа [11. К. 149 v].

3. Сравнение архаического и новоблгарского текстов

Материал из Тихонравовского дамаскина дает представление о типах основных структур предложения для нескольких подклассов глаголов и присутствующих в языке возможностях их трансформаций. Небольшой объем текста не позволяет подробно представить картину из аналогичной пробы Кринского дамаскина (КД), поэтому в данном месте ограничимся лишь общим сравнением двух текстов, сосредоточивая внимание на наиболее важных для развития языка чертах. Были проанализированы структуры предложения, создаваемые теми же, что и в случае ТД, подклассами глаголов.

3.1. Существенные различия в реализации основных структур предложения между двумя текстами связаны с хорошим сохранением в тексте КД инфини-

тива (как правило, в полной форме⁹), который появляется в предикативных позициях пропозиционального аргумента и, как правило, связан с денотативной идентичностью аргументных позиций главного и имплицитного предикатов. Появляется он обязательно в рамках p' при глаголах, выражающих возможность, волю (*мога, искам* и пр.), например:

кое слово улаъское **МОЖЕТЪ** сказати бдѣнїе нже имѣаше. пощенїе, възрѣжанїа, млтвы [13. К. 265] // **Щцъ** же бш онѣхъ дъщерѣ, таковы сывѣтъ поучи все. и въ дѣло **ВЪСХОТЪ** исплъннн [13. К. 266 v].

Присутствует инфинитив также в случае лексических единиц класса *verba dicendi* со встроенным значением возможности – здесь появляется денотативная идентичность с позицией *у*, сравни примеры с соответствиями *моля*:

҃лцы же **Щ** страха своего, прнтекоше къ стмѣ. и съ слъзами **МЛЕЩЕ СЕ** емѣ млннн **Ба** еда прѣстанеть ветрь [13. К. 268 v] // слышаше иепкпы слово, и добро нмъ гавн се. сътворише бо млтвоу ноци шнон и въсее ноци **МЛЕЩИ** **Ба** показати кто ѣ дбннѣ архїереи [13. К. 270 v]. // потѣ **ПОМОЛИ** все и шнѣ поннн добрѣ въ пѣ свон и въ мѣста своа [13. К. 269 v].

В предложениях с *oratio obliqua* могут, однако, выступать побочные формы $da_2 \wedge V$:

тѣтїю **ЗАКЛИНАЮ** те въ **Ба**, дондеже живоу азъ, да не изыдетъ **Щ** ѣсть твоѣ слово се [13. К. 268] // тѣ нже **ПОВЕЛѢВАЕТЕ** бголюбїе ваше сътвори ти архїереа, сѣ искоусныи изъбраннн **Щ** на ҃лцѣ [13. К. 269] // прѣе **МЛИМЪ** црѣтво твоє, ннѣ же по дѣлашмъ его да изврѣжемъ и да въврѣжемъ въ тѣмннцоу [13. К. 274] // прѣе **ГЛЮ** вамъ да не съблазннте се ннѣтто же [13. К. 268 v].

Засвидетельствованы и другие типы придаточных предложений, вводимых с помощью относительных местоимений $Q^{\wedge}S'$, союзов *яко, ради*:

[великнн **Николаѣ**] **ПОКАЗОВАШЕ** како хотѣше съѣтати се послѣже [13. К. 265] // [**Щцъ** же шнѣ дъщерѣ] и **ВИДѢ** яко бѣ понстннѣ, трнста златннцн [13. К. 267] // надѣе се на **Ба**, яко шнѣ нже съмотри прѣво и прнкїю, хоше **ПРОМЫСАТИ** и ради ннѣ шнон [13. К. 267] // стѣ же такоже **ВИДѢ** таковъ добротоу поуроци нмѣнїе улакъ. и тако въ хотѣнїе бжїе потребѣствова, възмъ въ второю ноць. и свѣзавъ ннѣ едннѣ ѣроусыць, дроугы трнста златннцн. и пакы въ ноци понде и врѣже нхъ **Щ** оного прозорца [13. К. 267]. Сравни также: [҃лцы без вынн] не **ВЪХОУ** почто ради нѣ шсжднше [13. К. 278 v].

Аналогичным образом, как и в ТД, представлена в КД картина, касающаяся *oratio recta*, а также явления незаполнения аргументных позиций – нуль имеет чаще всего анафорическую функцию. Интересным представляется сравнение обоих текстов в контексте структур, увеличенная дистрибуция и частота появления которых свойственна современному болгарскому языку. Это касается предложений, характеризующихся “поднятием” аргументной фразы из p' , и ее присутствием в качестве единственной репрезентации p' , а также структур, содержащих номинализированную позицию p' (NP_{NOM}).

3.2. Явление “поднятия” аргументной фразы из p' связано со старым синтаксисом *accusativus cum infinitivo/participio*, который присутствует в канонических памятниках и связывается (особенно *accusativus cum infinitivo*) с влиянием греческих переводов (ср. [14; 15; 16. Р. 343–345; 17]).

⁹ Только один раз появилась сокращенная форма: *яко не хотѣше шнѣ хвали **Щ** улакъ* [13. К. 266 v].

В обоих исследуемых памятниках присутствуют структуры, содержащие реализацию *p'* с одновременной заменой статуса одной из аргументных позиций, вынесенные на место дополнения главного предложения. Интересно, однако, что в хронологически более позднем памятнике (ТД) такие примеры появляются значительно чаще, а в памятнике более древнем, характеризующемся рядом архаических черт (КД), в том числе сохранением инфинитива, отсутствуют примеры с синтаксисом *accusativus cum infinitivo* – в крайних случаях наряду с дополнением выступает придаточное предложение, содержащее QAS', тако^S' в контексте *виждам, позная*, сравни: **ВИШИ** ли трѣе властеле добри что сътворише [13. К. 277 v] // **ВИДѢ** бо ѿ црѣ тако не могуѣтъ глѣати ѿ стрѣ своего и ѿ плача [13. К. 280] // и такоже его видѣ, **ПОЗНА** его кто ѣ [13. К. 267 v].

Отсутствие синтаксиса *accusativus cum infinitivo* и редкое появление структур новоболгарского типа в тексте КД, а также их многочисленность в тексте ТД могут приводить к мысли, что вновь они распространились в литературном языке в период после появления первого перевода греческих дамаскинов. Несомненно имело значение влияние новогреческого языка, который многое черпал из живой речи. В ТД эти структуры имеют более широкую дистрибуцию, нежели представленные выше примеры, и появляются в контексте *показа*: **И** слоушантѣ какъ го **ПОКАЗА** бѣ. ѹе ѣ праве днь и достоннь [11. К. 142].

3.3. Текст КД документирует явление реализации позиции пропозиционального аргумента *p'* лишь с помощью одной из его номинальных фраз, однако отсутствуют примеры, которые могли бы свидетельствовать о распространении этого типа явлений (в ТД также появилось только одно такое предложение – см. выше). Таким образом, в тексте мы находим укоренившиеся в языке структуры этого типа: **ПОКАЖИ** ми вѣрнаго твоего раба. **ПАВИ** ми блгодѣтеля моего [13. К. 267 v] // стѣ же такоже его **ВИДѢ**, ниже ѹбоа се ничто же, ниже ѹклонн се [13. К. 277]. Преобладают предложения иного типа, в том числе вне структур, содержащих номинализированные фразы, а также “поднятые”, среди которых – реализующие основной тип (иногда с определенными особенными чертами в виде нетипичного использования союза и), например: и **ВИДИТЬ** вѣ ржцѣ его и вѣхочу трѣе златице [13. К. 274 v] // и **ВИДѢ** тако вѣ поистинѣ, триста златици [13. К. 267] // зѣра же такоже вѣста двмѣ гнь ѿ постелю свою, **ВИДѢ** паки и вѣ другы ѹброуцацѣ стѣи на толнка злата [13. К. 267], и т.д.

3.4. Номинализационные процессы засвидетельствованы в КД, однако это нечастое явление. Синтагмы NP_{НОМ} представляют собой определенные и неопределенные дескрипции, причем из-за отсутствия членной формы такая квалификация возможна лишь с помощью анализа формы фраз и прежде всего на семантическом уровне – с помощью анализа функции фраз в тексте. Сравни, например: и виси паше на носѣ его стѣмѣ и **ИСКАШЕ** прощеніе [13. К. 269 v] // нь **Бѣ** нже вѣсега добро ѹлкоу **СЪМАТРАЕТЪ** и хоцеѣ, что съмотры [13. К. 271 v] и т.д.

3.4.1. Существенной функцией номинальных фраз является – наравне с такими средствами, как анафорические местоимения либо отсутствие заполнения позиции (синтаксический нуль) – придание тексту связности. Касается это, конечно же, определенных фраз (определенных дескрипций). В обоих исследуемых текстах (КД и ТД) такая функция номинализированных фраз присутствует. Как было указано выше, номинализационные процессы в обоих

текстах нечасты, однако основные типы фраз в них выступают. Насыщение ими различно: в соответствующих друг другу фрагментах текстов появились в позиции аргумента *p'* в исследуемых подклассах глаголов 35 фраз $NP_{\text{НОМ}}$ в ТД; в КД – 24 фразы $NP_{\text{НОМ}}$. Часть этих появлений – фразы с функцией неопределенных дескрипций. Более существенным представляется анализ примеров, где фраза $NP_{\text{НОМ}}$ отсылает нас к предшествующему контексту (анафора), либо является имплицатурой, отсылающей к ситуации/знаниям адресата. Примеров использования фраз $NP_{\text{НОМ}}$, которые имеют несомненную функцию анафоры либо имплицатуры, проистекающей из контекста, в ТД больше (12 в ТД – 9 в КД). Например: *грѣ бѣ идеже повелѣваше его Великий Константинъ. и имѣноваше его Фригѣа Великаа. [...] прѣе въ великѣе фригѣискыя страны, живехоу езыци инородны и страны. иже именовашѣ се, танфален. ты бо танфален, въставише своего себѣ цара. и ѿлоучиши ѿ покорѣство цѣра Константина. цѣрь же Константѣнь **ВИДѢ** сѣмѣщеніе фригѣиское, посла трѣе тысоуциники [13. К. 275–275 v] // понеже бо великыя бѣхоу вещи иже [стѣи] сътвори. прослоу се гла въ градѣ. и абѣ мали и великы. моужѣе же и жены, текоше **ВИДѢТИ** дѣло стѣго [13. К. 277]. В ТД есть примеры аналогичной функции, которые в этом памятнике, как правило, содержат формальную реализацию определенности (членную форму или указательное местоимение): *и никон го не ѹсѣти. оти не цѣше да моу **ЗНАЕ** никон доброто ѹтото [= което] ѹинѣше [11. К. 134 v] (отнесенное к поступкам св. Николая, упомянутым в предыдущих частях текста) // гѣдинъ еѹстатіе ѹто дръжи наше мѣсто. неправедно повелѣ да погоубят ѿ наша родина, три моужѣе, дете на съ съгрѣшили ничто, ни **ЗНАЮТЪ** това зло [11. К. 144] (также отнесенное к предшествующему контексту) // (стѣин) истръгнь савѣата изъ роуката воинотомоу. и фръли го на земли. и самѣси пое и развеза ихъ, и пѣсти ги и трите да си идоутъ. [...wнѣа трите осѣжденници] колко ли радость велика имахоу, като се избавише ѿ сѣмръть, и как ли прославише бѣа. и притекоше моужѣе и жены и малкы и великы да **ВИДАТЪ** това ѹдо ѿ стѣго [11. К. 144–144 v]. Интересно, что примеры, содержащие реализацию анафоры в виде указательного местоимения, в КД отсутствуют, в исследуемом фрагменте ТД, в свою очередь, они несколько раз отмечены: ***И РАЗБРА** се тазѣ мѣва, и тонзи метежь [11. К. 140 v] // и стрѣ нападе на корабницѣте като **ВИДѢХА** това ѹдо [11. К. 137 v]. Для данного типа фраз характерно то, что в них отсутствует заполнение аргументных мест номинализированного предиката. Интересны также примеры, в которых *nomen abstractum* в рамках номинализированной фразы (с функцией *p'*) морфологически связано с контекстом – с семантически идентичным *nomen abstractum*, либо с глаголом/существительным с синонимическим корнем. Такие примеры редки в обоих текстах (по два примера):***

ТД – *И като се мѣтахоу. агѣль гѣни тави се старыномоу епѣпоу [...] И ѿкато **ВИДѢ** епѣпъ тавикнѣето агѣлско сказа и на дроугѣте епѣпы това видѣнѣе [11. К. 138] // И прѣри прѣсказаше как ѣе на землю да слѣзе. и как ѣе ѿ дѣца плѣть да прѣемѣе дете ѹлци не могоутъ **ИСКАЗА** тогового бѣплѣщеніе [11. К. 132].*

КД – *сѣмоущеніе бѣ бѣ дѣнь тын въ тръзѣ мѣренское [...] стѣи же Николае такоже **СЛИША** сѣмоущеніе, въста и понде въ пристаницѣ [13. К. 275] // како имѣноуеши се ѹдо мое. стѣин ѿвѣща смѣреннообразнѣ, Николае грѣшным,*

равь вашего стѣншаго влѣства. и авіе также **СЛЪША** іепѣнь Ѡвѣ стѣго, глѣ
къ немочу ... [13. К. 270 v]

Таким образом, независимо от засвидетельствованных типов фраз – эффектов номинализации степень насыщения ими текстов обоих дамаскинов невелика, а их анафорическое использование, чрезвычайно важное и широко распространяющееся в новоболгарском литературном языке, очень редко. Обращают на себя внимание, однако, довольно многочисленные фразы типа *това зло, това чудо, онази дума, тази мълга* в более позднем памятнике¹⁰.

II

Основные принципы моделирования полипредикативных структур сформулированы в ряде исследований [20–23]. В числе облигаторных элементов этого типа пропозиций находятся две независимые предикатно-аргументные структуры, объединенные либо общей аргументной позицией (релятивные структуры), либо с помощью так называемого реляционного предиката, имплицитного независимые предикации (экстенциональные структуры). В данной статье внимание сосредоточено исключительно на экстенциональном типе структур.

Модель полипредикативной структуры – $P_r(p', p'')$ ¹¹, содержащей реляционный предикат, содержательное наполнение которого может быть различно (причина, следствие, цель, условие и т.п.), эксплицируется путем формулировки неаналитических парафраз в виде сложноподчиненных предложений с двумя придаточными и с лексическим соответствием реляционного предиката (*това, че p', е причина за това, че p''*; *това, че p', е условие за това, че p''* и т.д.). Основные смысловые отношения, являющиеся главным содержательным компонентом реляционных предикатов, выбранные для анализа в настоящей работе, – это причинно-следственные и временные.

1. Причинно-следственные отношения

В рамках причинно-следственных отношений выделяются три основных подтипа: причинный (каузальный), следственный (консекутивный) и целевой (финальный) (см. [24; 23]).

1.1. Реализация причинно-следственных отношений в исследуемом фрагменте текста, как в КД, так и ТД, свидетельствует прежде всего об увеличении дистрибуции сложноподчиненных предложений. Стоит отметить, что в тексте новоболгарской редакции (ТД) разнообразие союзных форм богаче (например *затова, оти, защото* и др.), что связано с неоднократно подчеркиваемым в

¹⁰ В синтаксическом анализе мы абстрагируемся от словообразовательного типа *nomen abstractum* (этот вопрос, особенно в контексте конкуренции суффиксов в классе *nomina deverbativa*, подробно рассматривался в работах, посвященных созданию новоболгарского литературного языка); существенна здесь лишь функция фразы, допускающая интерпретацию в качестве эффекта процесса трансформации предложения (т.е. исключающая интерпретацию через *nomem obiecti*). О конкуренции словообразовательных типов см. [18], а также [19] и содержащуюся там библиографию.

¹¹ Приводим список специальных (наряду с ранее введенными) символов и сокращений, используемых во второй части статьи: P_{caus} – причинный предикат; C_{hip} – гипотаксисный союз; C_{par} – паратаксисный союз; \rightarrow – знак соответствия; V_{fin} – личная форма глагола; $da^{\wedge}V_{fin}$ – личная форма глагола с союзом *да*; P_{cons} – следственный предикат; $rgear^{\wedge}NP$ – номинальная фраза с предлогом; P_{fin} – целевой предикат; $Part.$ – причастие; P_{temp} – темпоральный предикат.

научной литературе влиянием диалектов, а также греческого и турецкого языков (см. [9; 25]). Схематически этот тип формальной реализации (во всех подгруппах отношений) можно представить следующим образом:

$P_{\text{caus/cons/fin}} \rightarrow C_{\text{hip}}/C_{\text{par}}/C_{\text{par}} + C_{\text{hip}}; P' \rightarrow V_{\text{fin}}/\text{да}^{\wedge}V_{\text{fin}} :$

на снѣки свѣтъ просвѣтише като слнце. **ДА ИСПЛЪНЮВАТЬ** бѣже хотѣнїе [11. К. 132]; **ЗАЩОТО** е добръ да потаниш нѣкоа тинна црська работа. а бѣжа работа да проказоувашь ... **ЗАТОВА** дръзнъхъ и азъ [11. К. 132 v]; дадоха го ѿць мой и манка мой, **ДА СЕ ОУУИ** на книга [11. К. 133]; тѣ като уюха това оубоаше се **ОТИ** хртїане влгы и доверы улци вѣхоу [11. К. 143 v]; И мыслѣше и за севѣ си и за дьщерыте си что да стори **ЗАШО** не вѣше знагаль сырромашество [11. К. 134]; наурѣ пондоше нѣкон неговы улци **ДА МОУ ЗАНЕСЪТЬ** хлѣбъ въ тьмницоу [11. К. 141 v]; царь великын константинь, ... пѣсти, три, тысоуцо начелники, и със тѣхъ воинскоу много. **ДА ПОИДОУТЬ** въ фригїю **ДА ОУМИРАТЬ** шнъзи земля [11. К. 143].

Текст архаической редакции в этом отношении представляется менее разнообразным. Полифункциональный союз **яко** является в данном случае наиболее частой реализацией причинного предиката:

въ таковою ницетоу съчета се, **ЯКО ВЪСХОТѢ ВЪЗЛОЖИТИ** трѣе свое дьщере въ влоудилице [13. К. 226]; **Ѡвѣже Ѡтоуду**, не хотѣшоу гавити се прѣ улкы. **ЯКО НЕ ХОТѢШЕ** шнъ хвали ѿ улкъ [13. К. 226];

сты же **ЯКОЖЕ ВИДѢ** яковъ добротоу пороуи имѣнїе улкъ. и **ЯКО ВЪ ХОТѢНїЕ БЖІЕ ПОТРЕБЪСТВОВА**, [...] паки въ ноци понде и връже нхъ ѿ оного прозорца. [13. К. 227 v].

В целевом подтипе стоит обратить внимание на редкое употребление инфинитивных форм в тексте архаической редакции (в отличие от позиций, реализующих монопредикативные структуры – см. первую часть настоящей статьи), реализующих пропозициональный аргумент реляционного предиката, а также на появление наряду с так называемой *да*-конструкцией причинного по своему происхождению предлога *ради*:

едино же **РАДИ ДА ИЗБАВИТЬ** трые дше ѿ мжкы. ино же **И ДА ГАВИТЬ** съкрѣвѣнїе добродѣтели сѣго Николы. и вѣложи добры съвѣ на срцы его [13. К. 267]; вѣложи добры съвѣ на срцы его, **ДА СПЕСЕТЬ ДШЕ** [13. К. 266 v].

1.2. Причинный подтип каузально-консекутивного реляционного предиката содержит примеры процессов номинализации (выражения пропозиционального аргумента с помощью абстрактного существительного). Такого рода формальная реализация причины известна еще по памятникам древнеболгарского периода (см. [23]) и охватывает прежде всего именно этот подтип причинно-следственных отношений. Для следственного подтипа наблюдается полная блокада появления номинализаций, а в целевом подтипе такого рода формы характерны для более позднего периода и могут быть связаны с церковнославянским влиянием XVII–XIX вв. Схематическая запись реализации выглядит следующим образом: $P_{\text{caus}}(P') \rightarrow \text{prear}^{\wedge}\text{NP}$:

ЗАРАДИ многото **ДОБРЫНА** негова та вы поставень сценникъ [11. К. 133]; не могохъме да спимъ прѣз тѣзи ноць ѿ **СТРАХ** [11. К. 47 v]; нѣкин коравници, щѣха да се потопать ѿ морето със корабете си. ѿ **ГОЛЪМА БОУРА** [11. К. 149]; ѿ **НЕКОЕ СЪМОУЩЕНїЕ**, сълоуи се и шница [13. К. 266 v]; радоваше же **ВЪ ДОБРОТИ** иже шврѣте [13. К. 227].

Из приведенных примеров видно, что номинальные фразы в архаическом тексте находятся в косвенных падежах, текст новоболгарской редакции в этих позициях (с небольшими исключениями) содержит так называемую общую падежную форму.

1.2.1. В области структур с номинализацией важным вопросом является выражение предметных аргументных позиций пропозиционального аргумента. В данной сфере извлеченные из источников примеры не отличаются от подобных конструкций в интенциональных структурах (см. [12], а также первую часть настоящей статьи). Формальная реализация позиций *x*, *y* связана прежде всего с использованием притяжательных местоимений и прилагательных.

сѣкын го почиташе РАДИ НІЕГОВАТА КРОТОСТЬ [11. К. 133]; **еретици кои го видѣха, и шерьноувахоу се на вѣра хрѣтїанскаа, не тькмо ѿ ПОУЧЕНІЕТО МОУ, ами помнwego ѿ ЛИЦЕТО МОУ АГГЛАСКО** [11. К. 150]; **И събраше се снѣки ПО ЦАРЕВО ПОВЕЛѢНІЕ** въ гра̀ никен [11. К. 141]; **ѿ УЮСЪ** бш его, не надѣса тако ѣ истиноу вещь [13. К. 267 v];

иже прѣвѣе съшди съ нѣѣ на земаю. НАШИХ РАДИ ГРѢСѢХЪ [13. К. 266].

1.2.2. Стоит обратить внимание на текстовую функцию номинализационных конструкций, содержащих абстрактное существительное. Как указывается в первой части статьи, конструкции эти часто связаны с явлением незаполнения аргументной позиции, что может быть объяснено влиянием контекста и стремлением достичь большей связности текста. Текстовым приемом в данном случае является чаще всего отсылание к предыдущему контексту, в котором появляется описание ситуации. Отдельным вопросом является характеристика номинализационных фраз с точки зрения категории определенности/неопределенности.

1.3. В архаическом тексте встречаются редкие примеры реализации каузального предиката в рамках причинно-следственных отношений с помощью причастной конструкции. В первую очередь здесь стоит отметить многозначность такого рода форм, а также их частое использование в подтипах временных отношений (см. ниже). Причисление причастных конструкций к причинно-следственному типу основывается прежде всего на лексическом значении причастий и анализе контекста предложения. Схематически этот тип формальной реализации можно представить следующим образом: $P_{\text{caus}}(P') \rightarrow \text{Part.}$

НѢВѢДОУЩИ блгодѣтеля своего. блгодарише **Ба** [13. К. 267 v].

2. Временные отношения

В рамках этого реляционного предиката выделяется ряд подгрупп на основе взаимной темпоральной зависимости (которая опирается на три традиционно выделяемые временные предиката: одновременность, предшествование, последовательность) состояний и событий (являющихся, в свою очередь, компонентами семантической категории вида) (см. [26; 25; 23]).

2.1. Как указывалось выше, во всех подтипах временных отношений частой формальной реализацией пропозиционального аргумента в тексте архаической редакции является причастная конструкция, неоднократно выступающая вместе с паратаксическим союзом **и** (что полностью соответствует определениям традиционной исторической грамматики (см. [9]) и является свидетельством распада причастных конструкций и их замещения сложными предложе-

ниями). Схематически этот тип формальной реализации темпорального предиката можно представить следующим образом: $P_{temp}(P') \rightarrow Part./C_{hip} + Part.$

ВЪЗЪМЪ И свѣза въ единѣмъ ѡбрѣсѣ, триста златици. [13. К. 278 v]; **Ба хотѣшеть** ѹю ѡгодити. **СЛЫШОУЩИ** сѣго Іевѣліа [13. К. 277]; **ПОТРЪ ОУИ СВОИ. ПРѢБРОИВЪ** златице. и видѣ тако бѣ поистинѣ, триста златици [13. К. 265]; **ВЪЗМЪ** во днѣ тѣи, и шмоужи стареншою дѣщерь его. за единого властелина ѹлка гра ѡнѡго [13. К. 266 v];

ВЪЗМЪ въ второю ноцѣ. И **СВѢЗАВЪ** инь единь ѡброуцьць, дроугы триста златици. и паки въ ноци понде и връже нхъ ѡ оного прозорца. [13. К. 272]; **ПЛАУЮЩИ** мѣ се Боу глаше [13. К. 266].

2.2. Наряду с причастными конструкциями частым способом выражения временных отношений в КД являются сложные (сочиненные и подчиненные) предложения с личной глагольной формой. Здесь стоит обратить внимание на частое использование многозначного союза *и* (иногда в сочетании с гипотаксисными союзными формами). Помимо темпоральной функции, союз этот нередко исполнял также чисто текстовую (стилистическую) роль и в таких позициях, как представляется, не должен рассматриваться как реализация темпорального реляционного предиката (ср. [27; 25]).

свѣза въ единѣмъ ѡбрѣсѣ, триста златици. **ПОТЪ** понде ноцѣю ѡтан, И въврѣже ѿ въ дѣ велѣмоужа ѡнѣ, [13. К. 278]; въврѣже ѿ въ дѣ велѣмоужа ѡнѣ, ѡ единого прозорца. И **АБІЕ** ѡвѣже ѡтоудоу [13. К. 264 v]; **СЛА** твориши мѣтнню, да те не разоумѣеть ни сѣсѣ твон что твориши [13. К. 265];

ѡцѣ же ѡнѣ дѣщереѣ, **ІАКОЖЕ** вѣста зоура ѡ постелю свою, видѣ [13. К. 266 v]; ѡврѣзе его, И зреть тако сѣтъ златице [13. К. 268]; зоура же **ІАКОЖЕ** вѣста дѡмѣ гнѣ ѡ постелю свою, видѣ паки и бѣ дроугы ѡброуцаць сѣи на толика злата [13. К. 272]; **ВЪЗЕ** въ тѣ днѣ, И шмоужи и второю дѣщерь [13. К. 269].

Текст новоболгарской редакции (ТД) содержит большее количество примеров подобной реализации темпоральных предикатов. В данном случае функции и область использования союза *и* схожи с архаическим текстом. Наряду с гипотаксисными союзными формами в тексте появляются местоименные кореляты:

и таквози се показа това отроуе **ѡКАК** се роди [11. К. 132 v]; **КАТО** се роди оу ѡнѣи ѹа. **ТА** стоа на нѡсѣтѣ сѣ. три ѹасѡве правь [11. К. 132 v]; **КОГА** повѣзрасте дадоха го ѡцѣ моу и манка моу, да се оуни на кнѣга [11. К. 133]; **КОГАТО** се поставѣше ѡ стрыктѣ сѣ да е сѣценникъ. отвори тогази дѣхъ сѣгѣи оустата вѣкоу томоу [11. К. 133]; слоути се нѣкоа работа ѡнѡужи болгариноу **ТА** засыромашѣ тврьдѣ [11. К. 134]; царь **КАТО** ѹю това и видѣ, и не бы моу ѡгодно тврьдѣ [11. К. 140 v].

2.3. Редкой формой, реализующей темпоральные отношения в архаическом тексте, является конструкция дательный самостоятельный (*dativus absolutus*). Ее появление относится прежде всего к тем фрагментам жития/проповеди, которые содержат непосредственные цитаты либо травестации из библейского текста. В новоболгарском тексте такого рода конструкции не встречаются:

ТЕБѢ ЖЕ ТВОРЕЦОУ мѣтнню, дане ѡвѣ шоуица твоя что творитѣ десница твоя [13. К. 268].

2.4. Стоит обратить внимание и на конструкции, содержащие номинальные фразы, реализующие темпоральные предикаты. Они появляются в незначительном количестве и нередко относятся к библейским событиям (Рождество Христово, Воскресение и пр.), известным адресату произведениям, либо отсылают к предыдущему широкому контексту. В данном случае реализуется та же функция связности текста, что и в причинном типе смысловых отношений.

наодоха, какъ бѣ ѿ РОЖЬСТВО ХВО, до тоизи, а, съворь, т. и ѿ. годинь [11. К. 139]; шьрна се арѣа БЪБ ЖАЛОСТЬ ка мто цѣра и рѣ. [11. К. 140]; тѣа уюдеса, и дроугы мнвогѣ что е сториль ПРИ ЖИВОТЬ СВОИ [11. К. 149].

* * *

Предложенная в настоящей статье систематизация типов структур предложения для определенной группы предикатов, которые появились в исследуемых текстах, позволяет ориентироваться в засвидетельствованном инвентаре формальных структур, а также в степени развития синтаксических процессов на обеих стадиях развития языка и провести их сравнение. Видны и некоторые детали в прохождении этих процессов в области дистрибуции форм (например инфинитива, причастий, союзов), а также в области появления и закрепления в новоболгарском языке определенных структур предложения (особенно в более поздний период постепенного создания нормы и стилистической дифференциации). Эта последняя проблема является более сложной, поскольку требует последовательного и подробного рассмотрения семантической специфики предикатов и их формальных реализаций, опирающегося на методологии семантического синтаксиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байрамова М. Етюди за съюзите в Троянския дамаскин. София, 1995.
2. Мичева В. Паратактичните отношения в езика на новобългарските дамаскини // Списание на БАН. 2002. № 2.
3. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. / Изд. Е. Демина. София, 1985. Т. III.
4. Велчева Б. Книжовно и народно в езика на българските дамаскини от XVI век // Българският шестнадесети век. София, 1996.
5. Василев В. По-важни правописни особености на архаичните дамаскини // Славянска палеография и дипломатика. София, 1980.
6. Василев В. Общи писменоезикови черти в преписите на архаични дамаскини // Palaeobulgarica. 1993. № 2.
7. Korytkowska M. Pozycje predykatowo-argumentowe // Gramatyka konfrontatywna bułgarsko-polska. Warszawa, 1992. T. 5.
8. Koseska V., Maldžieva V., Penčev J. Modalnošć. Problemy teoretyczne // Gramatyka konfrontatywna bułgarsko-polska. Warszawa, 1996. T. 6. Cz. 1.
9. Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 1978.
10. Харалампиев И. Историческа граматика на българския език. В. Търново, 2001.
11. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. / Изд. Е. Демина. София, 1971. Т. II. Исследование и текст. Карты 131–149 v.
12. Korytkowska M., Małdziewa W. Od zdania złożonego do zdania pojedynczego (nominalizacja argumentu propozycyjnego w języku polskim i bułgarskim). Toruń, 2002.
13. Илѣјевски П. Крнински дамаскин. Скопје, 1972. Карты 264–291v.
14. Bartula Cz. Składnia zdania złożonego w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Kielce, 1992.
15. Попов К. Исторически произход и употреба на един тип подчинени изречения в българския език // Славистични студии. София, 1963.
16. Vaillant A. Manuel du vieux slave. Paris, 1948. T. I. Grammaire.

17. *Korytkowska M.* O refleksach dawnej składni accusativus cum infinitivo na południu Słowiańszczyzny i w języku polskim (przyczynek do problematyki interferencji językowej) // 110 година полонистике у Србији. Зборник радова. Београд, 2006.
18. История на новобългарския книжовен език. София, 1989.
19. *Бояджиев Т.* Отглаголните съществителни в ранната проза на Иван Вазов / Изследвания из историята на българския книжовен език от миналия век. София, 1979.
20. *Grochowski M.* Składnia wyrażen polipredykatywnych. Zarys problematyki // Gramatyka współczesnego języka polskiego. Warszawa, 1984. T. 1. Składnia.
21. *Małdziewa V.* Warunki synonimiczności zdań o strukturze polipredykatywnej // Semantyka a konfrontacja językowa. Warszawa, 1998. T. II.
22. *Dalewska-Greń H.* Języki słowiańskie. Warszawa, 2002.
23. *Petrov I.* Wyrażanie struktur polipredykatywnych w rozwoju języka bułgarskiego. Łódź, 2007.
24. *Petrov I.* Wyrażanie relacji przyczynowo-skutkowej w języku bułgarskim. Perspektywa diachroniczna // Południowosłowiańskie Zeszyty Naukowe. 2004. № 1.
25. *Петров И.* Изменения синтаксической системы в болгарских дамаскинах // Południowosłowiańskie Zeszyty Naukowe. 2005. № 2.
26. *Karolak S.* Podstawowe struktury składniowe języka polskiego. Warszawa, 2002.
27. *Korytkowska M.* O pewnych perspektywach badań języka damaskinów bułgarskich // Południowosłowiańskie Zeszyty Naukowe. 2005. № 2.

© 2008 г. В. ФЕДЕР

ВЫРАЖЕНИЕ ОРИГИНАЛА ИЛИ ВЫРАЖЕНИЕ СПИСКА?

*Весь прогресс филологической науки
связан с проблемой издания текстов*

(Dain A. Les manuscrits. Paris, 1949. P. 145)

Издатель церковнославянского текста древнейшей поры, сохранившегося во множестве списков от XI до XVII в., находится в незавидном положении: если он добросовестно выполняет призвание, он будет соблюдать заповедь “помни весь путь, которым вел тебя Господь Бог твой” (Вт 8:2), и стараться отыскать в документальных свидетельствах именно те чтения, которые ведут свое начало от протографа текста. В этой работе ему не оказывает существенной помощи церковнославянская лингвистика, потому что она ориентирована на единичные, ареальные явления, а не на общий их фон¹. Более того, ему противодействует церковнославянская текстология, которая вслед за лингвистикой ориентирована на списки, а не на тексты, и которой чуждо понятие текста как системы языковых знаков, отвлеченной от их графического облика, для выражения мысли автора. Издатель текста, от которого не сохранилось и следа исходной глаголической графики, а лишь противоречивые прочтения кириллических переписчиков, фактически вынужден работать в одиночку, в постоянном споре с разнящимися чтениями свидетельств, сохраняющими память о всех сложностях истории текста², которые единственно в состоянии разрешить его сомнения, при условии, что толкуются правильно. И он вынужден надеяться, что в его труде усмотрят не искажение какой-то истины, а серьезную попытку восстановления исходного состояния текста, необходимого для объяснения его исторического развития.

Федер Вильям – д-р филол. наук, профессор Дирфилдского университета (Иллинойс, США).

¹ Призыв не пренебрегать сходством в свидетельствах текстов за счет различий проходит красной нитью по научному наследию Х.Г. Ланта (см., например, [1. P. 233, 243]).

² Примечательно, что разночтения в церковнославянских текстах древнейшей поры, в отличие от западноевропейских вернакулярных, в основной своей массе отражают трудности самых первых поколений переписчиков и транслитераторов в осмыслении текста. Это вызывает вопрос, действительно ли в видоизменении церковнославянских текстов действовали такие же закономерности, как и в западноевропейских вернакулярных, как безоговорочно предполагали наши учителя (среди них и Н.А. ван Вейк, работавший непосредственно и с нижненемецкими рукописями) (см. [2]).

В “Скитском патерике” (CPG 5562³) в апофегме 8:16 рассказывается о том, что местный *iudex* ἄρχην κῆναζ⁴ взял в плен племянника аввы Пимины, чтобы принудить дядю прийти на встречу с ним. Сестра Пимины умоляет его согласиться, но он ей отказывается, сказав:

L	Pastor filios non generavit.
Г	Поιμὴν τέκνα οὐκ ἐγένησεν.
✚	рꙋрѣтрѣ рꙋрѣдѣѣѣ ѣсѣѣ (γ → ѣсѣѣ) ⁵
ос	пиминъ небрежетъ ѣада.
kW ⁸	пиминъ· небрѣзи ѣада.
W ⁵	небрѣзы ѣады.
W ²	пиминъ не рожѣ.

Церковнославянские свидетельства ✚–W⁵ передают явно искаженный текст, лишь W₂ чуть ближе к греческому и латинскому. В чем здесь дело? Искажение не родн → небрези (со лжеправкой → небрежетъ) следует связывать со стремлением первого переписчика ✚ заменить по всему тексту нероднтн → небрѣци (он пропустил не более трех случаев) и оформить поправки в глаголических глоссах на полях протографа. Последующие кириллические транслитераторы, очевидно, прочитывали пометы как часть глаголического текста, стараясь (с различной степенью успеха) не пропускать их; только W² не обращал на них внимания (он едва справлялся с трудностью самой транслитерации). Здесь мы имеем дело не с самостоятельными решениями писцов с IX по XIV в. в равной мере исказить текст, а с одной погрешностью в его передаче, безоговорочно принятой всеми переписчиками, кроме одного. Основываясь на W², издатель текста обязан восстановить чтение оригинала:

ω πμινъ не родн ѣады.

Более серьезно стоит вопрос о чтении оригинала в апофегме 5:38, где все без исключения примеры передают искаженный текст:

L	Cogitatio fornicationis fragilis est, velut papyrus.
Г	Ἡ λογισμὸς τῆς πορνείας βιβλίον ἐστίν.
✚–W ⁸	мѣсль любодѣяннѣ оловѣана кстѣ· (k → мѣсль блжѣннѣ)

Мысль о том, что выражение оловѣана (ж.р. сохраняется и в k) – искажение, порождается последующим разъяснением в тексте: Si ergo jacetur in nobis, et non acquiescentes projiciamus illam a nobis, facile rumpitur. Ἐὰν οὖν σπαρῆ εἰς ἡμᾶς καὶ μὴ πειθόμενοι αὐτῷ ἀπορρίψωμεν αὐτὸν ἀφ' ἡμῶν, μετὰ ἀναπαύσεως

³ Сокращение CPG отсылает к знаменитому указателю репертуара греческих патристических сочинений [3].

⁴ Греческий текст датируется до 500 г., латинский его перевод 550–560 гг., а церковнославянский – до 885 г. (об истории греческого текста и его переводов см. [4], о церковнославянском переводе и его традиции – [5. С. 257–289]; полные постишные коляжии церковнославянских списков опубликованы в журнале “Полата книгописная” (2006, № 36) (<<http://kb.osu.edu/dspace/handle/1811/6399>>). На первом месте везде поставлен латинский текст с тем, чтобы не отделять греческий от церковнославянского. За исключением первого примера, церковнославянские цитаты приводятся в нормализованном виде, как латинские и греческие.

⁵ ✚ – реконструируемый контрольный список, изготовленный в Плиске в 886–887 г.; с него сделано в Преславе пять также реконструируемых глаголических списков (α–γ). Остальные условные обозначения (раскрытые в работе [5]) обозначают независимые охридские транслитерации на кириллицу (о–W⁸, X–XIV вв.), среди которых одна редакция (с) и одна сверка с младшей греческой рукописью (k). Жирные сиглы обозначают несохранившиеся автографы транскрипций, нежирные – сохранившиеся.

κόπτεται. Ἄπε οὐβο βῆσῆβανα βῆдетъ въ насъ· н не послоушаѣше кѣ· отъврѣжемъ ѣж отъ себе· съ покoкмъ отъсѣкакмъ ѣж. Ведь олово не сеется. В чем здесь дело? Ответ нам подсказывает вторая часть разъяснения: Si autem jactatam super nos cum dulcedine susceperimus, acquiescentes ei, conversa fit fortis ut ferrum, et difficile gumpitur. Ἐάν δὲ σπαρέντος αὐτοῦ ἐγγλυκανθόμεν αὐτῷ ὡς πειθόμενοι, ἀντιστραφεῖς γίνεται σιδηροῦς καὶ δυσκόλως κόπτεται. Ἄπε лн βῆсῆβанѣ вывѣшн кн· насладнмъ сѣ кѣ· тако повнноуѣше сѣ кн· оурашнн сѣ· βῆдетъ желѣзна· н жестоко отъсѣкактъ сѣ. Можно не сомневаться в том, что именно прилагательное желѣзна по обратной связи вызвало появление олована на месте исходного прилагательного *внвлѣна, нигде более не засвидетельствованного в корпусе церковнославянских текстов и затруднившего всех читателей от первого до последнего. И здесь не надо предполагать, что пять преславских переписчиков и 10 охридских кириллических транслитераторов с IX по XIV в. исказили текст одинаково, а скорее следует видеть такую же, как и в первом случае, глоссу на полях, к которой в данном случае вынужден был обращаться и кириллический писец W², не смогший сколь-либо осмыслить глаголическое *ϣβϣδΔΡ†. Издатель текста и здесь обязан восстановить именно последнее выражение, однако в отличие от первого примера, с примечанием, что *textus traditus* (текст, переданный единообразно всеми свидетельствами) содержит искажение.

Еще более серьезную проблему для издателя представляют случаи, когда свидетельства дают неоднородные показания в разных местах текста. Например, в “Скитском патерике” встречается 18 обстоятельств со значением “напрасно, без причины”:

- εἰς κενόν
 A:39 въ тѣще α, въ тѣщѣтж δ (два раза)
 A:43 въ тѣще †
 16:9A въ тѣще †о, въ соук скW³
 17:21 въ тѣще †оксW²³
 18:3 въ тѣще †оксW¹³⁴⁶⁸, въ тѣщѣтж W²
 εἰς μάτην
 3:81 спытн α, без оума γεоксW³⁸, пицоу W⁴, ашоутъ; W⁵⁶
 7:44 въ соук †оксW²⁵⁶⁸
 10:54 въ соук †окс, въ поустошь W²
 L:4 въ тѣще αу, въ соук ксW³, въ тѣщѣтж W²
 μή εἰκῆ
 E с оумомъ †
 εἰκῆ
 E без оума † (два раза)
 10:67 без винты α, без оума γο, въ соук εW⁴, тоуне к, спытн W²
 10:67 въ соук ε, тоуне к, проп. αγoW²⁴
 10:67 без винты α, без оума γο, въ соук εW⁴, тоуне к, аще ти W²
 без установленного греческого чтения
 3:5 бездoвь †W⁵⁶⁸, без лѣпоты с, без зазора к, пакы W³
 O:1 въ соук ек, въ тѣще W³

Эти разночтения возникли на основе чтения глаголического протографа; при этом греческий младший список был доступен только к, но использовал он его далеко не последовательно. Оценка данных затрудняется тем, что не все апофегмы представлены во всех списках. 6–7-я и последние две тетради

протографа (главы А–Е и О) полностью сохранились лишь в списках от **Ф** (до Охрида от них дошли только фрагменты). Тем не менее и здесь оказывается возможным с достаточной долей вероятности установить чтения оригинала.

Легче всего это для **εις κενόν**: **въ тѣще** читается во всех ветвях рукописной традиции, **въ тѣщѣтж** можно оценить как окказиональное его распространение (независимо в **δ** и **W²**), а единичное замещение → **въ соук** (независимо в **к**, **с** и **W³**) – как обычную ошибку переписчика.

На месте **εις μάτην** и **εικῆ** (и в первом случае без установленного греческого чтения) мы находим чуть ли не всю гамму церковнославянских выражений: **ашоутъ W⁵⁶**, **спыти αW²**, **тоуне к**, и предложные обороты с **без**: **без винты α**, **бездовъ ФW⁵⁶⁸**, **без зазора к**, **без лѣпоты с**, **без оума Ф** и **ѹоксW³⁸**) и **въ**: **въ поустошь W²**, **въ соук фоксW²³⁵⁶⁸** и **εW⁴**, **въ тѣще[тжж αγW²]**; кроме того, имеются явные искажения чтения **аще ти W²**, **пакты W³** и **пицоу W⁴**. Широкий диапазон вариаций свидетельствует о затрудняющем осмысление выражении (*crux*) в протографе. Узел не развязать на основе одного “Скитского патерика”; здесь явно необходимы данные типологических параллелей вариаций в других текстах. Обратиться ко внетекстовым параллелям, кстати, заставляет нас и сам текст “Скитского патерика”: глава Е (выдержка из “Слова 23-го на 2-е Послание к Коринфянам” Иоанна Златоуста, СРГ 4429) содержит толкование выражения **εικῆ** в Апостоле (Гал 3:4), а апофегма 10:67 – того же самого выражения в Евангелии (Мт 5:22).

В Псалтыри⁶ и Новом Завете⁷ распределение выражений следующее:
εις κενόν

2Кор 6:1, Гал 2:2, Филип 2:16 (2 раза), 1 Сол 3:5 – **въ тѣще** (без вариации)
μάτην (без **εις**)

Пс 34:7 – **въ соук**, но **ашоутъ** Син Пог, **без оума** Соф, **спыти** Бол, **тоуне** Бук

Пс 38:7 – **въ соук**, но **бездовъ** Пог, **соук** Нор

Пс 38:12 – **въ соук**

Пс 40:7 – **соук**

Пс 62:10, 126:1 и 2 – **въ соук**

Мт 15:9 – **въ соук**, но **соук** Сиг, **без оума** Доб

Мк 7:7 – **въ соук**, но **соук** Чуд, **без оума** Бан Доб Сиг

εικῆ

Мт 5:22 – **без оума**, но **ашоутъ** Чуд, **спыти** Зог, **ø** Мар

Рим 13:4 – **без оума**, но **тоуне** Чуд

Гал 3:4 – **без оума**, но **ашоутъ** Чуд

Гал 4:22 – **въ соук**, но **ашоутъ** Чуд

Кол 2:18 – **без оума**, но **ашоутъ** Чуд

Сюда нужно добавить еще одно выражение (не представленное в “Скитском патерике”) со сходной вариацией в свидетельствах:

δωρεάν (в значении “без причины”)

Пс 68:5 – **спыти**, но **без оума** Бук, **тоуне** Нор

Пс 68:5 – **без правды**

⁶ Примеры взяты из работ [6; 7].

⁷ Примеры Евангелия взяты из рукописей “старославянского канона”, а также Баницкого [8], Добромирова [9], Добрейшова [10] и Кёрзонова Евангелий [11], Апостола – из источников, использованных в работах [12; 13], Откровения – из работы Грюнберга [14] и его же неопубликованного текста семей **а** и **в**; дополнительно к ним привлечен и “Чудовский Новый Завет” [15].

Пс 108:3 – спъгти, но тоуне Нор

Пс 118:161, 119:7 – спъгти, но тоуне Бук Нор

Ио 15:25 – спъгти, но без оума Бан, тоуне Чуд

(в значении “даром”)

Мт 10:8, Рим 3:24, 2 Кор 11:7 – тоуне (без вариации)

2 Сол 3:8 – тоуне, но даромь; Чуд

Откр 21:6, 22:17 – тоуне (без вариации)

Эти данные подтверждают стабильность связи εἰς κενόν – въ тьце; они и позволяют предположить, что такая же связь существовала между δωρεάν и спъгти (в значении “без причины”)/тоуне (в значении “даром”). Для μάτην и εἰκῆ, как и для δωρεάν, надо отметить, что сосредоточение церковнославянских беспредложных выражений (сравни соук без вариации в Пс 40:7 и как чтение Нор Пс 38:7 и Чуд Мк 7:7) на месте греческих беспредложных заставляет думать, что перевод их был именно беспредложным, т.е. сомнительна первоначальность выражений и без оума, и въ соук, тем более, что беспредложные выражения сохранились во второй половине пространных текстов⁸. Данные “Чудовского Нового Завета” заставляют думать, что именно в нем вернее всех сохранились первоначальные связи между греческими и славянскими выражениями, т.е. μάτην – соук и εἰκῆ, – ашоуть, помимо δωρεάν – спъгти (“без причины”) и тоуне (“даром”)⁹.

Данные “Скитского патерика” позволяют предположить, что связи между греческими и славянскими выражениями аналогичны представленным в традиции Священного Писания, и последние дают нам право смотреть на искаженные аще ти W² и ницоу W⁴ как на отражения именно наречия ашоуть. Однако, по-видимому, нельзя это наречие механически поставить на все места, где в греческом тексте стоит εἰκῆ: в главе E греческий текст гласит Διὸ ταύτην μὲν οὐκ ἐξέκοψε καθάλαξ, ἀλλὰ τὸ, εἰκῆ, προσέθηκεν... Θησαυρίζειν δὲ οὔτε εἰκῆ, οὔτε μὴ εἰκῆ συνεχώρησε; а в списках от Ф читается единообразное: да тѣмь оубо того те отъсѣвѣ кднножъ нъ кже без оума принади... обогатѣти же ни без оума ни съ оумомъ велитъ. Явно μὴ εἰκῆ с отрицанием не могло передаваться через *не ашоуть, и представляется, что переводчик по обычному в гомилетике приему решил приспособить прямую цитату к последующему толкованию.

В итоге можем сформулировать гипотезу, что изначально семантическое поле “напрасно – без причины – даром” покрывалось пятью словоформами, соотносимыми с четырьмя греческими:

εἰς κενόν	μάτην	εἰκῆ	δωρεάν
въ тьце	соук	ашоуть	спъгти тоуне

Неустойчивость такой системы, где кроме греческих форм нет дискретных референтов для церковнославянских выражений, очевидна: она обречена рухнуть, как только перевод начнет восприниматься в отрыве от его греческого источника. Этот момент наступил, очевидно, уже при перемещении книжни-

⁸ Опыт текстолога показывает, что вероятность сохранения выражения антиграфа тем выше, чем дальше от начала оно располагается в тексте.

⁹ Это обстоятельство лишний раз показывает шаткость оснований, на которых Г.А. Воскресенский построил свои выводы [16. С. 173, 299].

ков и книг из Моравии в Болгарию: самое раннее доказательство о смещении соответствий *ашоуѣ* → *ѡѡтѣ* и *спыѣти* → *ѡѡтѣ* находим в приписываемом Иоанну Златоусту “Слове на Великий Четверг” (CPG 4336), переведенном до 898 г.¹⁰, где *ѡѡтѣ* *коѡ* *ѡѡтѣ* переведено *спыѣти* и *ашоуѣ*¹¹; и еще до 899 г. справщик преславского глаголического гомилярия, легшего в основу кириллического списка в “Супрасльском сборнике”, заменил это выражение на *въ поустошь* и *вез оума*. Примерно к тому же времени можно отнести замены в “Скитском патерике” **въ* *соук* → *спыѣти* (3:81) → *въ тѣце* (L:4) и **ашоуѣ* → *вез винты* (10:67) в первом преславском глаголическом списке α, восходящем к “контрольному” ⚭. Немного позднее возникают замещения **ашоуѣ* → *вез оума* (10:67) и **соук* → *вез оума* (3:81) в третьем списке, γ, и **ашоуѣ* → *въ соук* (10:67) в пятом, ε.

Слабые звенья церковнославянской системы – беспредложные наречия: из них лишь *тоуѣ* обнаруживает еще некоторую продуктивность после начала X в. (см. примеры в списке k с протографа “Скитского патерика”), вероятно, за счет большей распространенности корня в южно- и восточнославянских диалектах; *ашоуѣ* и *спыѣти* (др.-в.-нем. заимствование) при перемещении в Болгарию, очевидно, стали рецессивными, т.е. подлежали активной замене, и их позднейшие примеры нужно считать реликтами. За их счет пошел бесконтрольный рост предложных оборотов по примеру *въ тѣце* и *вез оума*, и, по-видимому, уже до 971 г. бывшие соотношения выражений были полностью вытеснены кашей синонимов.

Издатель текста славянского периода обязан пренебречь стихийной синонимией и восстановить дискретные отношения, отметив в тех случаях, где не сохранилось и следа оригинального выражения (3:81, 10:67), что *textus traditus* искажен.

В приведенных выше примерах бросается в глаза неполноценность всех списков по отношению к передаваемому ими тексту. Это не должно удивлять: ведь сама техника *рукописной передачи* текста обуславливает невозможность безупречного воспроизведения его *автографа*, т.е. список в сущности своей является *неаутентичным*. Этим обстоятельством и определяется задача издателя текста сначала установить, какие из (групп) сохранившихся списков отражают независимые чтения автографа¹², а затем отделить то, что переменно

¹⁰ Датировка основывается на помещении “Слова...” в двух преславских глаголических собраниях гомилий на Страстную неделю, начинающихся со “Слов на Благовещение и на Вербное воскресенье”, составленных, вероятно всего, в преддверии Страстной седмицы 899 г., когда совпали оба праздника (совпали они и в 910 и 921 гг., однако к тому времени правила оформления служебных книг, скорее всего, уже были выработаны). Первый гомилярий, подвергнутый детальной правке, был переписан кириллицей составителем “Супрасльского сборника”, а второй, неумело отредактированный и частично сверенный с отличным от исходного греческим списком, представлен в “Клоцевом сборнике” и позднейших кириллических Михановичевом и Григоровичевом гомиляриях (см. [1; 17]).

¹¹ То же редкое греческое словосочетание встречается в “Пандектах Антиоха” (CPG 7843), 75:1, а перевод его – тот же (в списках ГИМ Воскр. 30п и Син. 3 и пишется как *н*, т.е. читалось *спыѣти на шоуѣ*). Вероятность того, что разные переводчики переведут одинаково, – ничтожна (см. [1]).

¹² В некоторых случаях трансмиссия текста до такой степени осложнена, что целесообразно сначала издать отдельные ее ветви, см. «методологический отказ формально обсуждать стемму “Жития Константина Философа”, пока не завершено установление данных отдельных групп» [18. P. 7]; см. и издание отдельных ветвей трансмиссии “О писменехъ” [5. С. 296–372].

(разночтения), от того, что сохранено в каждой отдельной ветви трансмиссии. То есть издатель обязан постоянно и последовательно делать аргументированный выбор из данных, передаваемых списками, не уклоняясь и от необходимости исправлять искажения, единообразно переданные во всех них. Только эклектическим способом можно надеяться восстановить тексты, переданные во множестве списков, постигнуть хотя бы в известной мере¹³ замыслы их авторов, воссоздать эффект их воздействия на исторических адресатов. А с издания восстановление только начинается: оно требует внимания многих читателей с различными точками зрения и продолжительного обсуждения всех чтений¹⁴.

Сознательное отрицание реконструктивного и эклектического подходов к церковнославянским текстам (см. [25. С. 56–57])¹⁵ знаменует отказ от самого мощного способа систематически выявлять помехи трансмиссии и искажения текста¹⁶, от надежды когда-нибудь сопоставлять различные церковнославянские тексты без предварительного кропотливого унифицирования правописания¹⁷, от возможности ориентироваться в огромной массе источников¹⁸. Единственное его преимущество в том, что оно не нарушает status quo, т.е.

¹³ О мере, в которой это возможно, см. [19. Р. 162].

¹⁴ Дискуссия по тексту “Илиады” и “Одиссеи” Гомера, возбужденная Птолемеем IV (221–205 г. до н.э.), закончилась лишь в изданиях [20; 21], а по тексту Нового Завета, начатая Эразмом Роттердамским в 1516 г., – в издании [22]. Последняя дискуссия, кстати, возобновилась после публикации найденного в 1945 г. Евангелия от Фомы (см. [23]) поиском общего источника Евангелий от Матфея и от Луки (см. [24]).

¹⁵ В отрицании “эклектики” можно усмотреть не только запоздалый отголосок диалектического материализма, но и отражение фундаментального разрыва между латинской культурой Западной и Центральной Европы, с одной стороны, и культурами Восточной и Юго-Восточной Европы, Ближнего Востока и Северо-Восточной Африки – с другой. Последние строятся на конкретном списке священного текста: еврейская культура – на списке Ветхого Завета, вокализованном масоретами рода Бен-Ашер (X в.) и канонизированном оценкой Моисея Маймонида (1135–1204); исламская – на списке Корана писца Заид-ибн-Тавита, изготовленном по заказу халифа Османибн-Аффана (644–656) и объявленном эталоном; православная (включая арабско-христианскую, коптскую, сирийскую и эфиопскую) – на списке Ветхого Завета, легшем в основу греческого перевода “Септуагинты”. Первая строится на *тексте*, представленном в переводах, сначала в одном (*Vetus Latina*), с 390 г. – в двух (*Vulgata*, завершенная в 405 г.), а с 1516 г. (латинский перевод в сопоставлении с греческим текстом Эразма Роттердамского) – в многочисленных. С XIX в. переводы начинают осовремениваться, не только в связи с развитием вернакулярных языков, но и в связи с достижениями критики текста (не принятой в другом ареале), а со второй половины XX в. всеми основными вероисповеданиями введены полностью новые переводы (например, католическая Иерусалимская Библия 1961 г., английская католическо-протестантская Revised Standard Version 1946–1957 гг., и нидерландский еврейско-католическо-протестантский Ветхий Завет, а также католическо-протестантский Новый Завет в *De nieuwe Bijbelvertaling* 2004 г.).

¹⁶ Без установки на реконструкцию текста ни один из вопросов, рассмотренных в статье, не поднимался бы, что было бы явно в ущерб развитию понимания.

¹⁷ Без унификации правописания невозможно сформулировать концепции ни о тексте как отражении сочинения (системы замыслов автора), ни о фундаментальном единстве корпуса церковнославянских текстов. Последнее преграждает путь развитию собственно церковнославянской филологии (см. о ней [26]).

¹⁸ Количество церковнославянских рукописей по сравнению с латинскими и западноевропейскими вернакулярными действительно ошеломляющее (см. [27. С. 195]). Не имело ли переписывание текстов везде в православной славянской среде, вплоть до XX в., помимо прикладного и благочестивого, и просто учебного значение, точно так же, как и в исламской и эфиопской средах?

позволяет продолжать “представлять издания, в которых скудость основы выставляется и подчеркивается суеверным вниманием, с которым воспроизводятся и научно комментируются малейшие помехи копирования, будто бы филология вынуждена отречься навсегда от всякого надежного правила раскрыть употребительное сокращение, без колебания прочесть стертую букву или отличить пунктуацию рукописи от пятен мушиных”¹⁹ – а в наши дни такие издания быстрее и дешевле производятся сканером. Те, кто предпочитают не текст, а список, окажутся в том же положении, в котором в конце XVII в. оказались Епифаний Славинецкий и Евтимий Чудовский, пренебрегая развитием русского языка, – в положении “передовых конструкторов керосиновых ламп накануне изобретения электрического света Эдисоном” [32. Р. 81]²⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Lunt H.G.* One OCS Translation or Two? On the Suprasliensis and Related Sborniki // *Die Welt der Slaven*. 1983. № 28/2.
2. *Bakker M., van der Tak J., Veder W.* Semantische Motivation: mangelhaft. Über tiefe Verderbnis in der Überlieferung kirchenslavischer Texte // *Ars philologica. Festschrift für Baldur Panzer zum 65. Geburtstag* / Red. K. Grünberg et al. Frankfurt; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Wien, 1999.
3. *Clavis patrum græcorum, 1–5* / Red. M. Geerard. Turnhout, 1974–1987; Supplementum. Turnhout, 1998.
4. *Veder W.R.* The Systematic Collection of *Apophthegmata Patrum* (CPG 5562): The Life of Its First Greek Codex from ca. 500 AD to 885 AD // *Ohio Slavic Papers*. 2007. № 7.
5. *Veder W.R.* Хиляда години като един ден. Животът на текстовете в Православното славянство. София, 2005.
6. *Psalterium Bononiense* / Red. V. Jagić. Wien; Berlin; St. Peterburg, 1907.
7. Норовская Псалтырь, среднеболгарская рукопись XIV века. Т. 2 / Под ред. Е.В. Чешко и др. София, 1989.
8. *Банишко Евангелие*. Среднобългарски паметник от XIII век / Ред. Е. Дограмаджиева, Б. Райков. София, 1981.
9. Добромирово Евангелие. Български паметник от началото на XII век / Ред. Б. Велчева. София, 1975.
10. Добрейшово Четвероевангелие. Среднобългарски паметник от XIII век / Ред. Б. Цонев. София, 1960.
11. *The Curzon Gospel. Vol. I. An Annotated Edition* / Ed. by C.M. Vakareliyska. Oxford, 2008.
12. *Bakker M.* Towards a Critical Edition of the Slavic New Testament. A Transparent and Heuristic Approach. Amsterdam, 1996.
13. *Van der Tak J.G.* The Old Slavic Apostolos. The Lessons of the Short Lectionary from Pentecost to Great Lent and the Abstracts of the Epistles. Amsterdam, 1999.
14. *Grünberg K.* Die kirchenslavische Überlieferung der Johannes–Apokalypse. Frankfurt, 1996.
15. Чудовская рукопись Нового Завета 1345 года / Под ред. митрополита Питирима (Нечаева). М., 2001.
16. *Воскресенский Г.А.* Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по сто двенадцати рукописям Евангелия XI–XVI в. М., 1896.

¹⁹ Замечание болландиста П. Петерса [28. Р. 28] целит на издания коптских текстов, но оно верно, например, и для издания Изборника 1076 г. [29] и других изданий церковнославянских текстов без полного охвата всех ветвей трансмиссии и без обоснованного объяснения всех различий, в частности издания одной или “основной” (с поправкой по другим) рукописи; см., например, рецензии изданий у Х. Ланта [30; 31].

²⁰ Следует опасаться, что на сегодняшний день влияние “списочничества” такое, что воспретит критическое издание единственного достоверного перевода св. Мефодия, Номоканона, ученым, который лучше всех подготовлен отдать славистике этот долг (см. исследование морфосинтаксического и лексического узуса св. Мефодия в книге К.А. Максимовича [33]).

17. *Spasova M., Veder W.R.* Copying, Copy-Editing, Editing and Recollating Three Chrysostomian Lenten Homilies in Slavonic // *Polata knigopisnaja*. 2008. № 38.
18. *Capaldo M.* Materiali e ricerche per l'edizione critica di Vita Constantini. IV: Edizione della redazione vaticana // *Ricerche Slavistiche*. 2005. № 3(49).
19. *Danti A.* On the Significance of the Critical Text // *Polata knigopisnaja*. 1995. № 27–28; перр. <<https://kb.osu.edu/dspace/handle/1811/6399>>; польский оригинал: О значении текста крытыцнего // *Slavia*. 1977. № 66/4.
20. *Homeri Odyssea* / Red. H. van Thiel. Hildesheim; New York, 1991.
21. *Homeri Ilias, 1–2* / Red. M.L. West. Stuttgart, 2000.
22. *The Greek New Testament* / Red. B. Aland et al. Stuttgart, 1993.
23. *Evangelium nach Thomas* / Red. A.J.B. Guillaumont, H.C. Puech, G. Quispel, W.C. Till, Y. 'Abd al-Masih. Leiden, 1959.
24. *The Critical Edition of Q. A Synopsis including the Gospels of Matthew and Luke, Mark and Thomas with English, German and French Translations of Q and Thomas* / Red. J.M. Robinson, P. Hoffmann, J.S. Kloppenborg. Leuven, 2000 (= *Documenta Q 1*).
25. *Алексеев А.А.* Перспективы текстологии: от реконструкции к истории текста // *ТОДРЛ*. 2003. Т. 54.
26. *Marti R.W.* Dal manoscritto alla letteratura: per una testologia del patrimonio scritto slavo // *Lo spazio letterario del medioevo*. 3: Le culture circostanti. Vol. III: Le culture slave / Red. M. Capaldo. Roma, 2006.
27. *Герд А.С., Федер В.Р.* Церковнославянские тексты и церковнославянский язык. СПб., 2003.
28. *Peeters P.* Le tréfonds oriental de l'hagiographie byzantine. Bruxelles, 1950.
29. *Изборник 1076 года* / Под ред. С.И. Котова. М., 1965.
30. *Lunt H.G.* On Editing Early Slavic Manuscripts: The Case of the Codex Suprasliensis, the Mstislav Gospel, and the Banica Gospel // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1984. № 30.
31. *Lunt H.G.* The OCS Song of Songs: One Translation or Two? // *Die Welt der Slaven*. 1985. № 30/2.
32. *Strakhov O.* The Byzantine Culture in Muscovite Rus': The Case of Evtimij Chudovskij (1620–1705). Köln; Weimar; Wien, 1998.
33. *Максимович К.А.* Законъ соудьныи людъмъ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004.

© 2008 г. Я. МИЛТЕНОВ

ЛЕКСИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ КАК СПОСОБ АТРИБУЦИИ ПРЕСЛАВСКИХ ТЕКСТОВ

(на материале славянского перевода Диалогов Псевдо-Кесария)

Лексический критерий – один из основных способов атрибуции, хронологизации и локализации славянских переводных и оригинальных текстов. В особой степени это относится к изучению наследства книжников, которые работали в Преславском центре в IX–X вв., что является следствием накопленных в последнем столетии студий и изданий текстов, дополняющих существующий в основных лексикографических справочниках материал.

В настоящем сообщении я бы хотел представить часть результатов лексического анализа Диалогов Псевдо-Кесария (далее – ДПК) – обширного переводного сочинения, известного в славянской рукописной традиции под условным научным заглавием “Вопросы и ответы Сильвестра и Антония”, чьи характеристики на всех языковых уровнях причисляют их к кругу переводов, осуществленных в Болгарии в X в.¹ Как и многие другие переводные тексты этого периода, предназначенные для индивидуального чтения, ДПК уцелели единственно в русской рукописной традиции в кодексах, относящихся к пятнадцатому и шестнадцатому столетиям (списки славянского перевода см. [12]).

Содержание греческого оригинала ДПК, в который кроме догматической проблематики включены и естественнонаучные знания, а также и принципы перевода, заложенные в славянской версии сочинения, определяют наличие ценного и недостаточно изученного лексического материала. Исследование памятника облегчается наличием критических изданий греческого и сла-

Милтенов Явор – д-р, научный сотрудник Института болгарского языка (г. София).

¹ Критическое издание греческого текста принадлежит Р. Ридингеру [1]. Относительно авторства и хронологии возникновения сочинения, также по вопросам, связанным с греческой рукописной традицией и содержанием памятника, см. работы Ив. Дуйчева [2. С. 23–43, 543–544; 3. С. 191–205] и монографию Р. Ридингера [4]. Критическое издание и комплексное лингво-текстологическое исследование славянского перевода проделано Я. Милтеновым [5], см. также наблюдения А. Горского и К. Невоструева [6. С. 142–155], архим. Леонида [7. С. 159–163; 8. С. XIII–XV; 9. С. 17–18], Ив. Дуйчева [2; 3; 10. С. 258–263]. Условное наименование “Вопросы и ответы Сильвестра и Антония” введено А. Горским и К. Невоструевым. В рукописях ДПК имеют длинное описательное заглавие *Сѣтѣо силвѣстра и прѣвнѣ антонїа. истолкованїе ѡ сѣтѣи трѣци...*, которое не является частью первоначального перевода – оно плод русской рукописной традиции (см. [6. С. 145; 11. Р. 34–135]).

вянского текстов, также “закрытой” рукописной традицией, в которой распространялся перевод². Здесь будут отмечены некоторые основные методологические проблемы при эксцерпировании и интерпретации лексического материала и определены возможности их решения.

1. Первый этап изучения лексики ДПК можно определить как эксцерпцию *свидетельств употребления* данной лексемы.

1.1. Основная трудность, с которой сталкивается современный исследователь славянских средневековых текстов, состоит в отсутствии лексикографических справочников, охватывающих более полное число памятников и опирающихся на критические издания. Словари, составленные в XIX в. Фр. Миклошичем и И.И. Срезневским, и по сей день остаются самыми богатыми и полезными пособиями при исследованиях в области лексикологии. К сожалению, большая часть охваченного ими материала не эксцерпирована ни из изданий текстов, ни из рукописных источников, а взята из лексических анализов А. Горского и К. Невоструева в их описи рукописей московской Синодальной библиотеки (сейчас – Синодальное собрание, ГИМ). Справочники, составленные в более позднее время, либо полностью опираются на предыдущие, либо исключают большое число ранних переводных и оригинальных текстов из-за критериев, принятых их составителями, или, несмотря на свою полноту, используют материал только из определенных, хронологически ограниченных текстов. Из-за этих обстоятельств в рамках первого этапа лексического исследования становится необходимым и обязательным сравнение с существующими изданиями и исследованиями славянских средневековых текстов. Результаты сочетания этих двух подходов можно суммировать следующим образом. ДПК обладают рядом особенностей текстов, созданных, переведенных или отредактированных в Преславском книжном центре в IX–X вв. Эксцерпированный хронологически и локально маркированный лексический материал включает употребление характерных синонимических средств³, синонимическое использование определенных греческих заимствований и славянский эквивалент⁴, употребление характерных устойчивых словосочетаний⁵, употребление типичной для преславских текстов лексики более широкого распространения⁶. Специфической особенностью перевода, которая объединяет его с другими ранними сочинениями, является включение лексики протоболгарского происхождения, большая часть которой имеет преимущественно южносла-

² О текстологии памятника (коляции списков, установлении взаимоотношений между ними, характеристике утерянных протографов и архетипа, стемах) см. [5. Р. 34–135].

³ Например: *брань* – *рать*, *врѣтнште* – *власѣнна*, *въскрсьнати* – *въстати*, *вѣа* – *шнѣа*, *жрътва* – *трѣба*, *постъ* – *алчѣва*, *постити са* – *алкати*, *ради* – *дѣла* – *дѣльма*, *стѣлпъ* – *сѣнь*, *сѣньма* – *сѣборъ*, (*не*) *тѣкъмо* – (*не*) *тѣчнѣа*, *ѣззыкъ* – *страна* и др. (ср. [13]).

⁴ Например: *аеръ* – *въздоухъ*, *ндоль* – *коумръ*, *нерѣн* – *жрьць*, *нюдѣн* – *ждъ*, *порода* – *ран* и др.

⁵ Например: *добра дѣтѣль* ‘добродетельность’, *нзлнха нмѣти* ‘иметь лишнее’, *нпомъ творити* ‘упрекать’, *пѣнчѣ тѣшатн* ‘страдать эпилепсией’, *на вѣлозѣ точитн* ‘скакать’ и др.

⁶ Например: *вѣхъ*, *вѣхъма*, *вѣшнѣа* ‘совсем, вообще, полностью’, *вѣшнѣа* ‘полный, окончательный’, *дѣла*, *дѣльма* ‘из-за’, *жоупнште* ‘гробница’, *оуластатн* ‘останавливать, обуздать’, *порода* ‘рай’, *рожаньць* ‘лук’, *скоровѣкъ* ‘малоценный, переходный; легкий’, *слѣпати* ‘прыгать, подпрыгивать’, *сѣнь* ‘башня’, *трѣба* ‘жертва’, *таклонменнтъ* ‘именующийся, одоименный’, *хѣвѣнна* ‘дом’, *цѣн* ‘хотя и, если и’, *ѣзъно* ‘кожа’ и др.

вянское распространение⁷ и употребление более 70 гапаксов и редких слов⁸. Итак, рассмотренные параметры славянского перевода ДПК раскрывают характеристики, которые давно стали неотъемлемой частью лексического критерия атрибуции преславских текстов, включающие наличие определенных переводческих решений, определенных лексических предпочтений и локально, хронологически и этимологически маркированной лексики.

1.2. Как было указано выше, состояние лексикографических источников по отношению к текстам IX–X вв. (за исключением так называемых старославянских рукописей) вынуждает исследователя внимательно и критически подходить к материалу, предоставляемому в словарях, и, насколько это возможно, компенсировать некоторые упущения посредством текстологического анализа. Это определяется фактом, что они не базируются на критических изданиях и в большинстве случаев не учитывают межтекстовых отношений. Приведем несколько примеров, связанных с исследованием лексики ДПК.

1.2.1. Текстологическое сопоставление способствует *уточнению исходных форм определенных лексем, неточно отраженных в словарях*. В словарях отмечено существительное *нстѣкълосмѣство* 'вершина, возвышение, рельеф' и прилагательное *нстѣкълосмѣ* 'который возвышается, который относится к возвышению, вершине, рельефу', засвидетельствованные единственно в ДПК. Эти данные в лексикографических справочниках взяты из описания Горского и Невоструева, а они, в свою очередь, эксцерпировали эти формы из рукописи Синодального собрания № 261 [б. С. 142–155]. Текстологический анализ вось-

⁷ Редкие протоболгаризмы и гапаксы: *двалма* 'конюх', *нскълѣсмѣ* 'поднятый, видимый', *нскълѣсмѣство* 'возвышение, рельеф', *тваллага* 'телка', *тевнѣгѣ* 'часть ярма', *колимогопоставленни* 'построение шатров'. Протоболгаризмы более часто употреблены: *бѣлѣгѣ* 'отметина, знак', *дълѣ* 'глиняный кувшин', *капнште* 'колонна, столб, колоннада, статуя', *коврѣга* 'обрядный хлеб', *комѣрогѣ* 'глиняный сосуд', *коштоуѣна* 'вымысел' (и производные *коштоуѣновати*, *коштоуѣнословѣць*, *коштоуѣнотворити*, *коштоуѣнникѣ*), *крѣчагѣ* 'ведро', *крѣчѣни* и *крѣчѣнно мѣсто* 'кузница', *коумѣрѣ* 'идол' (и производные *коумѣровѣ*, *коумѣрѣскѣ*, *коумѣрослужѣние*), *коурѣлѣкѣ* 'образ, вид, форма, образец', *мѣчѣтъ* 'загадка, видение, сон; волшебство, обман', *онѣмѣ* 'солдат', *сасыгѣ* 'сосуд для топки металла', *срѣдобола* 'кровный родственник' (и производные *срѣдоболю*, *срѣдоболюство*, *срѣдоболюѣти*), *сынѣ* 'башня', *хорѣгѣ* 'скиптр, достоинство владетеля', *чрѣтогѣ* 'брачная комната' и др. Об определении этого типа лексики как этимологически протоболгарской см. [14–20].

⁸ Наименования растений, животных, органов человеческого тела, например: *ванскоуѣнѣ* 'мак', *вожоурѣ* 'пион, роза', *бѣрѣни* 'болиголов', *вѣтрѣнѣца* 'кровеносный сосуд', *габѣрѣ* 'граб', *жегѣзоуѣнѣнѣ* 'кукушкин', *зѣмѣнѣнѣ мѣчѣнѣ* 'вид растения или сок мака', *крѣвавѣнѣца* 'кровеносный сосуд', *лежажѣ* 'кит', *лоуѣнѣ* 'стервятник', *мѣхѣурѣ* 'желчный пузырь', *мазѣдра* 'оболочка, пленка', *плюшѣта* 'легкие', *растѣ* 'слезка', *скрѣвѣтъѣ* 'вид растения', *спражѣ* 'чемерица', *стволѣнѣ* 'болиголов', *сѣгревѣжѣ* 'вид колючего растения', *сѣпоухѣ* 'опиум', *сѣсьѣна* 'фиалка, анютины глазки' и др. Некнижная лексика местного распространения, например: *вѣтво* 'фитилек', *гѣжѣ* 'неспелый виноград', *двалма* 'конюх', *нскълѣсмѣ* 'который относится к вершине, возвышению, рельефу', *нскълѣсмѣство* 'вершина, возвышение, рельеф', *коуѣнѣа* 'ревность, соперничество, зависть', *млатѣѣа* 'подъем, сустав', *ошѣнѣжѣти сѣ* 'опомниться', *прѣнтѣжѣкѣти* 'уподоблять, сравнивать', *сасыгѣ* 'сосуд для топки металла', *свалѣмѣ* 'каша, тесто, жидкость', *сѣпѣлѣ* 'дикая кошка', *тваллага* 'телка', *тевнѣгѣ* 'часть ярма', *трѣмѣ* 'пчелиный улей' и др. Редкие слова (до сих пор считаемые гапаксами), получающие вторую или третью фиксацию через посредство ДПК: *гѣжѣ* (Шест); *двалма* (ПСТКир и Хроника Георгия Синкела); *нѣждѣнѣмѣти* (Бог); *нскълѣсмѣ* (Шест); *лоуѣсѣка* (Шест); *моуѣзѣгѣвѣ* (Упир Лихий); *мазѣдра* (Шест); *плюшѣтѣнѣнѣ* (Шест); *прѣнтѣжѣкѣти* (Изб1073); *спражѣ* (Шест); *свалѣмѣ* (Супр); *стволѣнѣа* (Шест, Упир Лихий); *сѣгревѣжѣ* (Упир Лихий); *трѣмѣ* (глаголическая надпись села Черноглавцы).

ми из известных двенадцати списков ДПК показал, что в данном случае речь идет об ошибке в указанном списке и корректные исходные формы лексем здесь соответственно *нскльсмъ*, *нскльсмьство*. Это подтверждается и образованным от того же корня словом *нскльсмне*, которое встречается в Шестодневие Иоана Экзарха. Неточные формы подвели и такого выдающегося исследователя, как О. Прицак, который решил, что формы на *-тъ-* более точно отражают первоначальный облик исследуемых протоболгаризмов [15. С. 201–203]. Слово *коуѣба* ‘ревность, соперничество, зависть’ отражено в лексикографических источниках с некоторым колебанием вследствие предположения А.Х. Востокова, что речь идет об ошибке в протографе Толковой Палеи и что исходной формой, вероятно, являлась *кѣдѣба*. Текстологический анализ показывает, что у слова *коуѣба* существует и другая фиксация. Ее можно найти и в ДПК и именно в этом ее виде, который, поскольку он не отмечен Горским и Невоструевым, соответственно не попадает в лексикографические справочники. Более того, оказывается, что весь отрывок с рассматриваемой лексемой – “скрытая цитата” в Толковой Палеи, которая взята именно из ДПК, являющихся одним из ее основных источников с двадцатью буквальными или частично редактированными извлечениями [21. С. 182–187]. Следовательно, исходная форма *коуѣба* первична и не является плодом ошибки в рукописной традиции, так как отрывок, в котором она встречается, точно передает свой источник.

1.2.2. Результаты этого типа критического анализа привлеченного в лексикографических справочниках материала могут быть продолжены примерами *неотраженных в словарях межтекстовых отношений*, которые могли бы повлиять на толкование определенных лексем как маркированные или немаркированные. Так, например, в словарных статьях о лексеме *нюгъ* ‘грифон’ отмечается ее использование в сочинении русского писателя Климента Смолятича. Текстологический анализ, проведенный еще Н. Никольским, свидетельствует, что отрывок, включающий это слово, взят из протографа так называемого Толкового Изборника⁹. Лексикографическая информация, однако, не содержит этот факт, и исследователь мог бы при некритическом подходе принять лексему за локально немаркированную.

Схожий случай и с появлением слова *жегъзоуѣла* ‘кукушка’ в сборнике Мерило праведное. В лексикографических справочниках не отмечено, что речь идет о статье *Отъ шестоденъца избрано о животехъ*, текстологическое исследование которой, проведенное Н. Дурново, доказывает, что она составлена из эксцерптов, а конкретный отрывок заимствован из Толковой Палеи [26]¹⁰.

Подобные примеры находим и по отношению к библейским референциям. Слово *нюокъ* ‘кабан’, согласно словарям, употребляется всегда в сочетании *нюокъ дивни*. В этом нет ничего удивительного, так как текстологический анализ показывает, что и в двух своих фиксациях за рамками Священного писания (в Физиологе и в словах Григория Богослова) словосочетание является частью библейской цитаты (Пс 79:14). Единственно в ДПК оно не употреблено в

⁹ Ср. [22. С. 13, 133, 165; 23. С. 166г]. Лексема встречается также и в так называемом Сказании об Индийском царстве [24. С. 187]. В этом справочнике не отмечено, однако, текстологическое исследование В.М. Истрина [25]. По его мнению, отрывок, в котором встречается слово, пришел из Александрии, перевод связан со славянским югом, равно как и само Сказание.

¹⁰ В тексте встречается исключительно интересная лексика, что не удивительно, учитывая архаические источники, которыми располагал русский составитель сборника.

библейской референции и не входит в словосочетание с прилагательным **двнни**. Этот факт, имея в виду и контекст, можно интерпретировать как свидетельство о книжном (“разговорном”) употреблении лексемы. Не так обстоят дела с прилагательным **оревнтгъ** ‘похотливый’, которое тоже употребляется только в словосочетании (**кони оревнтгн**), но не имеет независимого от библейского текста употребления – все его фиксации (Толковой апокалипсис, Злато-струй, Слова против ариан в переводе Константина Преславского, ДПК) связаны с перифразами или цитатами (Иер 5:8). Этот факт, в свою очередь, можно интерпретировать как свидетельство о книжном (“не-разговорном”) употреблении лексемы.

2. Текстологические данные, способствующие объективной оценке лексического материала ДПК и созданию одного, возможно самого достоверного, лексического критерия, являются основой и второго этапа исследования, а именно – *эксцерпции свидетельств неупотребления* данной лексемы.

2.1. В русских списках древнеболгарских сочинений, особенно в датированных XV–XVI вв., находятся многочисленные свидетельства лексического редактирования, которое выражается в замене устаревшей, неясной или непонятной лексики новой. Эти данные, которые все еще ждут своей систематизации и обобщения, в определенных случаях могут быть истолкованы как доказательства неупотребления лексики преславского происхождения, которая локально и хронологически маркирована. ДПК являются исключительно ценным источником в этом отношении, так как в русской рукописной традиции засвидетельствованы три типа передачи текста: 1) списки без изменения и без редакторского вмешательства; 2) списки, в которых неясная лексика устраняется и пишется на полях, а в тексте или оставляется пустое место, или вносится общеупотребительный синоним; 3) списки, в которых неясная лексика прямо заменяется синонимами. Следовательно, сам материал ДПК, полученный с помощью текстологической методологии, ведет за собой следующие шаги в его исследовании в сопоставительном плане с другими сочинениями со схожей литературно-исторической судьбой.

2.2. Второй этап исследования лексики рассматриваемого сочинения основывается в большей степени на привлечении дополнительных данных относительно эксцерпированного на первом этапе материала. При сравнении с дипломатическими и критическими изданиями текстов преславского происхождения, в которых проведено текстологическое сопоставление списков, *устанавливается постоянная или спорадическая замена таких лексических маркеров*, как **въхъма**¹¹, **въшнж**¹², **въшьнъ**¹³, **дѣла** и **дѣльма**¹⁴, **охласта**

¹¹ Слово **въхъма** заменяется посредством: **штннѡдъ** в русских списках “Беседы против богомилов” Пресвитера Козьмы; **весма** в русских списках “De autexusio” Мефодия Олимпийского; в глоссированных и обновленных лексически копиях ДПК; в русских списках Лествицы с XIV в. и дальше; **право** в сводной редакции Закона о осуждении людей (**Законъ соудьнън людьмъ**), в отрывке, совпадающем с пространными редакциями.

¹² Слово **въшнж** заменяется посредством: **точью** в поздних русских списках Псалтыри с толкованиями Феодорита Киррского, **весма** в глоссированных и в обновленных лексических копиях ДПК.

¹³ Слово **въшьнъ** заменяется посредством: **нстнннѣн** в поздних русских списках Псалтыри с толкованиями Феодорита Киррского, **весма** и **всацьскын** в глоссированных и в обновленных лексически копиях ДПК.

¹⁴ Слова **дѣла**, **дѣльма** заменяется посредством: **радн** в русских списках древнеболгарских текстов (ср., например, сочинения Иоанна Екзарха, Житие Иоанна Златоуста и др.).

тн¹⁵ и др. Будущая комплексная эксцерпция схожих примеров из широкого круга ранних текстов с уверенностью дала бы еще более богатую картину вышедшей из употребления хронологически и локально ограниченной лексики¹⁶.

2.3. Данные об этапах редакторской обработки, связанной с лексическим обновлением, можно найти в списках сочинений, в которых налицо *глоссирование*. Такая практика засвидетельствована еще в русских списках XI в. (ср., например, глоссы в Изборнике 1073 г., Ефремовской Кормчей, Пандектах Антиоха), но самое широкое применение находит в пятнадцатом и шестнадцатом столетиях. Это явление, насколько мне известно, изучено только по отношению к сочинениям болгарского экзарха Иоана русской исследовательницей Г. Баранковой [28–30] (см. также [31]), отдельные замечания в более общем плане сделаны в ряде исследований Л. Ковтун [32–34] (см. также статью этого автора в [35. С. 23–58]).

Наличие глосс (известных также и как “произвольники”) в части списков ДПК исключительно ценное, так как благодаря выясненной текстологической истории сочинения легко устанавливаются первичные и вторичные варианты, а это, в свою очередь, дает основу для будущего исследования рецепции древнеболгарского письменного наследия на Руси в XV–XVI вв. В ДПК засвидетельствованы два типа глоссирования: выведение незнакомой лексики в поле рукописи без замены ее в тексте¹⁷ и выведение незнакомой лексики в поле рукописи с заменой ее знакомыми синонимами¹⁸. Материал, в известной степени совпадающий с этим из переводов Иоанна Экзарха, со всей очевидностью свидетельствует, что глоссированию подвержены гапаксы, редкие слова и лексические маркеры, характерные для преславских переводных и оригинальных сочинений. В определенных случаях наблюдается целенаправленное системное глоссирование определенных слов¹⁹. Об архаичности протографа ДПК, о внимательной работе русского редактора и о достоверности выводов

¹⁵ Слово *охластатн* заменяется посредством: *овоуздати* в списках афонской редакции Апостола; *възгорѣти* (!), *овоуздати* в глоссированных и в обновленных лексически копиях ДПК.

¹⁶ Практику избегать определенных преславских лексикальных маркеров можно наблюдать не только по отношению к восточнославянским спискам древнеболгарских сочинений, она присутствует и в южнославянской традиции, ср., например, исследование Л. Тасевой и М. Йовчевой [27] списка Откровения Псевдо-Методия Олимпийского в Берлинском сборнике XIII–XIV вв.

¹⁷ На поле выносятся следующие лексемы: *божоурѣ*, *бърни*, *бърни*, *въслѣпатн*, *вѣтво*, *габърѣ*, *гворѣ*, *двалма*, *копрнна*, *мандрагора*, *мнсхъ*, *моурнка*, *обрѣсати*, *сасыгъ*, *скрѣбѣтъ*, *слѣпатн*, *спражъ*, *стволикъ*, *съпоухъ*, *твалага*, *трѣмъ*.

¹⁸ Глоссированию с синонимом подвержены следующие лексемы: *на бѣхъ* – *въсачьскын*, *бѣхъма* – *весма*, *бѣшны* – *весма*, *бѣшнь* – *весма*, *владѣ* – *влаасн*, *влаать* – *омела*, *каѣштатн* – *тѣснѣтн*, *комърогъ* – *скждѣльникъ*, *котыга* – *багрѣница*, *крада* – *пець*, *кржгомъ* – *окрѣсть*, *кжшта* – *кожа*, *медва* – *медвѣдь*, *моузгавъ* – *моустънь*, *мъчѣтъ* – *сынъ*, *обрѣшнтн* – *посрамнтн*, *огрѣстнтн* – *обатн*, *окронница* – *багрѣница*, *оловна* – *пнво*, *охластатн* – *обжздатн*, *прѣвѣспрьнь* – *превъшьнь*, *прѣлнхъ* – *прензлншьнь*, *прнтжкатн* – *прнттатн*, *прнтжкатн* – *прналагатн*, *проказьствнк* – *коварьствнк*, *подрагъ* – *подолнк рнзъ*, *свѣне* – *кромѣ*, *слѣпатн* – *нгратн*, *сынъ* – *стѣпъ*, *токъ* – *гоумьно*, *тѣштънь* – *добънь*, *хыгтрнтн* – *мждртн*, *шѣпѣштатн* – *шѣпѣтатн* и др.

¹⁹ Например: *бѣхъма* – *весма*, *бѣшны* – *весма*, *бѣшнь* – *въсачьскын*, *на бѣхъ* – *въсачьскын*, *охластатн* – *обжздатн*, *прнтжкатн* – *прналагатн*, *свѣне* – *кромѣ*, *слѣпатн* – *нгратн* (или не предлагается вариант), *сынъ* – *стѣпъ* и др.

при изучении так называемых произвольников свидетельствуют и некоторые явления в области орфографии – среди оставленных на поле части списков лексем открываются и лексемы со стяженными формами (вѣшнѡуоуѡуѡу), несокращенные под титлом (дѡуѡдѣ, 6 примеров), с написанием шт вместо щ (кѡштѣ, штѣпштѣштн)²⁰.

2.4. До сих пор остается неисследованным и вопрос об *отношениях между глоссами-“произвольниками” и русскими Азбуковниками*. С учетом совпадений между ними²¹ – это ключевая проблема для осмысления принципов усвоения древнеболгарской книжности на Руси. Известно, что славянский материал попадает в русские Азбуковники еще в самых ранних сочинениях данного типа, но лишь с XV в. он становится преобладающим. Речь идет о лексике, которая считается иноязычной, неясной, устаревшей, употребляемой только в письменных памятниках. Она внесена в эти средневековые словари копиистами и редакторами древнеболгарских сочинений (напомним, что один из самых старых двуязычных славянских словарей – это словарь к Лествице). Будущее их исследование в лингвотекстологическом плане, без сомнения, доказало бы их важность как источника экскерпции маркированных лексем, которые помогают созданию критерия атрибуции и хронологизации текстов раннего периода славянской книжности.

2.5. В качестве свидетельства неупотребления определенных лексем можно рассматривать и некоторые *примеры ошибок в поздних копиях древнеболгарских оригиналов*, особенно в тех случаях, когда фиксируется их системное появление²². Эти наблюдения можно расширить при проведении будущего анализа, объектом послужат отклонения от оригиналов в широком круге списков древнеболгарских сочинений. В любом случае, изложенные здесь частичные данные являются свидетельством того, что один и тот же лексический пласт подвергается глоссированию, синонимической замене, толкованию в Азбуковниках или пишется ошибочно из-за непонимания.

3. В заключение можно сказать следующее. Текстологический анализ лексического и лексикографического материала является обязательным элементом – при теперешнем состоянии исследований и справочников – формирования релевантного лексикального критерия атрибуции, хронологизации и локализации данного средневекового текста. Было бы недостаточным сказать, что лексический критерий всегда берется в комплексе с другими доказательствами – фонетикой, морфологией, синтаксисом, литературной историей, ин-

²⁰ Практику глоссировать определенные преславские лексические маркеры можно наблюдать не только по отношению к восточнославянским спискам древнеболгарских сочинений, она является фактом и в поздней южнославянской традиции, ср., например, хиландарские четы-минеи монаха Аверкия XVII в. Частичные данные о проведенном редактировании посредством глосс (идентичных с русскими “произвольниками”) введены в научное обращение Кл. Ивановой [36; 37]. Часто идет речь о целенаправленном системном глоссировании определенного круга лексики, в большой степени совпадающем с рассматриваемым здесь материалом.

²¹ Ср. также лингвистические (синонимические) статьи, например: вѣхѡма – отнѡ, вѣѡко; вѣскѡю – чѣсо радн; свѣѡне – кромѣ; вѣстрада – воздавал; цѣща – радн и др. (данные из [31]), и толковательные, например: жегъзѡуѡла – ежѡуѡла еѣтъ пѣнца жѡгоска; грѣчески ежѡуѡла, словѣнски жѡгоска (данные из [38. Т. 5. С. 174; 24. С. 105]).

²² Некоторые примеры, относящиеся к лексике, использованной в ДПК: вѣшнѣ – вѣшѡю в Изборнике 1076 г., овѣшѡю в Успенском сборнике; ннокѣ – ннокѣ в Лобковской и Парижской псалтирях; нскѣсмѣ – нстѣкѡсмѣ в списках ДПК; стѣпѣ – стѣвѡ в списках ДПК и др.

тертекстуальностью. Лексический критерий сам по себе должен быть в достаточной степени надежным и достоверным. Исследование ДПК показало, что один из возможных путей для этого – привлечение относительно независимых, но все же взаимосвязанных данных об употреблении или неупотреблении определенного круга лексики. Этот подход предоставляет возможность в определенных случаях экскерпировать лексические маркеры, которые частично или полностью обладают следующими особенностями: они характерны для текстов одного и того же времени и места создания, у них относительно слабое распространение, их воспринимают как архаизмы с XV в. и позднее, иногда восточнославянскими книжниками они пишутся ошибочно, заменяются прямо или посредством глоссирования в поздних списках сочинений древнеболгарской эпохи. Рассмотрение с помощью лингво-текстологической методологии фактов при исследовании с точки зрения языковых явлений, а не конкретного памятника, как было сделано здесь, помогло бы в большей степени изучению славянского книжного и языкового наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Riedinger R. Pseudo-Kaisarios. Die Erotapokriseis.* Berlin, 1989.
2. *Dujčev Iv. Le témoignage du Pseudo-Césaire sur les Slaves // Medioevo Bizantino-Slavo.* Roma, 1965. Т. 1. [= *Slavia antiqua* 4 (1953)].
3. *Dujčev Iv. La versione paleoslava dei dialoghi dello Pseudo-Cesario // Medioevo Bizantino-Slavo.* Roma, 1968. Т. 2. [= *Studi Bizantini e Neellenici.* Roma, 1957. Т. 9].
4. *Riedinger R. Pseudo-Kaisarios. Überlieferungsgeschichte und Verfasserfrage.* München, 1969.
5. *Миутенов Я.* Диалозите на Псевдо-Кесарий в славянската ръкописна традиция. София, 2006.
6. *Горский А., Невоструев К.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. II. Писания святых отцов. 2. Писания догматическия и духовно-нравственныя. М., 1859.
7. *Леонид, архим.* Сведения о славянских пергаменных и бумажных рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевской лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии). М., 1887. Вып. 2.
8. *Леонид, архим.* Четыре беседы Кесария или вопросы святого Сильвестра и ответы преподобнаго Антония // Издания Императорского общества любителей древней письменности. М., 1890. Т. ХСV.
9. *Леонид, архим.* Библиографические разъяснения в области древнейшего периода славянской письменности IX–X вв. // ЧОИДР. 1890. Т. 3.
10. *Дуйчев Ив., Кристанов Цв.* Естествознание в средновековна България. Сборник от исторически извори. София, 1954.
11. *Miltenov Y.* The Segmentation of the Erotapokriseis of Pseudo-Kaisarios as a Source for the History of Its Slavonic Translation // *Scripta & e-Scripta.* 2004. № 2.
12. ГИМ. Собр. Барсова. № 217. XV в., Синодальное собр. № 261. 1512 г., Синодальное собр. № 737. XVII в., Собр. Вострякова. № 76. XVI–XVII вв., Собр. Уварова. № 786. XVI в.; РГБ. Собр. Егорова. Ф. 98. № 158. XV в., Собр. МДА. Ф. 173. № 156. XV в., Собр. МДА. Ф. 173. № 155. XVI в., Собр. Прянишникова. Ф. 242. № 132. XV в.; РНБ. Собр. Колобова. № 282. XV в.; ГИМ. Синодальное собр. № 990. Л. 216–287 (Макарьевы четьи-минеи, 2 января), Синодальное собр. № 178. Л. 265–360 (Макарьевы четьи-минеи, 2 января).
13. *Славова Т.* Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод // Кирило-Методиевски студии. София, 1989. Кн. 6.
14. *Pritsak O.* *Bulgarische Etymologien I–III // Ural-Altäische Jahrbucher.* 1957. Bd. 29.
15. *Pritsak O.* *IV. Proto-Bulgarian Etymologies IV–V.* IV. Danube Proto-Bulgarian *нскълъсмъство* ‘Тѣоуѣ’. V. Danube Proto-Bulgarian *двалма* ‘horse herdman’ and Kuban Bulgarian (> Hung.) *dalm*, ‘pack horse’ // *Folia Slavica (Studies in honor of Horace G. Lunt).* 1979. № 1–2.
16. *Русек Й.* За славянския превод на Паренесиса на Ефрем Сирий // Търновска книжовна школа. Велико Търново, 1994. Т. 5. Паметници. Поетика. Историография.

17. Делева А. Прабългарски заемки в старобългарския език. (Механизми на езиковата адаптация). Автореферат на дисертация за присъждане на образователна и научна степен “Доктор”. София, 1997.
18. Делева А. Прабългари и прабългаризми. Върху материал от старобългарските писмени паметници // *Acta palaeoslavica*. 1. София, 2000.
19. Делева А., Степанов Цв. *Protobulgarica* // *Palaeobulgarica*. 1998. № 4 (22).
20. Андонова А. *Прабългаризми* // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 2003. Т. 3.
21. Славова Т. Славянският превод на коментарите на Теодорит Кирски върху Петокнижие-то // *Palaeobulgarica*. 2000. № 4.
22. Никольский Н. О литературных трудах Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892.
23. *Watróbska H.* The Izbornik of the XIII-th century (Cod. Leningrad, GPB, Q.p. I.18). Text in Transcription // *Полата кѣннигоснѣна*. Nijmegen. 1987. № 19–20.
24. Белова О.В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2000.
25. Истрин В.М. Сказание об индийском царстве // Древности. Труды славянской комиссии императорского московского археологического общества. М., 1895. Т. 1.
26. Дурново Н.Н. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе // Древности. Труды славянской комиссии императорского московского археологического общества. М., 1902. Т. 3.
27. Тасева Л., Йовчева М. Преславската книжовна норма в Берлинския препис на Псевдо-Методиевото откровение // 1100 години Велики Преслав. 2. Шумен, 1995.
28. Баранкова Г.С. Глоссирование как прием редактирования в списках поздней русской редакции “Шестоднева” // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982.
29. Баранкова Г.С. “Шестоднев” Иоанна Экзарха Болгарского на Руси // Преславска книжовна школа. София, 1995. Т. 1.
30. Баранкова Г.С. О лексической правке в списках Богословия Иоанна Дамаскина // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2.
31. Сапожникова О. Вопросы текстологии Богословия Иоанна Дамаскина в переводе болгарского экзарха Иоанна // *Palaeobulgarica*. 2005. № 4.
32. Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи Средневековья. М.; Л., 1963.
33. Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси. Л., 1975.
34. Ковтун Л.С. Русские словари как источник русской исторической лексикологии. Л., 1977.
35. История русской лексикографии. СПб., 2001.
36. Иванова Кл. Житието на мъченик Теотекн – един неиздаден преславски превод // *Глѣбни-ны кѣннигныя*. Архив за старобългарски извори. Шумен, 2004. Т. 2.
37. Иванова Кл. Хилендарски чети-минеи на монах Аверкие от XVII в. // България и Сърбия в контекста на Византийската цивилизация. Сборник статии от българо-сръбски симпозиум, 14–16 септември, София 2003 г. София, 2005.
38. Словарь русского языка XI–XVII в. М., 1975–. Т. 1–.

© 2008 г. Д. А. ГОЛУБОВСКИЙ

СЕМАНТИКА ПОКЛОНОВ И ПОЦЕЛУЕВ В “ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ” И КИЕВО-ПЕЧЕРСКОМ ПАТЕРИКЕ

В последние десятилетия изучение средневекового невербального поведения вызывает растущий интерес историков. На Западе появилось не только значительное количество частных исследований, но и обобщающие монографии о теории средневекового жеста [1; 2]. Однако историографию Древней Руси данный процесс пока едва затронул. Существует только одна, правда, вполне исчерпывающая, монография, посвященная конкретному жесту [3], и только одна статья, посвященная невербальному поведению в домонгольской Руси в целом [4]. Между тем, как писал британский историк К. Томас, «есть две причины, по которым изучение исторических жестов представляет не только “антикварный” интерес. Во-первых, жесты в прошлом формировали неотъемлемую часть социального взаимодействия. Во-вторых, они могут помочь в понимании фундаментальных ценностей, лежащих в основе общества» [5. Р. 5]. Игнорирование древнерусской невербальной системы, таким образом, лишает историков и культурологов целого пласта информации о Древней Руси. Цель статьи состоит в том, чтобы постараться хотя бы частично восполнить данный пробел на примере двух классов жестов – поклонов и поцелуев, зафиксированных в двух источниках: во-первых, это базовый для любых древнерусских штудий текст – “Повесть временных лет” (ПВЛ)¹; во-вторых, Киево-Печерский патерик (КПП)², текстуально пересекающийся с ПВЛ в той части, которая, по мнению большинства исследователей, восходит к так называемой Печерской летописи и житию Антония Печерского [9; 10].

Но прежде чем приступить к анализу жестов, необходимо сделать ряд теоретических замечаний. Я понимаю жест как семиотически значимое телодвижение, у которого есть означающее и означаемое, синтактика и прагматика, адресант (жестикулирующий, X) и адресат (Y). При анализе письменных ис-

Голубовский Дмитрий Анатольевич – аспирант Центра “История частной жизни и повседневности” ИВИ РАН.

¹ Цитаты даются по Лаврентьевскому списку [6], в примечаниях также указываются дополнения по Ипатьевскому списку [7]. Во всех разбираемых случаях, не оговоренных отдельно, разночтения между ними незначительны, при рассмотрении темы статьи ими можно пренебречь. Орфография упрощена, титла раскрыты, выносные буквы вставлены в строку. Курсив во всех цитатах из источников – мой. – Д.Г.

² Используется так называемая Основная редакция КПП, цитаты даются по изданию [8].

точников мы имеем дело не с самими жестами, а с их вербальными отражениями – номинациями. Каждая из них может иметь больше одного значения. На данном этапе исследования древнерусского невербального поведения выявить спектр значений, которые имел тот или иной жест, и есть, как представляется, первостепенная задача.

Какие формальные признаки позволяют нам рассуждать о семантике того или иного жеста? Во-первых, это так называемые “гlossы” (термин введен в [11]), толкования жестов, которые содержатся в самом источнике. Например, когда в КПП Антоний Печерский открывает греческим мастерам, что им явилась Богородица, они “*съ страхом поклоншеся святым*” (л. 8об.). Во-вторых, речевое сопровождение жеста. Так, в КПП епископ Симон наставляет печерского монаха Поликарпа: “Не притранъ буди, чадо, о том, ни скоро подвигнися на гнев, но, *пад, поклонися брату до земля, глаголя: прости мя*” (л. 16). Следовательно, жест сопровождает просьбу о прощении. В-третьих, контекст, в котором жест исполняется (например, X приходит к Y и исполняет жест в знак приветствия). Наконец, определенные результаты дает анализ отношений, в которых находятся адресант и адресат, например социальное превосходство одного над другим. Последние два пункта дают возможность рассуждать не только о семантике, но и о прагматике жеста, т.е. об условиях его употребления, уместности либо неуместности.

В группу жестов, которые можно объединить в класс *поклонов*, мы включили 15 номинаций из ПВЛ³ и 14 номинаций из КПП⁴. Всего рассматривается 88 словоупотреблений, при этом в девяти случаях тексты ПВЛ и КПП практически полностью совпадают. Кроме того, нужно учитывать, что перечисленные номинации могут входить в состав комплексного жестового выражения – например, *поклонитися* может сочетаться с *пасти*. Каждая из них при этом может встречаться и по отдельности, а значит – обладать собственной семантикой⁵.

Обращение к словарям не дает четкого представления о семантическом спектре класса *поклонов*. Так, словарь древнерусского языка [12] дает пять значений для глагола *кланятися* (1. Делать поклон для выражения почтения, мольбы. 2. Поклоняться; почитать. 3. Проявлять уважение, почтение. 4. Просить, обращаться с просьбой. 5. Посылать, передавать привет). Для глагола *покланятися* – всего три (1. Класть (земной), отвешивать (поясной) поклон; простираться ниц. 2. Поклоняться (божеству), почитать. 3. Кланяться, приветствовать). И четыре значения глагола *пасти* (1. Пасть, упасть; обрушиться,

³ Держати поклонъ – л. 54; изити с поклономъ – 38, 58об., 72об.; кланяние – 36об.; кланяние коленное – 63об.; кланятися – 26об., 27об., 30, 33, 39 (2), 63об., 65; пасти – 65; пасти ниць – 61; покланятися – 33, 37; поклонитися – 17об., 21об., 27, 30об., 32, 34об., 35об., 37, 39об. (3), 53об., 54, 65 (2), 66, 87, 95; поклонитися до земле – 66, 80; поклонъ – 80; послати съ поклономъ – 16об.; прити с поклономъ – 22об.; стати поклонивши главу – 17об.; стоя поклонотися – 39об.

⁴ Кланяние коленное – л. 75об.; кланятися – 28 (2), 56, 57, 70, 77об.; пасти – 16, 34, 67об., 71, 71об., 77об.; пасти на лица – 19об.; пасти на ногу – 1об., 42об.; пасти ниць – 67; пасти ници на земли – 69об.; пасти предъ ногами – 27, 32; поклонитися – 7об. (2), 8об., 11, 33, 34, 45об., 49, 55 (2), 67об., 69об., 74об., 76, 77об. (2), 79об., 81, 82; поклонитися до земля – 3об., 16, 74об., 79; поклонитися ници на земли – 71об.; припасти к ногама – 57.

⁵ Глагол *пасти* не во всех случаях его употребления в ПВЛ и КПП является жестом. Из перечня номинаций мы исключили омоним *пасти* (‘умереть’), чисто физиологическое действие ‘упасть в обморок’ (номинация *пасти яко мертвъ*).

рухнуть; выпасть (о жребии); опуститься, выпасть. 2. Преклониться, стать на колени (*пасти на лица* – пасть ниц). 3. Погибнуть. 4. Преступить закон, впасть в грех). Здесь мы сталкиваемся с рядом проблем. Во-первых, семантика обоих глаголов довольно сильно размыта – смыслы, которые кто-либо вкладывает в поклон, в толкованиях зачастую намеренно опускаются. Во-вторых, непонятно, на чем основываются некоторые переводы, которые дают авторы словарных статей. Почему, например, *пасти* значит ‘преклониться’⁶? Почему *покланяться* значит ‘простираться ниц’, если для этого существует оборот *пасти ници*? Перечень подобных вопросов можно продолжить. Какие же значения перечисленных номинаций все же можно найти в источниках?

Приветствие. Номинации: *изити с поклономъ*, *поклонитися*, *послати с поклономъ*, *прити с поклономъ*. Приветственный поклон в ПВЛ исполняется исключительно при встрече X и Y. При этом, как видно из их социального положения, жестукирующие (а их всегда множество) показывают, что признают власть адресата (который всегда один). В двух случаях из шести это происходит при входе властителя в свой город: навстречу Изяславу (л. 58об.) и Святополку (л. 72об.) с поклоном выходят киевляне. И если про первого говорится просто “и прияша князь свои Кыяне”, то про второго – “и прияша и с радостью, [и] седе на столе отца своего и строя своего”. В этот же ряд вписывается и третья фиксация номинации *изити с поклономъ*: когда Анна прибывает в Корсунь, к ней навстречу с поклоном выходят корсуняне, которые затем “въведоша ю въ градъ и посадиша ю въ полате” (л. 38).

Что касается номинации *послати с поклоном*, то она используется лишь однажды, когда древляне передают княгине Ольге дань: «Древляне же ради бывшее, и собраша от двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша Ользе с поклономъ. Вольга же рече имъ: “Се оуже есть покорилися мне и моему дяти”» (л. 16об.). Осмелимся предположить, что выражением подчинения была не только дань, но и поклон. Данный эпизод также позволяет утверждать, что поклон мог передаваться “дистанционно” (вероятно, его мог исполнять голец/посланник [13. С. 212–213]). Наконец, фактически дважды кланяются греческие послы, пришедшие к Святославу: «[и] поведаша Святославу, яко придоша Грыци с поклономъ. И рече: “Въведете я семо”. Придоша и поклонишася ему, [и] положиша пред нимъ злато и паволоки» (л. 21об.). Здесь, очевидно, при приветствии не столько признавалась власть Y, сколько выражалось почтение перед ним⁷.

В КПП ситуация иная: во-первых, здесь используется одна номинация – *поклонитися*; во-вторых, приветственный поклон исполняется не только при встрече, но и при прощании; в-третьих, выражает он скорее не социальное, а духовное превосходство Y над X. Святополк завел обыкновение, “егда исхожаше или на рать, или на ловы”, приходиться с благодарением в Киево-Печер-

⁶ В качестве примера составители Словаря приводят, в частности, такую цитату из жития Феодосия Печерского: “И пришедъ къ придбьноуму антонию. Его же видевъ и падъ поклонися емуо съ слезами моляся емуо”. Непосредственное соседство *пасти* и *поклонитися* делает перевод еще более сомнительным.

⁷ Ср. в Ипат.: “Выйдоша из города (Шаруканя. – Д.Г.), и поклонишася княземъ Рускымъ, и вынесоша рыбы и вино” (л. 99об.); “Глебъ же вышедъ из города съ детми и съ дружиною, поклонися Володимеру и молвиша речи о мире” (л. 106). При всем отличии данных отрывков они более или менее вписываются в описанную выше парадигму.

ский монастырь, а перед уходом кланяться на прощанье “всем преподобным отцем” (л. 55). Монах Пимен, напротив, приветствует поклоном “святого”, как подчеркивается в Патерике, Антония при встрече (л. 74об.). Греческих мастеров, отправившихся в монастырь, по дороге призывает к себе “царица Влахерну”, и ей они кланяются дважды – при встрече и прощании (лл. 7об.–8). Казалось бы, речь здесь идет о социальном превосходстве. Но впоследствии выясняется, что в образе царицы грекам явилась Богородица, т.е. снова духовное превосходство оказывается важнее социального.

Почитание Бога/божества. Номинации: *кланяние, кланяться, пасти, покланяться, поклонитися, поклонитися до земли, поклонъ*. Данное значение – самое частотное для наших источников. Поклоны такого рода фигурируют в них 20 раз. Адресатом выступает либо христианский Бог, либо Аллах, либо языческие божества. Ничего конкретного относительно адресанта, помимо того, что это всегда человек/люди, сказать нельзя.

В рамках данного жеста легко выделить по крайней мере два противопоставления. Первое – почитание христианского Бога или нехристианских богов. Примечательно, что номинации в обоих случаях одни и те же. Так, *поклонитися* в ПВЛ описывает не только действия Авраама (30об.), апостолов (35об.) или, скажем, монаха (л. 65), но и действия болгар (л. 37) или жителей Иерусалима, которые поклоняются кумирам (л. 33). Именно *поклонитися* (“Бохъмиту”) призывает князя Владимира мусульманский посол в рассказе о выборе веры (л. 27). Хотя в трех последних случаях летописец и дает явно негативные оценки данным жестам, рассказ послов князя Владимира о том, как болгары поклоняются “въ хрме рекше в ропати”, завершается словами: “Несть добро законъ ихъ” (л. 37)⁸.

Второе противопоставление – почитание Бога или дьявола (бесов). Оно раскрывается в двух эпизодах КПП, повествующих о монахах Никите Затворнике и Исакии Печернике (последний эпизод также содержится в ПВЛ). В обоих случаях адресанты ошибаются, принимая бесов за ангелов и Христа. Никита, поклонившийся бесу “во образе аггела” (л. 34), в дальнейшем (по наущению того же беса) отказывается от молитвы, зато в совершенстве изучает Ветхий завет, “и бысть разумно всем от сего, яко прелщен есть от врага” (л. 34об.). Однако первой стадией “грехопадения” монаха был именно жест. То же самое происходит и с Исакием, но тут патерик дает гораздо более красочное описание “падения”: «Единою же сядяща ему, по обычаю свещу угасившу, внезапно светъ восиа в пещере, яко от солнца, яко зракъ отъимаа человеку. Поидоша два уноши к нему красни, и блистастася лица ею, акы солнце, глаголюща ему: “Исакие, ве есве аггела, се идетъ к тебе Христось со аггелы” [...] И един посреде ихъ сияше, и от лица его луча паче всех. И глаголаста ему: “Исакий, то ти есть Христось, пад, поклонися ему”. Он же, не разумевъ бесовскаго действия, ни памяти прекреститися, выстуя, поклонися, акы Христу, бесовскому действу. Беси же кликнуша и реша: “Наш еси, Исакий”» (л. 77об., ср. ПВЛ, л. 65). Последствия очевидно неправильного исполнения жеста для Исакия становятся весьма тяжелыми. Он несколько лет лежит без движения, и лишь усилия блаженного Феодосия возвращают его к жизни. Когда же к не-

⁸ Ср. также: “И реша имъ (Владимир. – Д.Г.): “Идете первое в Болгары и испытайте первое веру ихъ”. Он же идоша и, пришедше, видеша скверньная дела и кланянье в ропати” (36об.).

му снова приходят бесы и напоминают о содеянном, Исакий, со словами: “Ваш есть старейшина Антихристь”, – отказывается ему поклониться, осознавая, что исполнение жеста будет неправильным. Стоит отметить, что бесы призывают Исакия исполнить не один, а два жеста – *пасти* и *поклонитися*, – которые, впрочем, несут один и тот же смысл.

Молитва. Номинации: *держати поклонъ, кланяние коленьное, кланятися, пасти, пасти на лица, поклонитися, прекланяти колене сердца*. Данное значение теснейшим образом связано с предыдущим, его отличие от почитания Бога/божеств в речевом сопровождении (собственно, молитве, общении с Богом) и глоссах, которые уточняют, что имеется в виду именно молитва. КПП дает нам пример, в котором сочетаются оба эти признака: «Въстав же убо от видения, пад на лица, моляше Богу, глаголя: “Почто, Господи, скрыл еси от мене дела сего человека”» (л. 19об.). Адресант жеста так же размыт, как и в предыдущем случае, что же касается адресата, то он либо называется прямо, либо может быть реконструирован из контекста, причем последнее происходит куда чаще. Так, КПП всего лишь дважды упоминает Бога в качестве адресата молитвы (лл. 19об., 45об.), а ПВЛ этого не делает вовсе.

Точно восстановить “нулевой” У молитвы в ряде случаев невозможно. Так происходит, когда в номинации содержится существительное: “Оустави (Феодосий. – Д.Г.) въ манастири своемъ, како пети пеня манастирьская, и *поклонъ* какъ *держати*, и чтенья почитати, и стоянье в церкви, и весь рядъ церковный” (ПВЛ, л. 54); “Совокупилъ Феодосии такы черныце, яко светила в Руси съяють, ови же на бденье, ови на *кланянье коленьное*, ови на пощенье чресъ день и чресъ два дни” (ПВЛ, л. 63об.; КПП, л. 75об.). Очевидно, что молитвы, о которых здесь идет речь, могли быть адресованы не только Богу, но и Богородице или святым, ведь описывается самый общий порядок. Впрочем, конкретный адресат в данном случае не принципиален.

“Нулевой” У встречается и при чисто глагольной номинации. Так, монах Исакий “единою по обычаю наставшю вечеру · поча кланятися поя псалмы” (ПВЛ, л. 65; КПП, л. 77об.). Учитывая, что Исакий поет псалмы, можно с большой долей уверенности предположить, что адресатом здесь является Бог.

Просьба. Номинации: *кланятися, пасти, пасти на ногу, пасти предъ ногами, поклонитися, поклонитися до земля, припасти к ногама*. Данное значение, опять же, близко к предыдущему, ведь молитва зачастую содержит и просьбу. Именно поэтому мы находим глоссы “моляху игумена” (ПВЛ, л. 63об.)⁹, “моляшеса сохранен быти от таковогоа беда” (КПП, л. 1об.), “с молбою, прося на благословение хрестьца” (КПП, л. 28), “молю ти ся, повели, да паки ляжет на своем месте” (КПП, л. 57–57об.).

Принципиальное отличие от молитвенного поклона в адресате жеста – при данном значении он не сакральный. Впрочем, его превосходство над адресантом более или менее очевидно. В трех случаях из 14 (два в ПВЛ и 12 в КПП) У – это игумен, в двух – конкретно игумен Феодосий, а однажды – константинопольский патриарх. Княгиня Ольга кланяется ему со словами: “Молитвами твоими, владыко, да сохранена буду от сети неприятныхъ” (ПВЛ, л. 17об.). Суть остальных случаев хорошо передана в наставлении епископа Владимира черноризцу Поликарпу: «Речеши же, яко в лице досади предо всеми: не притранъ

⁹ В КПП – “умоляху игумена” (л. 76).

буди, чадо, о том, ни скоро подвигнися на гнев, но, пад, поклонися брату до земля, глаголя: “Прости мя!”» (КПП, л. 15об.–16). Чаще всего в Патерике “просительные” поклоны исполняются, когда адресант хочет получить прощение (семь случаев из 12), причем это тесно связано с выражением его смирения перед адресатом. Об этом свидетельствуют не только отношения X и Y, но и глосса “со смирением” (л. 56), которой сопровождается описание поклона блаженного Марка перед братией Киево-Печерского монастыря.

Почитание сакральных предметов. Номинации: *кланяются, пасти, поклонитися, стоя поклонотися, поклонитися ници на земли*. Как и в случае с почитанием Бога/божества, в данном значении заложено два противопоставления, которые, впрочем, нашли свое отражение исключительно в ПВЛ. Первое – между христианскими сакральными предметами и языческими. Христианскими адресатами данного жеста могут быть: иконы (восемь раз), мощи святых (четыре раза), крест, священные сосуды (по одному разу¹⁰). Что касается языческих предметов, то здесь грань между ними и собственно божествами не вполне четкая. Пересказывая библейскую историю, греческий философ говорит: “Дьяволь в болшее прельщенье верже человеки, и начаша кумиры творити, ови древяны, ови медяны, а друзии мрамаряны, а иные златы и сребрены, [и] кланяхуся [имъ], и привожаху сыны своя и дъщери, и зака[ла]ху прид ними, и бе вся земля осквернена” (л. 30–30об.). Являются ли тут кумиры предметами или воплощениями божеств, не вполне ясно. То же относится и к двум другим эпизодам из библейской истории: о жителях Иерусалима, которые поклонялись голове тельца “аки Богу, ихъже Моисии сече 30 тысящъ” (л. 32), и о людях, которые поклонялись двум золотым головам “а Бога забыша” (л. 33). Очевидно, впрочем, что все эти действия летописец характеризует как греховные.

Однако куда больший интерес представляет второе противопоставление – между православными и католиками. В так называемом “Поучении против латинян”, входящем в состав ПВЛ, говорится: “Не преимаи же оученья от Латынъ, ихъже оученье разъвращено: влезъше бо въ церковь, не поклонятся иконамъ, но стоя поклонитися, и, поклонився и, напишетъ крестъ на земли” (л. 39об.). Невербальное поведение, таким образом, становится признаком, который маркирует представителя чужой культуры (в данном случае – западного варианта христианства)¹¹.

Почтение. Номинации: *пасти предъ ногами, поклонитися, поклонитися до земле/-я*. Это значение в той или иной степени присуще всем рассмотренным выше жестам, что следует главным образом из отношений адресанта и адресата. Почтение составляет семантическое ядро поклонов как таковых. Однако есть девять случаев, когда значение жеста исчерпывается почтением (к духовно или социально более высокому лицу). Именно так обстоит дело, когда волхвы приходят поклониться царю Иудейскому (ПВЛ, л. 34об.), а братья Киево-Печерского монастыря кланяется Антонию после того, как он велит им построить церковь (ПВЛ, л. 53об.) и поставить игуменом Феодосия (л. 54). Лекарь Петр, кланяясь своему господину, смертельно больному князю

¹⁰ Принявший христианство Владимир произносит: “Кланяюся честнымъ иконамъ, кланяюся древу честному и всякому кресту, святымъ мощемъ и святымъ [съ]судомъ” (ПВЛ, л. 39).

¹¹ Ср. актуальный и сегодня феномен “идеологических/религиозных жестовых барьеров” [14. Р. 264], который также отразился в описании молитвенных жестов болгар (см. выше).

Святоше, тоже выражает преимущественно почтение, смешанное с горечью: “Увы мне, господине мой, и добродетелю мои, и драгыи мои животе” (КПП, л. 27). Греческие мастера кланяются Влахернской царице не только при встрече и прощании (см. выше), но и дважды в ходе разговора, обращаясь к ней и сопровождая это словами: “О госпоже царице, в чюжу страну отсылаеши ны, х кому тамо приидем” (л. 7об.) и “О госпоже царице, какво имя церкы” (л. 8). Наконец, вдова-полька, прельщающая Моисея Угурина богатствами, говорит всем своим людям, чтобы они поклонились блаженному: “Се ваш господин, а мои муж” (л. 49).

Однако наибольший интерес представляет эпизод с Исакием Печерником, который поклонился до земли повару (ПВЛ, л. 66; КПП, л. 79). Здесь важен не столько сам жест, сколько реакция на него окружающих: “Единъ же бе поваръ [...] рече, посмихаяся: “Исакыи, оно седит ворнъ чрнъ, иди ими его!” Онъ же, поклонився до земля, шед, ять ворона и принесе ему пред всеми повары. И ужасошася вси, поведаша игумену и братии, и начаша братия чтити его”. Очевидно, исполнение жеста в данном случае “неправильное”, что прекрасно понимают окружающие. Но если у поваров это вызывает ужас, то остальные монахи, напротив, проникаются уважением к Исакию, который проявил такое смирение¹².

Внимание. Номинация: *стати поклонивши главу*. Помимо общего выражения почтения поклон одновременно может свидетельствовать о внимании, с которым адресант слушает адресата. Правда, тому есть только одно подтверждение: когда княгиня Ольга встречается с патриархом Константинопольским и он ведет с ней беседу, “она [...] поклонивши главу стояше, аки губа напаяема, внимающи оученья” (ПВЛ, л. 17об.).

Страх. Номинации: *пасти, пасти ниц(ь), пасти ници на земли + поклонитися, поклонитися*. В данную группу включены жесты, которые сопровождаются следующими глоссами: в ПВЛ – “оужась обиде” (л. 61), в КПП – “съ страхом” (л. 8об.), “ужасешся” (л. 67), “удивишася и ужасни бывшее [...] с трепетом” (л. 69об.), “от страха, мнев, яко видение некое явися” (л. 71). Соответственно, значение не исчерпывается страхом. Это сложный комплекс эмоций жестикулирующего также может включать испуг, изумление и даже восторг¹³.

Жесты эти исключительно спонтанны и исполняются лишь в одной ситуации: неверующему (адресанту) является чудо. Так происходит в КПП, когда святой Антоний рассказывает греческим мастерам, что в образе царицы им явилась Богородица (л. 8об.). Или когда чудесным образом обретаются семь икон, которые были заказаны блаженному Алимпию, но о которых сам он ничего не знал (здесь исполняется уже не один жест, а два¹⁴). Так происходит и в

¹² К данному значению, вероятно, стоит отнести и следующий отрывок из Ипат.: «И рече ангель: “Не бойся, иди путемъ твоимъ къ Иерусалиму, и оузриши ту въ Ерусалими мужа въ бличенье мое, и борзо пади на лица своемъ, и поклонися мужу тому, и все, еже речеть к тебе, створи» (л. 98об.). Здесь, кстати, используется уникальная для ПВЛ номинация *пасти на лица своемъ*.

¹³ См. статьи “страхъ”, “трепетъ”, “удивитися”, “ужась”, “ужась” в [15], а также статьи “страхъ”, “трепетъ”, “оудивлятися”, “оужась” в [16].

¹⁴ “Яже видевшя (иконы. – Д.Г.), вси удивившася и ужасни бывше, с трепетом (в некоторых списках вариант “страхом”. – Д.Г.) ници на земли падоша, поклонившися нерукотворенному образу Господа нашего Исуса Христа, и его пречистыа Матере, и святых его” (л. 69об.).

ПВЛ. Митрополит Георгий “бе нетвердъ верою” в святость князя Бориса. Но когда мощи святого принесли в церковь и “отверзоша раку, исполнися блгоуханья церкы, воне благы”, “митрополита оужасть обиде [...] и падъ ниць просяше прощенья” (л. 61). Здесь к страху добавляется просьба о прощении, которая сопровождается тем же жестом.

В группу жестов, которую можно объединить в класс *поцелуев*, мы включили пять номинаций из ПВЛ¹⁵ и три номинации из Киево-Печерского патерика¹⁶. Всего рассматривается 34 словоупотребления, которые в ПВЛ и КПП не пересекаются.

Обращение к словарям дает весьма широкий спектр значений для интересующих нас номинаций. Так, для глаголов *целовати/цоловати* [15] приводит семь значений: ‘приветствовать; благодарить, выражать благодарность; целовать, лобызать; целовать священные предметы, прикладываться; целовать крест, икону в подтверждение клятвы; преклоняться; чтить, поклоняться’. Для глагола *целоватися* – всего два: ‘приветствовать друг друга; целовать друг друга’¹⁷. Для глаголов *лобъзати* и *лобызати* [15] дает два значения – ‘приветствовать поцелуем, целовать; обнимать’, а вот [12] – лишь одно, ‘целоваться’. Наши источники не фиксируют всех словарных значений данных номинаций, однако позволяют выявить один весьма важный нюанс в их употреблении, который, как мы постараемся показать ниже, ускользнул от лексикографов.

Приветствие. Номинации: *целовати, целоватися*. Как и приветственный поклон, приветственный поцелуй может исполняться не только в знак встречи, но и в знак прощания. Именно в последнем значении он единственный раз фигурирует в КПП: монах Прохор, “дав тому (князю Святополку. – Д.Г.) благославение и прощение и целова[въ] вся суцаа со князем [...] предаст духъ” (л. 55)¹⁸. Два случая упоминания в ПВЛ номинации *целоватися* иллюстрируют оба варианта: Всеволод “приде к брату своему Изяславу Киеву, целовашеся и седоста” (л. 67), а после Любечского съезда все собравшиеся на нем князья “целовавшесе поидоша в своя си” (л. 87). Номинация *целовати* фигурирует при встрече героев ПВЛ пять раз, при прощании – четыре раза. Однажды приветствие передается дистанционно: когда послы византийского императора приносят Святославу в дар “мечь и ино оружье”, он “приимъ и нача хвалити, и любити, и целова царя” (л. 22).

Принципиальное отличие приветственных поцелуев от поклонов – в характере отношений между X и Y. Наличие двух номинаций – возвратного и невозвратного глаголов – позволяет выдвинуть гипотезу о том, что они находятся в

¹⁵ Лобъзати – л. 39об.; целование креста – 56об.; целовати – 20, 22, 38, 39об. (3), 58, 61, 61об., 62об. (2), 63, 87об., 91, 93об., 95; целовати крестъ – 56об., 58, 73, 76об., 87, 87об., 89, 90об. (2); целоватися – 67, 87.

¹⁶ Лобызати – л. 50об.; целовати – 55, 71об., 72об; целовати [икону] – 13.

¹⁷ Более современные словари пока не дошли до буквы “ц”. Так, [12] содержит лишь статью “поцеловати”, в которой дается одно значение: ‘Приветствовать в знак встречи или прощания’.

¹⁸ Впрочем, еще один случай можно трактовать как своего рода поцелуй при встрече: когда ангелы постригают в монахи Пимена, “все бо по ряду створиша, якоже есть писано, таче и в скиму постригоша его, и облъкше его в скиму, и в манатю, и в укуоль, и все, еже певше, еже великаго образа управив, устроившее того и целовавшесе, Пумина того именовавше” (л. 72–72об.). Этот ритуал, вероятно, восходит к обрядам ранних христиан, у которых поцелуй был, помимо прочего, знаком инициации неофитов [17. Р. 12–50].

более или менее равных отношениях. Применительно к *целоватися* это подтверждается полностью: целуются между собой исключительно князья. Да и сама частица *ся* свидетельствует, что данный жест – симметричен, т.е. у него два жестикулирующих и оба одновременно являются и адресантами, и адресатами¹⁹.

С номинацией *целовати* ситуация сложнее. Лишь в одном случае очевидно социальное превосходство X над Y: отправляясь в Корсунь замуж за князя Владимира, Анна целует “оужики своя” (л. 38). В трех случаях монах целует братию, но это – преподобный Феодосий, который превосходит остальных в духовном плане, что подчеркивается летописью. По одному разу монах (Прохор) целует “вся сущаа с князем” (КПП, л. 55) и братия – князя (ПВЛ, л. 95). Но в последнем случае Святополк приходит в монастырь как духовно более слабый человек, его цель – поклониться мощам Феодосия. Во всех перечисленных случаях социальное/духовное превосходство X над Y вполне явно. Тем более примечательно, что действие совершает именно он.

Существенную группу составляют приветственные поцелуи родственников: в четырех случаях русские князья целуют друг друга, в одном – Святослав целует при встрече “матерь свою и дети своя” (ПВЛ, л. 20). Но куда больший интерес представляет единственный случай, когда князь (Святослав) целует византийского императора (вернее, передает ему поцелуй). Адресантом здесь выступает именно Святослав. Можно предположить, что так он (или, скорее, летописец) косвенно показывает превосходство над императором (особенно учитывая, что византийцы всеми силами пытаются откупиться от набега Святослава).

Клятва. Номинации: *целованье крста, целовати [икону], целовати крсть*. Нас интересует не столько сама клятва, получившая сравнительно широкое освещение в литературе [18], сколько жест, ее сопровождавший [19]. Очевидно, что на иконе/кресте клясться могли только христиане. Но не всякая христианская клятва сопровождалась *крестоцелованием*²⁰.

Целование иконы как клятва встречается лишь однажды – в Патерике, где и объясняется ограниченное распространение жеста. Монах Иван оставил на попечение другу Сергию наследство своего сына Захарии, но Сергей решил присвоить все себе, а Захарию сказал, что отец раздал имущество. Когда же юноша попросил его поклясться, Сергей “отвеща, кленыйся, яко не взях 1000 гривен сребра ни 100 гривен злата; и хотел целовати, и не възможе приближитися ко иконе. [...] И оттоле не дадят клятися святою Богородицею никому” (л. 13). Примечательно, что адресант клялся на иконе, но не иконой, а тем, что она символизировала – Богородицей. Именно Дева Мария, не допустившая несправедливой клятвы, была адресатом жеста.

Номинация *целовати крсть* распространена гораздо шире – она 12 раз встречается в ПВЛ. Она может сопровождать заключение мирного догово-

¹⁹ Ср. в Ипат.: “И вѣста Володимеръ и Святополкъ, и целовастася, и поидоста на Половце”; «Князи же наши възложише надежу свою на Бога и рекоша: “Оубо смерть намъ зде, да станемъ крепко”. И целовашася другъ друга» (л. 99об.). В последнем случае князья прощаются друг с другом “заранее”, накануне битвы.

²⁰ Договор Игоря с греками 945 г.: “Мы же (греки. – Д.Г.), елико насъ хрестлиси есмы, кляхомъся церквю свягата Илье въ сборней церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ, и хартью сею, хранити все, еже есть написано на ней” (л. 13об.)

ра²¹ или просто обещание, которое скрепляется крестоцеловальной клятвой²². Крест на первый взгляд представляется элементом означающего, т.е. внешним выражением жеста, а X и Y – это люди, которые заключают договор (во всех 11 случаях – князя²³). Об этом, в частности, свидетельствуют три варианта управления данной номинации: X *целуеть крѣсть* (к) Y; *целуеть крѣсть с Y*; X и Y *целують крѣсть межи собою* (третий вариант подтверждает равенство адресанта и адресата).

Рассмотрим, однако, речевое сопровождение крестоцеловальной клятвы. ПВЛ дает два его варианта – “пространный” и “краткий”. Первый произносится на Любечском съезде, когда русские князья клянутся в том, что “отселе имемся въ едино срдце, и блюдем Рускые земли; кождо да держить отчину свою”: «“Да аще кто отселе на кого будеть, то на того будем вси и крѣсть честный”. Рекоша вси: “Да будет наш [хрѣсть чстный] и вся земля Русьская”» (л. 87). Второй, “краткий”, звучит из уст Василька. Он отправляется к Святополку с Давыдом и напоминает своему отроку, который отговаривает его от поездки: «Оно мне целовавшѣ крѣсть рекуще: “Аще кто на кого будеть, то на того будет крѣсть и мы вси”» (л. 87об.). Крест является адресатом клятвы наряду с князьями, ее нарушение – “преступление креста”: “Он же (Всеслав. – Д.Г.) надеявсья целованьи креста, и приехавъ в лодьи чересь Днепръ, Изяславу же в шатерьъ предъидущую, и тако яша Всеслава на Рши оу Смолиньска и преступивше крѣсть” (л. 56об.).

Получается, крест в качестве адресата даже важнее людей, с которыми заключена клятва, и причина, вероятно, кроется в его сакральной природе. Именно к кресту апеллирует Всеслав, которого, нарушив крестоцеловальную клятву, пленил Изяслав: “О кресте четный, понеже к тебе веровахъ, избави мя от рва сего” (л. 58). Сам же летописец в этом эпизоде дает такое объяснение нашествию половцев и вокняжению Всеслава в Киеве: “Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ целовавъ крѣсть, и я и, темже наведе Богъ поганья, сего же яве избави крѣсть честный [...] Богъ же показа силу крестную [на] показанье земле Русьстей, да не преступають честнаго креста, целовавшѣ его” (л. 58).

Почитание сакральных предметов. Номинация: *целовати*. Данное значение связано с предыдущим, однако встречается в наших источниках реже – всего один раз в КПП и шесть раз в ПВЛ. Объектом почитания, т.е. адресатом жеста, могут быть: икона (КПП, л. 71об.), святые мощи (ПВЛ, л. 61) и крест (ПВЛ, л. 39об. (3), 58, 91)²⁴. Именно в последнем случае поцелуй принципиален для культурной идентификации: “Напишетъ крѣсть на земли и *целуеть*, въставъ прость, станеть на немъ нагами, да легъ *целуеть*, а въставъ попира-

²¹ Первый раз фиксируется Ипат.: “Цесарь же Леонъ съ Олександромъ миръ створиста съ Ольгом, имъшеса по дань и роте заходивше межи собою, целовавшѣ сами крѣсть, а Ольга водиша и мужи его на роту по Рускому закону” (л. 12об.). Владимир и Святополк заключают такие договоры дважды, о чем свидетельствуют глоссы “оуладившеса” (л. 73) и “миръ створше” (л. 89).

²² Так, Изяслав, Святослав и Всеволод обещают Всеславу: “Приди к намъ яко не створишь ти зла” (л. 56об.), а Святополк “обещася” Давыду выпустить того из Пинска (л. 90об.).

²³ Единственное исключение – мирный договор между Львом, Александром и Олегом, который скрепили крестоцеловальной клятвой императоры (см. выше).

²⁴ Ср. также в Ипат.: “А в неделю поидоша (русские князья. – Д.Г.) в ноже хрѣсть целуютъ и приидоша на Псль, и оттуди сташа на реце Голте. Ту пождаша и вои, и оттудо идоша Върьскала. Ту же завътра въ среду хрѣсть целоваша и възложиша всю свою надежу на хрѣсть со многими слезами” (л. 99об.).

еть. Сего бо апостоли не предаша, предали бо суть апостоли крестъ поставленъ *целовать*” (л. 39об.). Как и поклон, поцелуй маркирует “чужого”. Действия латинян признаются совершенно недопустимыми, противоречащими апостольским заповедям.

Сексуальный поцелуй. Номинации: *лобъзати, лобызати*. Каждая из этих номинаций встречается всего по одному разу – в КПП и ПВЛ соответственно. Словари переводят эти глаголы просто: “целовать”, не делая никаких уточнений относительно природы этого поцелуя (см. выше). Но данные наших источников позволяют предположить, что речь идет о сексуально коннотированном жесте, который при этом воспринимается как греховный и адресатом, и автором источника, который этот жест описывает.

Патерик не оставляет в этом никаких сомнений: “Жена же, взявши на немъ (Моисее Угрине, попавшем в польский плен. – Д.Г.) власть болшую, без срама влечашеть и на *грех*. Единою повеле его положити съ собою, *лобызающи* и обьимающи, не може ни сею лестью на свою похоть привлечь” (л. 50об.). В ПВЛ греховная природа лобзания не настолько эксплицитна, но тоже более или менее очевидна. После описания того, как латиняне целуют нарисованный на земле крест, идет такое рассуждение: “Аще ли по сихъ (латинян. – Д.Г.) разуму земля есть мати, то почто плюете на матерь свою, да семо ю *лобъзаете* и паки *оскверняете*” (л. 39об.). То есть, когда речь идет о благочестивом, пусть и неправильно исполненном жесте – целовании креста, – используется номинация *целовати*. Когда же дело доходит до открытого обвинения латинян в непочтении к кресту, сравнение с осквернении “матери”, используется номинация *лобызати*.

Почему же из 35 случаев, когда наши источники описывают поцелуи, только в двух фигурируют номинации *лобъзати/лобызати*? И только в этих двух случаях речь идет о греховных жестах? Не исключено, что греховный, эротически коннотированный поцелуй отделяется от благочестивого на уровне лексики²⁵. Такое деление характерно для Средневековья в целом [21]. Но если на Западе соотносению двух принципиально различных категорий жестов – “богдохновенных” *gestus* и “дьявольских” *gesticulatio* – было отрелфлексировано, то в Древней Руси – нет. Тем важнее обнаружить его следы на уровне древнерусской лексики. Впрочем, пока они весьма неоднозначны²⁶, тема, безусловно, требует дальнейшего рассмотрения.

²⁵ Это, в принципе, подтверждают и данными этимологии. Так, *целовать* (ц.-сл. *целовати*), как и *целый*, происходит от “исцеления”, праслав. **сѣль*, родственного др.-прусск. *kailüstiskan* “здоровье”, но при этом может быть калькой лат. *salutare, salvē* “приветствовать”. А *лобзати* (ст.-слав. *лобъзати, лобызати*), вероятно, родственно лат. *lambō, -ere* “лизу, облизываю” [20].

²⁶ Если судить по тем данным, которые приводит [12], картина сложнее. С одной стороны, *лобъзание* действительно означает сексуально коннотированный, греховный жест. Ср.: “Красны жены лобзания блюдиши, яко змина еда злаго” (“Пчела” к. XIV в., л. 93об.). Именно “лобзанием” называется Иудин поцелуй в Студийско-Алексиевском уставе: “Не повемъ бо врагомъ твоимъ танинства ни лобъзание ти дамъ яко же Июда” (Устав студийский церковный и монастырский, к. XII – н. XIII в., л. 32). С другой стороны, не меньше примеров и того, что *лобъзание* – жест вполне благочестивый. Ср.: “И обьимъ иконоу свягата Николоу. обема роукама своима. лобызая глаголаше” (“Златоструй” и отрывок торжественника XII в., л. 72б). При этом между “целованием” и “лобзанием” может фактически не быть разницы, порой они стоят в одном риторическом ряду: “Помнимъ оубо сия глаголы присно, святаго целования, трепетнаго лобъзания, еже другъ къ другу сплетаеть оумы наша” (Пандекты Никона Черногорца, XIV в., л. 182–183).

Анализ всего двух классов жестов, поклонов и поцелуев, зафиксированных всего в двух источниках, ПВЛ и КПП, позволил выявить весьма широкий семантический спектр. Тщательная каталогизация этих значений позволит не только тоньше понять нюансы употребления различных древнерусских жестов и различать их, но и получить более полное представление о быте и культуре Древней Руси в целом. Ведь жесты, как я постарался показать в данной статье, выступали важнейшими маркерами при социальном взаимодействии, а также при культурной/религиозной идентификации древнерусского человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Schmitt J.-C.* La raison de gestes dans l'Occident medieval. Paris, 1990.
2. *Schubert M.J.* Zur Theorie des Gebarens im Mittelalter. Böhlau, Verlag, Köln, Wien, 1991.
3. *Успенский Б.А.* Крестное знамение и сакральное пространство: Почему православные крестятся справа налево, а католики – слева направо? М., 2004.
4. *Клаутова О.Ю.* Жест в древнерусской литературе и иконописи XI–XIII вв. К постановке вопроса // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. XLVIII.
5. *Thomas K.* Introduction // A Cultural History of Gesture: From Antiquity to the Present Day / Bremmer J., Roodenburg H. New York, 1991.
6. Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. I.: Лаврентьевская летопись. 2-е изд. / Е.Ф. Карский. Вып. 1: Повесть временных лет [Репринт. изд.: М., 2001].
7. Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. II.: Ипатьевская летопись 2-е изд. / А.А. Шахматов [Репринт. изд.: М., 2001].
8. Древнерусские патерики. Киево-печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подг. Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников. М., 1999.
9. *Артамонов Ю.А.* Проблема реконструкции древнейшего Жития Антония Печерского // Средневековая Русь. М., 2001. Вып. 3.
10. *Шахматов А.А.* Житие Антония и Печерская летопись // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Март.
11. *Zons F.B.* Von der Auffassung der Gebarde in der mhd. Epik. Diss. Münster, 1933.
12. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–2004. Т. IV, VI, VII.
13. *Гиппиус А.А.* К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте. М., 2004. Т. XI.
14. *Morris D., Collett P., Marsh P., O'Shaughnessy M.* Gestures: Their Origins and Distribution. New York, 1979.
15. *Срезневский И.И.* Материалы к словарю древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. I–III.
16. *Седакова О.М.* Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. М., 2005.
17. *Perella N.J.* The Kiss Sacred and Profane // Interpretive History of Kiss Symbolism and Related Religio-Erotic Themes. Berkley, Los Angeles, 1969.
18. *Стефанович П.С.* Клятва по русско-византийским договорам X в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 год. М., 2006.
19. *Стефанович П.С.* Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5.
20. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. М., 1986.
21. *Schmitt J.-C.* The rational of gestures in the West: 3rd to 13th centuries // A Cultural History of Gesture. New York, 1991.

© 2008 г. А. ЗЕЛЕНКОВА

ШТЕФАН КРЧМЕРИ И СЛОВАЦКАЯ ТЕОРИЯ СТИХА В ЧЕШСКО-СЛОВАЦКОМ КОНТЕКСТЕ XX века

Словацкий критик, историк и теоретик литературы, поэт и деятель культуры Штефан Крчмери (1882–1955) – одна из самых разносторонних личностей в словацкой культурной жизни, чья роль аналогична, например, роли Ф.Кс. Шальды в чешском литературном контексте. Жизни и творчеству этого человека уже было посвящено множество научных конференций и трудов, в которых обстоятельно рассмотрен его вклад в словацкую литературную критику, историю, эстетику, философию и искусство перевода (например, [1]). В первой половине XX в. он заметно повлиял на историю словацкой литературы, главным образом подчеркивая ее автономность и эстетические функции¹. Однако, к сожалению, до сих пор мало внимания обращалось на теоретические исследования Ш. Крчмери стиха и ритмики, изучение им вопросов метрики в словацкой поэзии (см. [4]). Хотя до наших дней и не была создана комплексная монография о жизни и творчестве Ш. Крчмери, его труды были изданы в 1953–1973 гг. в шести томах под названием “Избранное”. Последний том, “Статьи и исследования по эстетике и поэтике” (Братислава, 1973), а также сборник “Эстетические рефлексии” (Братислава, 1975) включали стиховедческие работы, написанные в начале 1930-х годов и опубликованные в основном в “Slovenské pohľady” [5–7]. Крчмери защищал в них стихотворную технику штуровской поэзии, которая исходила из романтической эстетики и ее фольклорной основы. Он опирался здесь на теоретические взгляды поэта Т. Милкина и полемизировал с научной школой историка литературы Я. Влчека и его учеников, которые видели вершину словацкой поэзии в книжном стихе П.О. Гвездослава, отказываясь признать художественную ценность штуровской поэзии. Для Крчмери речь шла также об эстетической реабилитации просодических принципов штуровского силлабического стиха; он исходил из того факта, что словесное ударение в

Зеленкова Анна – канд. филол. наук, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чешской Республики (Прага).

Статья написана в рамках проекта “Взаимность – невзаимность. Исследование чешско-словацких литературных связей”. Проект поддержан грантом Академии наук Чешской Республики.

¹ По случаю 110-й годовщины со дня рождения Ш. Крчмери Клуб независимых писателей 15 ноября 2002 г. и Институт словацкой литературы САН 2 декабря 2002 г. провели в Братиславе посвященные ему семинары. Доклады были опубликованы в сборнике [2] и частично в журнале “Slovenská literatúra” [3. С. 4].

книжной и фольклорной словацкой поэзии достаточно слабо, и единицей синтаксиса и метра становятся, главным образом, факторы членения предложения, т.е. больший акцент делается на слове, нежели на стопности в рамках метрического строения. Как организующий принцип штуровского стиха он выдвинул его синтаксически-семантическую структуру, но, с другой стороны, связывал возникновение ритма с равномерным распределением ударных и безударных слогов, т.е. “тяжелых” и “легких” долей стиха². Из этих исследований видно, что он занимался проблематикой штуровской просодии как одним из основных вопросов словацкой истории литературы.

В данный контекст мы можем включить до сих пор не известную и не опубликованную стиховедческую работу Крчмери “Возможности чехословацкой просодии”, которая была написана в 1935 г. и тематически завершает его исследования просодической проблематики штуровского стиха и метрических вопросов поэзии. В рукописи приведена дата “20.10.1935”; сразу по окончании работы Крчмери в начале ноября послал ее на отзыв известному чешскому историку литературы А. Пражаку (1880–1956) с просьбой об издании. Поэтому рукопись осталась в архиве семьи А. Пражака и впоследствии не была отдана ни в Литературный архив Памятников национальной словесности в Праге, ни в Словацкую национальную библиотеку в Мартине (тогдашней “Матицы словацкой”). В рукописи Крчмери стремится по-новому определить просодические принципы словацкого стиха, прежде всего в рамках общего чешско-словацкого контекста. Уже из посвящения Й. Добровскому видна сильная привязанность исследователя к чешской литературе; в тексте отражено также развитие противоречивого отношения Крчмери к А. Пражаку, которое менялось от сдержанного отрицания к стремлению к толерантности, взаимному признанию и пониманию.

В опубликованных работах исследователя – “Просодия штуровских поэтов” (1931) [5] и “Мелодика фразы и ударение в словацком языке” (1932) [6] заметна полемика с тезисом о том, что штуровцы “не чувствовали” словесного ударения и потому не использовали его как основу стихотворного ритма. Крчмери говорит о создании больших и малых “ритмических волн”, которыми могут быть и строфы, разделяющиеся на полустрофы, двустишия, отдельные стихи и фразовые такты, отделенные друг от друга цезурой. Малые ритмические “волны” приблизительно соответствуют стопам, а большие ритмические куски в виде силлабико-синтаксических тактов (они и становятся, в отличие от стоп, основной единицей стиха) организуют его ритмообразующую функцию. Согласно Крчмери, ударение дает “волну” целому слову [9. S. 224]. “Волнение” как ритмическая основа на разных уровнях проникает во всю структуру каждого художественного произведения, в поэзии влияет на звучание наименьшей просодической единицы стиха и делает возможным смысловое пульсирование поэтических идей; таким образом, метр в целом подчиняется синтаксису, а фразовая мелодика подчиняет себе “слабое” словесное ударение, и это господство создается либо утратой словесного ударения, либо его сдвигом в строении предложения. Крчмери в своей оригинальной теории исходил, кроме прочего, из структурной эстетики Пражского лингвистического кружка, из взглядов Я. Мукаржовского и Р. Якобсона. Мукаржовский в работе «“Возвышенность природы” Полака» считал, что словацкое словесное ударение по сравнению с чешским

² О полемике Крчмери, касающейся ударной и неударной просодии штуровцев, информирует М. Бакош [8]. Мы опираемся на эту оценку.

языком слабее, а вместе с тем слабее и граница между словами. Это ведет к более выраженному объединению ритмических отрезков в “речевые такты” с одним доминирующим ударением [10. S. 122]. Мы можем добавить, что исследователь, который хорошо знал о достижениях чешской и словацкой экспериментальной фонетики (Б. Гала, Й. Хлумский и др.) [11] и структуралистической фонологии (Р. Якобсон), был знаком с тем, что функциональное использование количества гласных не имеет в словацком языке такой важной роли, как в чешском. Поэтому словацкий инстинктивно стремится к многосложным стопам и фразовым тактам, а интонация здесь связана в основном со строением предложения [12. S. 18–19]. Крчмери также находился под влиянием работы Р. Якобсона “Из фонологии литературного словацкого языка” [13], в которой анализировался так называемый ритмический закон, а количественная слабость словацких гласных объяснялась различием фонологической системы чешского и словацкого языков, главным образом специфическим значением словацкого количества гласных как различительной особенности слогаобразующих звуков [13. S. 159].

Якобсон, в свою очередь, оценивал проведенный Крчмери анализ словацкой версификации и говорил о поэте как о первопроходце в области интерпретации штуровской лирики [14]. Якобсон подчеркивал, что Крчмери понимал штуровский стих как изосиллабические синтаксические единицы, в которых проявляется тенденция к правильному членению на два фразовых такта, обладающих устойчивым числом слогов и фразовым (синтаксическим) ударением на первом слоге. По Якобсону, тезисы Крчмери ценны тем, что в них было открыто действительное расположение ударения в словацких фразовых тактах и подчеркнуты связи между ритмикой словацких романтиков и патриотической народной песней. Теоретические принципы просодии у Крчмери повлияли и на его собственное поэтическое творчество [15. S. 46–47]. Упор на ритмическую организацию поэзии, который отразился на ритмической и формальной полиморфности стиха Крчмери, проявился в рапсодичности выразительных средств и драматическом развитии поэтического образа (см. [16]).

Стихотворные тексты автора метрически, строфически, а также жанрово и тематически разнородны – от субъективной, эротической и медитативной лирики через национально-патриотическую эпiku до композиционного и идейного воссоздания штуровской балладности, исходящей из поэтики народной словесности (например, в поэтическом сборнике “Песни и баллады”, 1930). В своем творчестве Крчмери использовал и такие средства фольклорного стиха, как перечисление, диалог, повторы и строфический параллелизм. Хотя он и не придерживался строго разделения изосиллабических полустихов, отделенных синтаксической паузой, но интонационно стремился воссоздать штуровский ритм, который возникал из расстановки фразовых ударений. Тем самым Крчмери развивал поэтику Словацкой Модерны и своей эвфонической звукописью стиха и игривостью фантазии перекидывал связующий мостик к словацкой послевоенной поэзии.

Из-за рукописной формы, а также из-за ухудшения состояния здоровья автора в течение 1930-х годов, работа Крчмери “Возможности чехословацкой просодии” не могла непосредственно участвовать в тогдашних спорах о характере и достижениях штуровской версификации; несмотря на это, она осталась ценным свидетельством взглядов автора на просодию. Понятие “чехословацкий” у национально ориентированного историка литературы не означает идейного сближе-

ния с чехословакистской концепцией единой чешской и словацкой литературы у Пражака. Речь идет, главным образом, о том, как теоретически обосновать возможности словацкой просодии в рамках более широкого, общего чешско-словацкого контекста; в то же время автор хочет способствовать возвращению молодого словацкого поэтического поколения, которое после 1918 г. “заигрывало” со свободным стихом и нетрадиционными поэтическими формами, к метрической упорядоченности, к более точному соблюдению тонического стихосложения. Крчмери приводит в своем тексте множество примеров из чешской литературы, пишет о взаимных импульсах и общих исходных позициях, на которых исторически выросли словацкий и чешский стих.

Крчмери на рубеже 1920–1930-х годов принадлежал к известным, европейски образованным личностям, которые свободно ориентировались в чешской и словацкой культурной среде и обращались к нескольким художественным областям: его творчество повлияло на поэтический, прозаический, критический и научный контекст чешско-словацких культурных отношений. Крчмери путешествовал и преподавал в Чехии и Словакии, вступал в полемику, переводил славянские и неславянские литературные произведения, редактировал известный журнал “Slovenské pohľady”, который с его помощью стал интеллектуальным арбитром словацкой культуры, высказывавшимся по вопросам национального наследия, по поводу персоналий словацкой и мировой словесности. В эссе “Александр Сергеевич Пушкин” [17], написанном к столетней годовщине смерти русского писателя, Крчмери анализировал пушкинский поэтический стиль и обрисовал также основные контуры резонанса Пушкина в Словакии. Крчмери, несмотря на народные мотивы сказок, считал стиль поэта аристократически русским, высшее достижение видел в “Цыганах” и особенно в “Полтаве” – “вершине русского художественного слова” [17. S. 125]. На его основе сформировалась онегинская строфа, которую ученый формально ставит выше байроновских стансов (октавы). Обрисовывая восприятие Пушкина молодым поколением словацких романтиков, Крчмери выделяет Карола Кузмани и еще более – Андрея Сладковича, которого называет “продолжателем пушкинского творчества в славянстве” [17. S. 125]. Тогда как в венгерской среде писатели (включая Петефи) Пушкина, по существу, не знали, “пушкинский дух” в Центральной Европе воздействовал прежде всего на западных славян “Евгением Онегиным”. Доказательством служат чешские и словацкие переводы этого произведения уже в XIX в.

Крчмери встречался с ведущими деятелями культуры и политиками своего времени. Президент Т.Г. Масарик часто обращался к нему как к советчику в вопросах словацкой культурной жизни. Крчмери посещал Масарика с середины 1920-х годов, главным образом во время каникулярных визитов президента в Топольчанки. На этих собраниях Крчмери информировал его об актуальных проблемах в чешско-словацких отношениях. Масарик интересовался молодой словацкой литературой и художественной деятельностью “давистов”, а также обостренными отношениями между братиславским философским факультетом Университета Коменского как “чехословакистским центром” и “Матицей Словацкой” как его “идейным противником”. В своей работе “Т.Г. Масарик и словаки” [18] Крчмери анализировал психологический портрет Масарика, отмечая при этом его дипломатическую способность уравнивать крайние тенденции пражского чехословакизма и словацкого автономизма. Крчмери оценивал и то, что Масарик внес свой вклад в урегулирование взаимоотношений чешской и

словацкой интеллигенции, стремясь их “привести к органичной гармонии” [18. S. 184]. Он подробно рассматривал и интерес Масарика к словацкому языку и словацкой культурной и политической жизни, сложное отношение к “гласистам” и “мартинскому” крылу, главным образом к С.Г. Ваянскому, расхождение которого с Масариком он считал недоразумением между двумя выдающимися личностями, которые не сошлись во взглядах на русскую культуру. Тогда как Ваянский был страстным славянофилом, у Масарика критическое отношение к царской России исключало этот регион, несмотря на определенное восхищение, из духовных демократических традиций Западной Европы.

До сих пор не известная и не опубликованная переписка Крчмери с Т.Г. Масариком и президентской канцелярией 1925–1935 гг. указывает на многообразие взаимных контактов. Крчмери обращался к президенту как секретарь “Матицы словацкой” с различными просьбами, вспоминал о личных встречах, подытоживал отношение Масарика к Словакии.

В начале 1930-х годов обостряется конфликт, а затем и расхождение Крчмери с руководством “Матицы Словацкой”, что 14 ноября 1932 г. привело к решению комитета “Матицы Словацкой” из-за ухудшающегося состояния здоровья (душевная болезнь) дать Крчмери шестимесячный отпуск и освободить его от должности редактора “Slovenské pohľady”. В Архиве Канцелярии президента республики в Праге к письмам и телеграммам Крчмери прилагались комментирующие аннотации, которые сотрудники канцелярии писали для президента. Например, здесь обнаруживается рекомендация не вмешиваться в спор “Матицы Словацкой” с Крчмери, жаловавшегося на нарушение конституционной свободы слова, выразившееся в конфискации 10-го номера журнала. В январе 1933 г. сделана запись о совещании Канцелярии президента республики в Праге, из которого следует, что, по предложению дочери Алисы, Масарик предоставил Крчмери стипендию на четыре месяца для научной работы и лечения в Женеве, чтобы он мог оправиться от сильного невроза, к которому привели напряженные отношения в “Матице Словацкой”.

Интересное свидетельство о пребывании Крчмери в Женеве привел в своих воспоминаниях чешский компаративист и романист В. Черны, который был в ту пору доцентом женевского Института славянских исследований. Крчмери, благодаря Алисе Масариковой уехавший на лечение в Швейцарию вместе с женой Гелой, установил связь с женевским университетом (см. [19]). Крчмери, вероятно, знал работу Черного “Идейные корни современного романтизма” с подзаголовком “Бергсон и идеология современного романтизма” (Прага, 1929), где автор анализировал значение интуитивистской метафизики Бергсона с ее романтическими корнями, что влияло на новые поэтические направления. Черны понимал эстетическое как “чувствуемую гармонию” [20. S. 112] и свободу творческой самореализации, что отвечало и восторженному отношению Крчмери к романтическому штуровскому индивидуализму и выраженному титанизму. Оба исследователя, несмотря на различие в специальности, были методологически близки своим интуитивным, “прочувствованным” подходом к литературному тексту, эссеистическим стилем и акцентом на психологическое понимание. Их объединяло и отношение к русской и французской культуре, а также интерес к литературной критике, которая распространяла теоретические положения на современное искусство и программную эстетику. 9 мая 1933 г. Крчмери в рамках чехословацкой секции сделал доклад “La sensualité rythmée, chapitre d'esthétique littéraire” (“Ритмическая сенсуальность, глава историко-литературная”).

Согласно комментарию В. Черного, Крчмери находил сущность поэзии в “чувственном восприятии, биологически и психически ритмизированном” [21. S. 249]. Как явствует из библиографии Крчмери, исследователь в начале 1930-х годов занимался прежде всего размышлениями о смысле поэзии в связи с ее просодико-ритмическим характером.

Мы констатировали, что генезис работы “Возможности чехословацкой просодии” (рукопись) стал результатом долговременного интереса Крчмери к словацкой версификации. Автор посвятил ее основателю чешского и словацкого тонического стихосложения Й. Добровскому, поскольку в 1935 г. исполнилось 140 лет со дня выхода его “*Böhmische Prosodie*” (“Чешская просодия”). Крчмери отметил, что написание работы его “спровоцировал” молодой словацкий историк литературы Р. Бртань; есть здесь интересное упоминание и о встрече в Мартине с чешским структуралистом Р. Якобсоном, который якобы обратил его внимание на значение поэтического творчества Андрея Сладковича и на его русские инспирации (см. [22. S. 33–35]). Сладкович исходил в строфической и рифмообразующей организации прежде всего из пушкинского “Евгения Онегина”, которого он детально знал. Крчмери упрекал Сладковича в метрическом колебании между ямбом и дактило-хореической тенденцией, т.е. в “ошибках” по отношению к словесному ритму и правильному распределению ударений. Крчмери в своей рукописи, где он проводит тезис, что “каждый настоящий язык обладает настоящей имманентной эстетикой” (цит. по [23]), сравнивает чешскую и словацкую языковые системы, указывая на их аналогичные просодические принципы в ритмических структурах стиха. По его мнению, на общей основе в словацкой и чешской литературе возникли “три этажа, прочно связанные друг с другом” (цит. по [23]), которые отделены 1918 г.: до этой даты в обеих литературах протекал возрожденческо-романтический период, сменившийся наступлением реалистического поколения. Крчмери считал, что западную культуру словаки восприняли при посредничестве именно чехов, причем окно в немецкую литературу чехам и словакам открыл чешский деятель литературного возрождения Й. Юнгман. Помимо просодической реформы Добровского, Крчмери выделил в Словакии метрическую просодию Я. Голлого, который был “настоящим Гомером великоморавским” (цит. по [23]). В более поздней книге “Сто пятьдесят лет словацкой литературы. Т. I” (1943) Крчмери высоко оценил просодическую реформу Добровского, которая подчеркнула динамическое ударение на первом слоге и поддержала стопность стиха и ритмическую правильность слогов, что привело к достижению “внутренней упорядоченности стиха” [24. S. 32]. В создании ритма участвовали не только рифма и фразовая мелодика, но, главным образом, правильное чередование тяжелых и легких долей в обеих частях предложения, которое равномерно разделено цезурой. По принципам Добровского писали в основном чешские “пухмайеровцы” (А.Я. Пухмайер, братья Тамы, Ш. Гневковский и др.), а из словаков – Ю. Палкович и Б. Таблиц, которому Крчмери приписывал решающее значение в практике тонической просодии в словацкой поэзии.

Крчмери образно сравнил тоническую просодию с великолепным архитектурным устройством дворца, прочный просодический первый этаж которого создали “пухмайеровское” поколение и Б. Таблиц, верхнюю часть этажа достроила дружина Коллара, а на втором этаже находятся А. Сладкович вместе с К.Г. Махой. Крылья дворца украсили Я. Ботто, К.Я. Эрбен и Ф.Л. Челаковский. Чешские “маевцы” В. Галек и Я. Неруда уже представляют собой прямую связь

со следующим, третьим этажом, в основе которого оказался С. Чех, а опирались на него великие мастера реализма Я. Врхлицкий и П.О. Гвездослав. В центре сооружения еще стоит С.Г. Ваянский, но над всеми в куполе “царит” О. Бржезина, “чье совершенство... тонического стиха как будто и не предполагало новых целей” [24. S. 38] благодаря глубине выражения и мелодичности. Именно стих Бржезины воплощает для Крчмери наилучшую ритмическую традицию, в которой “не становится решающим, находится ли долгота на ударном или безударном месте, но стопа в ней обычно нуждается, чтобы ударения во времени договняли друг друга” [24. S. 38]. Далее Крчмери говорит о просодических поисках представителей самого молодого поэтического поколения (например Э.Б. Лукача), которые в своем творчестве чаще всего комбинировали нестопный ямб с дактило-хореическими вариантами. Исследователь в связи с этим констатировал, что силлабо-тоническая система остается основой словацкой поэзии, хотя становится в известной степени свободнее метрически. Ее ослабленная стопность была возмещена интонационно-синтаксическим членением, что упорядочило ритмический характер стиха. Из этого вытекало и внутреннее членение стихотворной структуры, непостоянное число слогов и исключение абсолютной рифмы. Хотя Крчмери и допускал в творчестве младшего поколения поэтов ритмическое видоизменение зачина стиха в строфическом построении, он все же возвращался к основам версификации у представителей реалистического поколения, к Ваянскому и Врхлицкому, с их использованием нестопного ямба, который можно легко заменить хореем с вариацией анакрузы.

Работа Крчмери “Возможности чехословацкой просодии” отражает характерные черты историко-литературного подхода ее автора, который исходит из эстетики А. Бергсона и Б. Кроче (см. [25]) и причисляет себя к литературоведению антипозитивистской ориентации в межвоенный период (см. [26]). Метод автора при создании текста характеризуют метафорическая ассоциативность и взволнованная лиричность эссеистского стиля, который колеблется между научным и художественным выражением, между аналитическим изложением и наглядной ощутимостью. Важно здесь и отношение к национальной традиции и ценностям исторической преемственности. Крчмери, который соединяет интуицию с точной терминологией, был знаком с современными методологиями, особенно в чешском структурализме, из которого часто цитируются Р. Якобсон, Ф. Вольман и стиховедческие работы Я. Мукаржовского. Словацкий структурализм развивался с середины 1930-х годов в контексте многонациональности и мультикультурности братиславского интеллектуального сообщества, и это сделало возможным переплетение разных художественных и культурных элементов, например его близкую связь со словацким надреализмом. А. Попович в своей монографии “Структурализм в словацкой науке. 1931–1949” (Мартин, 1970) пишет, что словацкий структурализм, который нельзя трактовать лишь как проекцию чешского, не был в 1930-х годах единственной современной рациональной моделью изучения литературы. Широкая антипозитивистская платформа не имела формы “чистой” методологии, а скорее специфически соединяла различнейшие позиции, взгляды и реакции, которые опирались на русский формализм, венский неопозитивизм и эссеистскую литературную критику шальдовского типа.

Крчмери, тесно связанный со словацкой средой Мартина (к тому же в 1930-е годы болезнь отрывала его от систематической литературно-критической работы), стоял как будто бы вне этих идейных течений. Их объединяли не-

согласие с традиционной методологией, стремление “создать основы современной словацкой науки” (см. [27. S. 21]). Поэтому Крчмери в своих рецензиях и исследованиях, посвященных словацкой поэзии, много места отводил формальной стороне, прежде всего ритмико-звуковому анализу стиха. Например, в его оценке “давистов”, к которым он относился сдержанно и противоречиво, можно различить более поздние черты надреалистической поэтики и эстетики: акцент на поэтическом воображении, связь сна и яви, нереального и реального; близким было для Крчмери и социальное видение действительности, соединение экспериментального чувства “чистой красоты” и звукописи с усиленным восприятием противоречивости поэтической реальности. Автор в середине 1930-х годов интуитивно искал более современную форму истории литературы, которая формировалась в Словакии именно в этот период как оппозиция к традиционной, позитивистски ориентированной культурно-исторической школе Я. Влчека и особенно А. Пражака (см. [28. S. 3, 5]). Стиховедческие интерпретации Я. Мукаржовского, который в 1931–1937 гг. преподавал в Университете Коменского и поддерживал тесные личные контакты с М. Бакошем, в словацком контексте были известны в основном в среде представителей молодого научного и поэтического поколения, связанного с движением надреалистов и так называемым Братиславским синтезом. Очевидно, что Крчмери не принимал структурализм как единую философскую и методологическую систему, но исходил из некоторых его трактовок поэтики, теории поэзии и стиховедения, и ему было близко структурное понимание Jakobsonом и Мукаржовским ритма как доминирующей материальной составляющей поэтического произведения.

Работы Крчмери не являются только научными эссе, но производят впечатление специфического коллажа, в котором плоскость лирического комментария чередуется с документальными, аналитическими вставками (см. [29. S. 133–138]). Автор оживляет свое изложение чувственными конкретизациями, неожиданными аналогиями, контрастами и ассоциациями, которые добавляют тексту сильную эстетическую действенность, но в то же время ослабляют его исторический ракурс. “Возможности чехословацкой просодии” отражают и анализируют стиховедческие концепции и взгляды словацких лингвистов и литературоведов на фоне тенденций развития европейской поэзии. Мы можем считать ее в целом принципиальным вкладом в изучение современной словацкой поэтики, ценным свидетельством воззрений того времени на характер версификации словацкой поэзии. Одновременно этот текст середины 1930-х годов точнее определяет линию развития словацкой поэзии в более широком чешско-словацком литературном контексте. Он также заставляет задуматься вообще о силлабо-тонической системе как таковой, о характеристике ритма, мелодики и просодических принципов современной словацкой поэзии.

Пер. с чешского Н.В. Шведовой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Biografické štúdie V. Zborník príspevkov, spomienok a materiálov o Štefanovi Krčmérym. Martin, 1974; Biografické štúdie 21. Zborník príspevkov z vedeckej konferencie o Štefanovi Krčmérym. Martin, 1994.
2. Biografické štúdie 29 / Ed. A. Mat'ovčík. Martin, 2003.
3. Slovenská literatúra. 2003. № 50.
4. Bakoš M. Vývin slovenského verša od školy Štúrovej. 4. vyd. Bratislava, 1968; Kochol V. Krčméryho verš // Kochol V. Verš a preklad verša. Bratislava, 1997; Štraus F. Základy exaktnej

- analýzy verša // Štraus F. Základy slovenskej verzológie. Bratislava, 2003; Števček J. Krčméryho estetika // Števček J. Estetika a literatúra. Bratislava, 1977.
5. Krčméry Š. Prozódia štúrovských básnikov // Slovenské pohľady. 1931. № 47.
 6. Krčméry Š. Melódia vety a prízvuk v slovenčine // Slovenské pohľady. 1932. № 48.
 7. Krčméry Š. Prielom štúrovských básnikov do spisovnej slovenčiny pod zorným uhlom Chalupkového prielomu z roku 1832 // Slovenské pohľady. 1932. № 48; Krčméry Š. Anarchia v maďarskej prozódii // Slovenské pohľady. 1932. № 48; Krčméry Š. Veršová forma "Maríny" a "Detvana" // Slovenské pohľady. 1928. № 44; Krčméry Š. Prozodická poznámka // Slovenské smery. 1933–1934. № 1; Krčméry Š. Prozodický odkaz Andreja Sládkoviča // Slovenské smery. 1933–1934. № 1.
 8. Bakoš M. Vývin slovenského versa od školy Štúrovej. 4. vyd. Bratislava, 1968.
 9. Krčméry Š. Kapitola o deklamácii // Krčméry Š. Články a úvahy z estetiky a poetiky. Bratislava, 1973.
 10. Mukařovský J. Polákova "Vznešenost přírody" // Mukařovský J. Kapitoly z české poetiky. 2. vyd. Praha, 1948.
 11. Hala B. Základy spisovné výslovnosti slovenské a srovnání s výslovností českou. Praha, 1929; Chlumský J. Česká kvantita, melodie a přízvuk. Praha, 1928.
 12. Krčméry Š. Úvod do dejín slovenskej literatúry najmä poézie // Krčméry Š. Dejiny literatúry slovenskej 1. Bratislava, 1976.
 13. Jakobson R. Z fonologie spisovné slovenštiny // Slovenská miscellanea. Sborník věnovaný univ. prof. dr. Albertu Pražákovi k třicátému výročí jeho literární činnosti / Ed. J. Jirásek a F. Tichý. Bratislava, 1931.
 14. Jakobson R. Neue čechoslovakische Arbeiten über die poetische Form (1929–1931) // Slavische Rundschau. 1931. № 3.
 15. Krčméry Š. Eine Frage der slovakischen Prosodie // Slavische Rundschau. 1934. № 6.
 16. Kochol V. Krčméryho verš // Kochol V. Verš a preklad verša. Bratislava, 1997; Bagin A. Poézia Štefana Krčméryho // Bagin A. Literatúra v premenách času. Bratislava, 1978; Chorváth M. Poézia Štefana Krčméryho // Cestami literatúry. Bratislava, 1960. Zv. I; Brezina J. Básnický profil Štefana Krčméryho // Slovenska literatúra. 1962. № 1.
 17. Krčméry S. Alexander Sergejevič Puškin. Storočnica smrti jeho // Slovenské smery. 1936–1937. № 4.
 18. Krčméry Š. T.G. Masaryk a Slováci // Slovenské pohľady. 1930. № 3.
 19. Horáková-Gašpariková A. Z lánskeho deníku. 1929–1937. Praha, 1997; Krčméryová H. Puknuté husle. Spomienky na Štefana Krčméryho. Bratislava, 1967.
 20. Černý V. Tvorba a osobnosť I. Praha, 1993.
 21. Černý V. Paměti (1921–1938). Brno, 1994.
 22. Krčméry Š. Prozodický odkaz Andreja Sládkoviča // Slovenské smery. 1933–1934. № 1.
 23. Zelenková A. Slovenská prozódia a verzifikácia v rukopise Š. Krčméryho (1935). Bratislava, 2006.
 24. Krčméry Š. Stopät' desiat rokov slovenskej literatúry. Martin, 1943. Zv. I.
 25. Števček J. Povaha a význam Krčméryho Dejín // Krčméry Š. Dejiny literatúry slovenskej. Bratislava, 1976. Zv. II; Kusý I. Literárny historik Štefan Krčméry // Slovenská literatúra. 1973. № 20; Matuška A. Krčméry a európska estetika // Slovenská literatúra. 1973. № 20; Petko V. K estetickým názorom Štefana Krčméryho // Estetika. 1968. № 5.
 26. Ďurišin D. Deduktívne postupy Štefana Krčméryho // Ďurišin D. Dejiny slovenskej literárnej komparistiky. II. Príspevok k vývinu slovenskej literárnej vedy. Bratislava, 1979; Marčok V. Štefan Krčméry ako literárny historik vo svetle antipozitivistického prelomu // Biografické štúdie 29. Martin, 2003.
 27. Popovič A. Štrukturalizmus v slovenskej vede. 1931–1949. Martin, 1970.
 28. Štraus F. Štrukturalizmus v slovenskej literárnej vede // Literárny týždenník. 1991. № 4.
 29. Miko F. Sila kontextu a sila subjektu u Krčméryho // Biografické štúdie Zv. V. Zborník príspevkov, spomienok a materiálov o Štefanovi Krčmérym. Martin, 1974.

© 2008 г. З. РУДНИК-КАРВАТОВА*

СМЯГЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ В ПОЛЬСКИХ МАССМЕДИА (словообразовательные инновации конца XX века)

Стремительные изменения, происходящие в польском языке после 1989 г., выявили разные позиции носителей языка (в том числе лингвистов) по отношению к тому языку, которым они пользуются¹. Если проанализировать эти позиции, то на одном полюсе можно поместить пуристическую позицию в разных ее вариантах, а на противоположном полюсе – языковую индифферентность. Либеральная позиция предполагает толерантное отношение к языку, особенно к языковым инновациям. Именно с этой позицией связано понятие смягчения нормы. *Смягчение* я понимаю в том смысле, как его определяет один из лучших новых словарей польского языка, “*Inny słownik języka polskiego*”, а именно: “Если какие-то нормы, предписания, санкции или мнения смягчаются, это значит, что они становятся менее строгими и категоричными” [2. Т. II. S. 1352].

Перейду сразу к примерам смягчения нормы, причем речь будет идти, главным образом, о словообразовательных нормах.

В середине 1990-х годов в польских масс-медиа появилось выражение *spec-komisja*, которое получило стремительное распространение и стало импульсом для образования целой серии аналогичных структур. В русском языке эта словообразовательная структура хорошо известна и активна, она традиционно определяется как сложносокращенные слова². Для польского языка этот словообразовательный тип не был характерен. В социалистическое время были попытки перенести этот тип словообразования, характерный для русского языка, на польскую почву (например, иногда в прессе мелькали такие слова, как *litredakcja*, *partkomisja*, *politbiuro* и т.п.), однако они не увенчались успехом, и такие слова ощущались как идеологически окрашенные и отвергались носителями

Рудник-Карватова Зофья – доктор филологии, сотрудник Института славистики Польской академии наук (Варшава).

* Благодарю Светлану Толстую за ценные замечания по тексту статьи.

¹ Типологию этих позиций в более широких хронологических рамках предложил недавно в одном из разделов своей книги А. Марковский [1. S. 126–140].

² Термин не является удачным, так как характер функционирования резко отличает сочетания с первой сокращенной и второй полной частью от сложных слов (существительных). Рассматривая этот тип образований, А.А. Реформатский назвал их “мнимыми сложными словами” [3]. Идею эту поддержал и развивал М.В. Панов [4; 5]. В течение последних двадцати лет в связи с активизацией такого типа сложных номинаций в современном русском языке некоторые исследователи пытаются подтвердить правильность мнения о лингвистическом статусе этого типа номинаций, высказанного более сорока лет тому назад обоими лингвистами (см. [6. С. 58–59 и др.; 7]).

языка не только из-за их идеологических коннотаций, но и потому, что они противоречили самой системе польского языка³. Именно на это указывали авторитетные польские лингвисты, например Х. Саткевич [8. S. 98].

Сегодня ситуация изменилась, и уже лишь немногие языковеды, такие, как, например, Я. Медек [9. S. 66], К. Сициньская [10. S. 145], категорически высказываются против модели *spec Komisja* (так называемых сложносокращенных слов с первым компонентом *spec-*). Вопрос об акцептации этих структур считает открытым Х. Ядацкая [11. S. 105–106]. Объективная оценка возможна только на основе многостороннего анализа новой тенденции и ее последствий (результатов), способствующих развитию языка или нарушающих гармоничное строение системы.

Те слова данного типа, которые прежде употреблялись в польском как кальки с русского и заимствования из русского, сохранили свои идеологические коннотации и функционируют в сознании носителей польского языка как советизмы (например *spec szpital*, *specposiólki*, *speczadania* и т.п.). Многие из них использовались в советской действительности как эвфемизмы, камуфлирующие антигуманность и патологию коммунистической системы и деятельность обслуживающего ее идеологического аппарата [12. С. 392–393]. Ср. примеры из польской прессы: *Robiłam ten film trzy lata ... Niełatwo było wejść z kamerą do dawnych spec szpitali, dziś będących pilnie strzeżonymi szpitalami psychiatrycznymi ... Najpierw przyjeżdżałam sama, długo rozmawialiśmy... Ciagle bez kamery. Pojawiała się ona dopiero, gdy czułam, że wybrany psychiatra jest gotów przed nią wystąpić. Bywało niebezpiecznie – trzeba pamiętać, że sowieckie spec szpitale nie podlegały Ministerstwu Zdrowia, ale Ministerstwu Spraw Wewnętrznych, zatem ci, którzy stawiali diagnozy, bardziej byli ludźmi w mundurach niż w fartuchach* (“Rzeczpospolita”. 5. 10. 2001; интервью с режиссером); *To były najgorsze wakacje w życiu Edwarda Gierka. Od początku przyjazdu do spec daczcy na Krymie wyglądał na zdenerwowanego. Ciagle dzwonił do Polski, co nie uszło uwagi opiekunów krymskich, którzy zameldowali o tym, komu trzeba* (“Życie”. 2000. № 188; цит. по: [13. S. 178]).

Однако в середине 1990-х годов в польских массмедиа появляется компактная группа слов с определяющим членом *spec-*, которые имеют терминологический характер и относятся к важной области новой польской политической действительности, например: *specagent*, *specgrupa*, *spec Komisja*, *spec służby*, *spec zespol*; *spec łączność*, *specraport*, *specuprawnienia*, *specustawa* и т.п. Они нейтральны идеологически, что легко объясняется. В демократической стране действия уполномоченных органов, выполняющих особые задания по обеспечению безопасности государства, права и справедливости, вызывают положительную оценку. В русском языке, который является структурным источником (образцом) этих образований, в начале 1990-х годов они лишились своей идеологической окраски: так, *спецслужбы* и *спецагент*, ассоциировавшиеся в прошлом с разведывательной деятельностью за рубежом, теперь обозначают политические и военные организации в своей стране, в России. Ср.: *Наша страна находилась на подъеме, и, разумеется, империалистическим кругам это не по нутру. Западные спецслужбы пытаются активизировать свою враждебную деятельность* (“Правда”, 1. 03. 1986; цит. по: [14. С. 606]); *Открывая собрание, началь-*

³ Особый статус получило образование *socrealizm* (рус. *соцреализм*), прочно вошедшее в мировой лексикон как термин, обозначающий направление в литературе, архитектуре и искусстве в коммунистических странах. Кроме него, в нормативных словарях польского языка не зарегистрировано ни одного слова этого типа.

ник УФСБ Виктор Черкесов отметил, что нынешний юбилей *спецслужбы* – первый после указа президента о ежегодном праздновании Дня работников органов безопасности (“Смена”. 29. 12. 1997: цит. по: [14. С. 606]).

До середины 1990-х годов в польском языке существовало составное обозначение *komisja specjalna*, оно было известно, но употреблялось сравнительно редко. Появление сокращенного обозначения *speckomisja*, образованного от *komisja specjalna* (и его базового *sejmowa komisja specjalna*⁴), было вызвано потребностями коммуникации, заинтересованностью общества в деятельности комиссий – и особенно в деятельности парламентских комиссий по расследованию. Создателями этого слова стали журналисты и политики, а пропагандистами – массмедиа, которым необходима экономность, краткость и выразительность. И сразу частота этого сложносокращенного слова резко возросла: оно встречается не только в заголовках, но и в текстах (информационных и публицистических) в газетах, журналах и на телевидении (в том числе в анонсах тем выпусков новостей).

С момента появления слова *speckomisja* и других терминологизированных обозначений этого типа данная словообразовательная модель активизируется – повышается частота употребления и возникают новые образования в рамках этой модели. Модель становится продуктивной: появляются окказионализмы – ср., например, термины из области экономики – *speckalkulacja*, *specstrefa* или шутивное название мероприятия (концерта) *Spec Zabawa* и т.д. Возникают (сугубо на польской почве) аналогичные образования типа *speclustrator*, *speclustracja*, *specsędzia*, *specsprawa* и т.д. Контексты, в которых они выступают, показывают, что их создатели хотели выразить пейоративную оценку или экспрессивно-ироническое отношение к институту лustrации и покаяния как инструменту “очищения” общественной жизни. Например: *Zaświadczenie lustracyjne wydaje tu w oparciu o posiadaną dokumentację Ministerstwo Spraw Wewnętrznych i jeśli obywatel uważa je za nieprawdziwe, może skarżyć MSW przed sądem powszechnym (nie ma żadnego speclustratora, zbioru bezpieczniackich teczek nie uznano za panteon narodowej pamięci)* (“Polityka”. 21. 11. 1998); *Sędziowie – jak twierdzą – nie są lustracji przeciwni. Nie chcą jednak uczestniczyć w procedurze niejasnej, źle zdefiniowanej. Brak zwłaszcza jasnych kryteriów, co miałyby znaczyć określenie “współpraca ze służbami specjalnymi”. Sędziowie obawiają się również czteroletniej nieobecności w macierzystej placówce. Wrócą potem do sądów i do społeczności w miejscu zamieszkania postrzegani jako specsędziowie od specspraw.* (“Polityka”. 1998. № 3; цит. по: [13. S. 179]). Такие примеры, безусловно, показатель активизации модели и ее усвоения польским языком. Это нашло отражение и в словаре [2], где приводится статья *speckomisja* с пометой “nieco potoczne” (слегка разговорное), т.е. слово квалифицируется фактически как нормативное, но стилистически окрашенное [2. II. S. 642]. Определение можно считать дискуссионным, но несомненно, что норма уже “смягчается” и готова принять эту модель.

Надо объяснить, что сама модель с препозицией определения чужда польскому языку: как известно, в польском языке, в отличие от русского, относительное определение ставится после определяемого: если по-русски говорится *специальная комиссия*, то по-польски – *komisja specjalna*. Таким образом, в рассматриваемых сложносокращенных словах нарушается правило постпозиции определения, характерное для польского языка, не говоря уже о том, что в

⁴ Согласно норме, в польских составных образованиях два относительных определения не могут выступать рядом: одно из них по отношению к определяемому находится в препозиции, второе – в постпозиции.

польском вообще отсутствовали сложные слова с усеченным первым членом (оканчивающимся на согласный).

Вопрос о позиции относительного определения и определяемого шире, чем это представлено в статье, и касается также структур с первым членом, оканчивающихся на гласный, типа *biopaliwo*, *eurokompromis*, *wideopirat*. Образования данного типа, огромный рост активности которых отмечается с конца 80-х годов XX в., строятся по регулярной в прошлом в польском языке (и вообще в европейских языках) модели, создающей сложные структуры с членами (морфемами) греческого и латинского происхождения. Несомненно, фактором, поддерживающим активность структур, определяющий член которых оканчивается на гласный, является внешнее, формальное сходство с традиционными сложными словами: конечное *o* первого члена имитирует интерфиксальную морфему, используемую при образовании композитов, т.е. сложных слов, типичных для славянских языков (см. подробнее об этом в [15]). Такие структуры, часто состоящие из двух (очень редко – трех) “классических” членов прочно вошли в научную и техническую терминологию, например *biocenometr*, *geobotanika*, *neurochirurgia*, *socjopatologia* и многие другие. В условиях расширения международных контактов (прежде всего с США) в течение последних 20–30 лет наблюдается “вторая волна” активизации образований типа *eurokompromis*, *wideopirat*, использующая интернациональные элементы (греческого и латинского происхождения). Эти “неоклассические” образования не ограничиваются терминологией, они выходят за рамки специальной лексики и распространяются по различным типам и сферам коммуникации, употребляются в официальной и неофициальной коммуникации, в области публицистики, политики, торговли, рекламы, молодежной музыки и вообще массовой культуры и т.п. Часто это хлесткие окказионализмы, ср. слова, произнесенные одним из депутатов и стремительно распространившиеся в массмедиа: “Moralnie wygraliśmy. Cała marność, podłość, nikczemność i obłuda duetu Kalisz-Kwaśniewski została zdemaskowana. **Porno minister** Kalisz pasuje do **porno prezydenta**. Mamy sojusz dwóch **porno grubasów**”⁵ – tak skomentował głosowanie nad prezydenckim wetem w sprawie poropografii poseł ZChN Stefan Niesiołowski (“Polityka”. 20. 05. 2000). В приведенном примере выявляется коммуникативная интенция говорящего: во что бы то ни стало дискредитировать, осмеять действия президента и одного из министров. Ожидаемый автором экспрессивный эффект достигается благодаря столкновению аксиологически маркированного понятия *porno* с понятиями, относящимися к самым высоким должностям в государстве: *prezydent*, *minister* (ср. *pornoklient*, *pornowydawca*). Разговорная экспрессивность подчеркивается образованием *porno grubasy*, ощущаемым в некоторых коммуникативных ситуациях как чуждое “вкусу” польского языка.

В рассматриваемой модели сложносокращенных образований только часть имеет сложносоставные аналоги. В случае их конкуренции с составным выражением наблюдается предпочтительность составных образований, в которых определяющий член имеет статус самостоятельного слова (т.е. получает его и в польском языке), ср., например, *aktor porno* (реже, главным образом в текстах

⁵ В прессе наблюдалось тогда колебание правописания такого типа выражений, ср. в заголовке статьи слитное написание *Pornozakaz* (“Gazeta Wyborcza”. 17. 01. 2000). Сегодня орфография стабильна: Po drugiej stronie opozycja: Stefan Niesiołowski (PO) i Ryszard Kalisz (SLD). Niegdyś ten pierwszy nazwał drugiego “pornogrubasem” (“Gazeta Wyborcza”. 18–19. 02. 2006).

переводов с английского, употребляется *pornoaktor*), *sprzet wideo* (редко встречается в объявлениях в прессе, в витринах магазинов, в инструкциях по обслуживанию видеотехники: *wideosprzet*), *radio stereo (stereoradio)*, *wejście audio (audio-wejście)* и т.п. Особенно ярко обнаруживается это в контекстах, в которых по соседству выступают образования с первым членом, оканчивающимся на согласный, например: *Hola, panie prezydencie, panie premierze i wielcy mogołowie. Jakim prawem te rozwydrzone gnojki zarabiają 9000 zł miesięcznie, zmieniają poglądy i partię jak aktorzy porno swych sekspartnerów i wciskają wszystkim, że troszczą się o dobro ogółu?* (“Metro”. 16–18. 04. 2004; фельетон). Редко отмечаются примеры обратного порядка, т.е. предпочтение конденсированных образований, например *wideofilmowanie (*filmowanie wideo, но допустимо, хотя “неэкономно” – robienie filmów wideo)*, закрепленное в речи лиц, занимающихся видеофильмами (в анонсах, объявлениях). Более подробно рассматриваются эти образования в статьях [15; 16].

Вернемся к образованиям с первым членом (определением), оканчивающимся на согласный, которые являются предметом данной статьи. Несмотря на некоторое структурное сходство с вышеупомянутыми образованиями, первый член которых – определение – оканчивается на гласный, целесообразно рассматривать их отдельно. В этом убеждает их история и характер функционирования в современном польском языке.

В истории польского языка рассматриваемые образования с первым членом, оканчивающимся на согласный, занимали особое место. Они заимствовались из немецкого и калькировались с него, распространяясь, главным образом, в торговле, ремесле, строительстве и других областях, связанных с жизнью горожан. С течением времени многие из них лексикализировались (ср. образования с лексикализированным вторым членом *-mistrz: tancmistrz, baletmistrz, zegarmistrz*), часть заменилась собственными непроизводными или производными словами (ср. кальку *bormaszyna*, которую заменило производное *wiertarka* от *wiercić*) либо составными образованиями (ср. *szyberdach* и вытесняющее его сегодня образование *dach odsuwany*). Остальные не выходят за рамки технической терминологии, будучи нередко непонятными для носителей польского языка (например *rolsztanca, sztanczygiel*). Чуждость модели используется в текстах, настроенных на экспрессивность, как, например, *tancluba, sznapsbaryton*. Эта словообразовательная модель ощущалась как чуждая польскому языку. Обстановка не изменилась, когда с начала XX в. стали появляться в польском языке заимствования из английского (до войны отмечалось небольшое количество конденсированных составных образований, относящихся, прежде всего, к специальной лексике, например *sparringpartner, jachtklub* и т.п.).

Только в последнее время (после 1989 г.) лавинообразно появились в массовой медиа подобные конструкции по образцу английского языка с первым членом *seks-, cyber-, biznes-* и т.п. Такие структуры, образованные уже на польской почве, очень активны. Большой продуктивностью отличается серия образований с членом *seks-*, в чем повинны СМИ, пропагандирующие массовую культуру с ее эротизацией. Сначала появились заимствования из английского и кальки типа *sexsymbol* → *sekssymbol*, *cyberspace* → *cyberprzestrzeń*, *business plan* → *businessplan* и т.п. и кальки, а потом эта модель стала продуктивной на польской почве, и возникли многочисленные аналогичные образования, и их число постоянно растет. Например, серия типа *cyberkawiarnia* (род интернет-кафе), *cyberrandka* (рандеву), распространившаяся в интернете, насчитывает уже, по моим наблюдениям, несколько десятков слов (см. также [17]). Таким образом, во всех случа-

ях действует один и тот же словообразовательный механизм: сначала адаптация иноязычных слов с препозицией определения, затем их применение к материалу польской лексики аналогическим путем.

Смягчение языковой нормы проявляется в изменении иерархии критериев нормативности. Ослабевают роль традиции в системе критериев и так называемый национальный критерий, которые в прошлом были очень важными: норма допускает и нарушение системных правил языка (в данном случае правила постпозиции определения и словообразовательных правил), и усвоение чужих моделей (английского и русского языков) особенно в условиях расширения международных контактов. Вместе с тем повышается роль экономичности и аналитизм языковых выражений.

Экономичность, экспрессивность, клишированность и стандартизованность моделей особенно присущи массмедиа, которые в современном мире считаются четвертой властью и в последнее время играют исключительно важную роль в формировании языкового узуса и языковых норм. Прежние языковые авторитеты (такие, как школа, театр, литература) снизили свою роль, а влияние массмедиа стало очень значительным в связи с господством массовой культуры. Журналисты и политики, редакторы и ведущие программ телевидения, которые часто отличаются пассивностью по отношению к языку или используют языковые средства с интерактивной интенцией – содействовать вкусам невзыскательных читателей и телезрителей, становятся авторитетами и законодателями языковых норм.

Возникает вопрос, может ли ослабление роли критерия традиции в системе критериев словообразовательных норм нарушить гармоничное развитие языка или, наоборот, создаст новые возможности его развития. Пока еще рано давать объективную оценку этого явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Markowski A.* Kultura języka polskiego. Teoria. Zagadnienia leksykalne. Warszawa, 2005.
2. *Inny słownik języka polskiego.* Warszawa, 2000. Т. I–II.
3. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М., 1960.
4. *Панов М.В.* О частях речи в русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1960. № 4.
5. *Панов М.В.* Об аналитических прилагательных // Фонетика, фонология, грамматика. М., 1971.
6. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М., 1992.
7. *Голанова Е.И.* О “мнимых сложных словах” (развитие класса аналитических прилагательных в современном русском языке) // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской. М., 1998.
8. *Satkiewicz H.* Słownictwo // *Butler D., Kurkowska H., Satkiewicz H.* Kultura języka polskiego. Warszawa, 1973.
9. *Miodek J.* Jaka jesteś, polszczyzno? Wrocław, 2000.
10. *Frycie S., Jurkowski M., Sicińska K.* Kultura języka polskiego. Warszawa, 2005.
11. *Jadacka H.* Kultura języka polskiego. Fleksja, słownictwo, składnia. Warszawa, 2006.
12. *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
13. *Nowe słownictwo polskie.* Materiały z prasy lat 1993–2000. Kraków, 2004. Cz. I.
14. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. СПб., 1998.
15. *Rudnik-Karwatowa Z.* O najnowszych tendencjach w słownictwie słowiańskim (na przykładzie języka polskiego i rosyjskiego) // Procesy innowacyjne w językach słowiańskich. Warszawa, 2003.
16. *Земская Е.А., Ермакова О.П., Рудник-Карват З.* Активные процессы в словообразовании славянских языков (на материале русского и польского языков) // Славянское языковедение. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998.
17. *Ochmann D.* Złożenia z cyber- we współczesnym języku polskim // *Język Polski.* 2000. T. LXXX. Z. 1–2.

© 2008 г. В. Я. ПЕТРУХИН, Е. В. КАМЕНЕЦКАЯ

ПРУССИЯ И РУСЬ: СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МИФ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Имя страны Пруссия давно оторвалось от имени истребленного в Средние века балтского народа пруссов: об этом свидетельствуют термины “прусак” и “пруссачество”, сохраняющие в русской традиции старое пейоративное отношение к “немцам”. Работы В.Н. Топорова по воссозданию балтского прусского языка и культуры можно считать уникальным опытом по восстановлению исторической справедливости в отношении исчезнувшего народа (см. [1]).

В Средние века земля Пруссии оказалась в сфере интересов становящегося Польского (затем и Литовского) государства, что приводило к многочисленным конфликтам; вместе с тем стремление определить место пруссов в картине мира заставляло средневековых книжников обратиться к архетипическому античному периоду римских завоеваний, приписав начало государственных традиций в Прибалтике эпохе галльских войн Цезаря. Польские средневековые хронисты, а за ними и Петр из Дусбурга, немецкий автор “Хроники земли Прусской” (глава 7 – см. недавнее издание: [2]), писали о войнах, которые вел Цезарь с поляками (лехитами) и пруссами, о конфликте пруссов с некими шведами (под которыми современные историки, напрямую воспринимающие данные средневековой книжности, готовы видеть народ *готов*, в первые века н.э. проходивший на юг через бассейн Вислы) и т.д. вплоть до начала исторической войны с крестоносцами.

Эти историографические схемы были подхвачены русской средневековой историографией XVI в. не только в отношении к “эпическому” прошлому – римской и готской эпохам. В официальном средневековом “Сказании о князьях владимирских” (начало XVI в.) Рюрик, варяжский основатель русской династии правителей, сохранявшей власть до конца XVI столетия, объявлялся потомком Августа через Пруса, помещался в Пруссию, оттуда его призывает в Новгород легендарный Гостомысл (см. издание текстов: [3; 4]).

Предполагают (ср. [5; 6. С. 58 и сл.]), что возведение варяжских князей к “немцам” и Прусу относится к краткому времени сближения Московской Руси с Орденом при Василии III (договор 1517 г. с “прусским магистром” – ср. [7.

Петрухин Владимир Яковлевич – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Каменецкая Елена Викторовна – канд. ист. наук, зав. кафедрой Института гуманитарного образования.

С. 25]). А.Л. Гольдберг [5. С. 208] заметил, что предметом переговоров было возвращение магистру городов, которые отошли Ягеллонам по Торуньскому миру 1466 г.: то были “Гданеск, Торунь, Марборок, Хвойница”. В “Сказании о князьях владимирских” Август наделяет своего сродника Пруса городами на Висле: “Марборок, и Турн (Торунь), и Хвоини (Хвойница), и пресловы Гданеск, и ины многи грады по реку, впадшую в море” [4. С. 282].

Позднесредневековые основания подобных конструкций, равно как и “Сказания о князьях владимирских” с возведением Рюрика к Прусу и т.п., были продемонстрированы уже историками XVIII в., начиная с В.Н. Татищева, показавшего, что “в старых крониках сего, чтоб род Рюриков от прусов и от цесарей римских пошел, нет” и предположившего заимствование легенды из литовской традиции [8. С. 291]; еще Герберштейн относил эти конструкции к “бахвальству” русских властей. Тем парадоксальнее выглядит попытка современных историографов – эпигонов любителя русской истории С.А. Гедеонова, представить вслед за ним эту конструкцию в инвертированном виде: якобы варяжская легенда начальной летописи восходит к прусской легенде, а не наоборот (см. вводную статью В.В. Фомина к переизданию [9. С. 27]) – лишь бы варягов можно было объявить балтийскими славянами. Дело доходит до прямых мистификаций. Так, Ипатьевской летописи приписывается фраза, повествующая о неких сербских князьях “съ кашуб, от помория Варязскаго, от Стараго града за Кгданьском” [9. С. 142]. Ничего подобного в Ипатьевской летописи нет, да и упоминание побережья Варязского моря не дает никаких оснований считать лужицких сербов или кашубов варягами. Реально археологические следы поморских славян в северо-западных регионах Руси появляются не ранее X века.

Показательно, что историческая роль Пруссии в начальной истории Руси вновь актуализируется в середине XVIII в., когда снова конфликтной оказывается ситуация вокруг восточнопрусских земель. Тогда М.В. Ломоносов [10. С. 57 и сл.] обращается к прусскому происхождению начальной Руси, предлагая старую кабинетную этимологию – связь названия Пруссия (“Поруссия”) с Русью, а пруссов с *руссами* или *россами* (хотя нигде в древних источниках нет такой формы имени *русь*).

Интересно, что в публикации Ф.Д. Гуревич 1960 г. материалов археологических работ в Калининградской области в 1949–1951 гг., т.е. вскоре после присоединения этой территории к Советскому Союзу, отмечается взаимовлияние балтского и славянского этносов, но никаких тенденциозных выводов не делается, при том что идеологизация характерна именно для советского времени [11. С. 407 и сл.]. Наконец, дискуссия вновь оживляется после распада СССР. Прусское происхождение Рюрика и славянское происхождение руси призвано дать окончательный ответ на вопрос о том, “кто был первым в Прибалтике” (по формулировке А.Г. Кузьмина) во все времена. А.Н. Сахаров реконструировал и маршрут Рюрика из Пруссии в Новгород через Латвию. Сторонники исконных славянских древностей в Пруссии попытались использовать и археологический материал, заявляя о преобладании славянской керамики в раннесредневековой Пруссии (на конференции, посвященной происхождению Рюрика в Калининграде, сентябрь 2002)¹.

¹ Появление в печати рецидивов официозного антинорманизма XVIII–XIX вв. вызывало недоумение научной общественности: см. [12].

Действительно, появление гончарного круга в прибалтийском регионе, сопровождающееся проникновением керамики славянских типов в Восточную и Северную Прибалтику, а также северо-западные регионы Руси отмечали многие исследователи (в том числе Ф.Д. Гуревич, Г.П. Смирнова, В.М. Горюнова, В.И. Кулаков, Д. Селлинг). Этот процесс связан с развитием городских центров, возросшей потребностью в продукции гончаров. На большинстве таких памятников зафиксировано присутствие скандинавов (см. [13; 14; 15]), о чем свидетельствуют археологические материалы. Территория Пруссии в этом отношении не являются исключением.

Работы по керамике калининградского археолога А.Л. Ефремова [16], не вполне корректно “заимствовавшего” часть материала из неопубликованных отчетов Е.В. Каменецкой, автора разведочных раскопок Выборгского городища, не отличаются категорическими выводами. Он предполагает, что круговая керамика появилась в X в., распространилась в XI и, возможно, что в заимствовании гончарного круга какую-то роль сыграла колония (торговая фактория) викингов в районе нынешнего Зеленоградска (ср. [17. С. 57–58]).

В связи с этой проблематикой, перспективным представляется дальнейшее исследование Выборгского городища, так как формы керамики, найденной в его культурном слое, имеют аналоги среди славянской посуды X в., как в центральной Польше, так и на ее балтийском побережье. В Пруссии нет преемственности лепной и круговой керамики, традиции явно привнесенные. Городище находится в бассейне реки Преголи, впадающей в Балтийское море. Примерно в 5 км от него к западу протекает река Дейма, соединяющая Преголю с морем, а к востоку – река Лава, впадающая в Преголю с юга. Городище расположено на мысу, образованном оврагами и ручьями. Основные исследованные скандинавские комплексы в Калининградской области известны на побережье Балтики, т.е. к востоку от Выборгского. Как представляется, в материальной культуре обитателей городища сильнее проявились связи с центральной Польшей.

Можно отметить определенную близость керамики Выборгского городища и Гнёздова, крупнейшего памятника эпохи становления Древнерусского государства в Верхнем Поднепровье. Есть аналогии и среди немногочисленных находок обоих комплексов (обломки костяного одностороннего гребня, определенные типы бус). В Гнёздове также найдена славянская керамика, аналогичная керамике центральной Польши, Белоруссии, Моравии, и только во второй половине X в. появляются немногочисленные обломки сосудов, преобладающих у славян южного побережья Балтийского моря. То есть керамика славянских типов появляется в районах активности скандинавов, но каждый регион имеет собственную специфику.

В.М. Горюнова, исследовавшая огромный комплекс керамики северо-западных регионов Руси, пришла к выводу, что западнославянские формы керамики в северных русских городах свидетельствуют о вовлечении их в общую сферу влияния западнославянского гончарного производства на весь балтийский регион, включая Скандинавию. Причем, по мнению этого автора, “раннегончарная посуда является весьма информативным материалом в плане не столько этнических, сколько социально-экономических связей...” [18. С. 121]. Польские исследователи в статье, посвященной “прусской” и “славянской” керамике раннесредневековой Галиндии, пишут о культурной унификации в

Балтийском регионе в эпоху викингов и вторичности этнической атрибуции керамики по отношению к экономическим факторам [19. S. 178].

Следует отметить, что в современной археологической литературе существует тенденция наделять особой значимостью связи Приднепровья, особенно Среднего, и Пруссии [20]. Постулируется и наличие Неманского пути, связующего Пруссию и Приднепровье. Заметим, что категории находок, которые призваны продемонстрировать наличие специфических связей, отнюдь не специфичны для упомянутых регионов. Скандинавские вещи, известные в комплексах Пруссии и Среднего Поднепровья, встречаются широко в пределах Европейского континента, повсюду, где были активны выходцы из Скандинавии: так, наконечники ножен с бородатой личиной в скандинавском плетеном орнаменте (В.И. Кулаков почему-то считает маску изображением бога Одина) распространены вплоть до Балкан (где побывали воины русского князя Святослава [21. С. 12–13]). Разбираемый Кулаковым комплекс из дружинного центра в Шестовице у Чернигова имеет не меньше аналогий в Гнёздове и шведской Бирке, чем в приводимом им инвентаре прусского могильника Кауп (ср. [22. P. 40 ff.]). Зато Гнёздово и Шестовица, пожалуй, единственные из этого круга памятников имеют аналогичную керамику так называемого среднеднепровского типа. Не менее широко были распространены в Северной и Восточной Европе предметы снаряжения коня и всадника, имеющие степное, часто без специальных оснований именуемое “венгерским”, происхождение (на это обстоятельство обращал внимание еще Т. Арне в начале XX в. [23]). Существуют единичные археологические свидетельства связи Пруссии с Русью в IX–XI вв., равно как и упоминания некоего Воиста, посла Воико в договоре Игоря с греками 944 г. Даже если считать его как и следующего в списке посла Явтыга (Ятвяга?), представлявшего интересы скандинава Гунара [24. С. 23], балтами, это не дает оснований предполагать передвижение целых прусских дружин в Приднепровье или на Прусскую улицу в Новгороде (ср. [25]). Тем более недопустимо увязывать эти гипотетические дружины с позднейшими генеалогиями живших на новгородском урочище “пруссских бояр” (и прочих боярских родов, выехавших, согласно генеалогическим легендам, “от немец” в княжение Александра Невского – ср. [26. С. 297 и сл.]).

Что касается “Неманского пути”, то суммарное картографирование “импортов”, предпринятое В.А. Булкиным и В.Н. Зоценко [27], не дает четкого представления о его функционировании, тем более о том, что этот путь являлся “более древним”, чем путь из варяг в греки: существенно, что на “Неманском пути” не обнаружено византийских монет (см. [28]), равно как и ранних кладов дирхемов [29]). 11 кладов известны на западной окраине Пруссии [30. С. 119]. Но восточная монета, очевидно, поступала туда через Скандинавию (ср. [31; 32. P. 232; 33]). Нет византийских монет и на территории соседней Литвы, находки же дирхемов (ок. 300: см. [34]) немногочисленны в сравнении с соседними регионами: этот балтский ареал – земли литовцев и пруссов – выглядит изолированным от трансконтинентальных путей IX–X вв. Естественно, Пруссия эпохи раннего Средневековья была включена в систему международных трансбалтийских связей: уже данные “Орозия короля Альфреда” свидетельствуют о формировании в IX в. пути, проходящего через главные порты Балтики: Хедебю – Рюген – Волин – Трусо – Вискаутен в Финский залив (с выходом в Ладогу и Новгород: ср. [35. С. 13–15; 36. S. 118 ff.]). Иной была ситуация на континенте: Неман стал границей между славянскими и литовскими

племенами, причем она сохранялась в течение нескольких столетий; естественные связи с Приднепровьем сохраняли русские города Понеманья [11. С. 144; 37]. Представление о “янтарном” пути, якобы связующем Пруссию и Среднее Поднепровье [30. С. 119], не учитывает того обстоятельства, что на Средний Днепр мог поступать янтарь из месторождений у поселка Клесово (Ровенская область, Украина). Проводившиеся исследования показывают, что клесовский янтарь мало отличается от балтийского сунцинита. Этот янтарь использовался как в древности, так и в XX веке [38. С. 75].

Ставшие общим местом историографические конструкции, постулирующие особое значение связей Руси и Пруссии, иногда порождают вторичные гипотезы – как чисто эпигонские, основанные на средневековых “народных” этимологиях, вроде сближения варягов с балтийско-славянскими ваграми [39. С. 422 и сл.], так и модифицированные, восходящие к гипотезе о датском (фрисландском) происхождении Рюрика и т.п. [40]².

Между тем прусские древности и прусский язык действительно представляют особый интерес в связи с проблемой роли скандинавов в Восточной Европе [11]. Значительный пласт скандинавских древностей известен из материалов раскопок в Пруссии (ср. [42; 43; 44; 13; 30]), что и естественно: побережье всей Прибалтики было колонизовано на протяжении эпохи викингов и предшествующей вендельской эпохи (см. [15; 45]). Это не могло не отразиться на лексике прусского языка. О.Н. Трубачев [46] предполагал даже германское происхождение самого имени Пруссия (ср. [47. С. 262–263]); позднее он указывал (вслед за В.Н. Топоровым) фракийские параллели этому имени [48. С. 23]. Одно из замечательных заимствований относится к обозначению высшего слоя прусского общества – *витинги*, которое отражает скандинавское название участников морского похода – викинг, как и древнее славянское **vitědzь*, др.-рус. *витязь*, “герой”, “дружинник” [49. Т. 1. С. 322–323; (см. также литературу о происхождении термина витинг [30. С. 155]). Очевидно, что заимствование распространилось в Польше и на Руси при посредстве балтийских славян, имевших дело с викингами (о взаимодействии скандинавской и славянской традиций на Балтике по данным археологии см. [45]), но термин “витязь” не стал распространенным обозначением дружинника на Руси. Таковыми стали термины *русь*, *русин*: “вся русь” легенды о призвании варяжских князей, равно как и “вся русь”, что была под рукой Олега согласно договору с греками 911 г. – обозначение дружины.

В космографическом введении к Начальной летописи – Повести временных лет – изначальная русь помещается среди варягов на берегу Варяжского (Балтийского) моря: в Восточной Европе она появилась после призвания варяжских князей с их дружиной – *всей русью*. “В Аfetове же части седять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, мордтва” – далее следует перечень “пермских” народов, и список продолжается с возвратом к прибалтийским племенам – “ямь, угра, Литва, зимегола, корсь, летьгола, любь. Ляхове же и

² См. об анахронизме современных романтических гипотез, усматривающих в курганах Старой Ладogi некрополь дружины Рерика Фрисландского и т.п. [41. С. 64–65]. По сути “филологические” гипотезы о славянском происхождении варягов и т.п. восходят к средневековым методам этимологизирования: соотносению, как правило, не связанных друг с другом слов: варяги/вагры, Русь/Пруссия, и также на случайных созвучиях и совпадениях имен, как это случилось с Рюриком новгородским и Рериком Фрисландским, Гостомыслом поздней новгородской легенды и латинских свидетельств о балтийских славянах и т.п.

пруссы, чюдю приседать к морю Варяжьскому” [24. С. 8]. Русь и пруссы не случайно оказываются рядом с *чюдю*: в широком смысле так назывались в древнерусской традиции все неславянские – “чужие” народы севера Восточной Европы, в узком – прибалтийско-финские племена Эстонии.

В сочинении, далеком от традиции русского летописания, содержится текст, напоминающий летописный рассказ о руси и ее соседях, “приседящих” к морю Варяжьскому. Испанский еврей, писавший по-арабски, Ибрагим Ибн Йакуб посетил германские земли, Прагу и Мекленбург в 60-е годы X в. Он собрал известия о народах Европы, в том числе о крупнейшей из известных ему славянских (сакалиба) стран – стране Мешко, то есть Польше, которой правил Мешко I (ум. 992). “И граничат с Мешкой на востоке *рус*, и на севере *брус*... Жилища *брус* у окружающего моря. Они имеют особый язык... И производят на них набеги *рус* на кораблях *с запада*” [50. С. 146]. Таким образом, народ *рус*, известный испанским авторам со времен набега норманнов на Севилью в 844 г., обитает одновременно к востоку от Польши и к западу от пруссов (с позиций “западного” – испанского наблюдателя): двойная локализация руси здесь сходна с летописной традицией. Летопись размещает начальную Русь одновременно “за морем” (с позиций “восточного” наблюдателя) и рядом с *чюдю* и другими народами севера Восточной Европы (ср. [51]).

Почему термин викинг, распространенный на побережье Балтики, остался маргинальным в Восточной Европе? Очевидно, дело в способе передвижения дружин: в Восточную Европу скандинавы не могли ходить “в викинг” на морских кораблях, они должны были передвигаться по рекам на гребных судах, ходить “в русь”, гребной поход (по скандинавской терминологии, см. [52. С. 27]). Недаром вещей Олег и в походе на Царьград взял откуп “на ключ” – уключину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Топоров В.Н.* Прусский язык. М., 1975–1990. Т. 5 (А–Л).
2. Петр из Дюсбурга. Хроника земли Прусской / Издание подготовила В.И. Матузова. М., 1997.
3. *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955.
4. Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 9.
5. *Гольдберг А.Л.* К истории рассказа о потомках Августа // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXX.
6. *Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.
7. Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. XIII. Никоновская летопись.
8. *Татищев В.Н.* История Российская. М., 1995. Ч. 1.
9. *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. 2-е издание комментированное. М., 2004.
10. *Ломоносов Михаил.* Записки о русской истории. М., 2003.
11. *Гуревич Ф.Д.* Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н.э. (По материалам Калининградской области) // Древности северо-западных областей РСФСР в первом тысячелетии н. э. Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1960. № 76.
12. *Котляр Н.Ф.* В тоске по утраченному времени: рецензия на Сборник Русского исторического общества “Антинорманизм” // Средневековая Русь. М., 2007
13. Contacts across the Baltic Sea / *Hardh B., Wyszomirska-Werbarth B.* (eds.). Lund, 1992. № 7.
14. *Jansson I.* Dress Pins of East Baltic Type Made on Gotland // Archaeology East and West of the Baltic. Stockholm, 1995.
15. *Duzcko W.* Scandinavians in the Southern Baltic between the 5th and the 10th centuries A.D. // Origins of Central Europe. Warsawa, 1997.
16. *Ефремов Л.А.* Деятельность Е.В. Каменецкой в КГУ // Археологические исследования в Калининградской области. Калининград. 2006.
17. *Ефремов Л.А.* Прусская гончарная керамика // Археологические исследования в Калининградской области. Калининград. 2006.

18. Горюнова В.М. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X – начала XI в. // *Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плахов А.В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя. СПб., 2005.
19. Wróblewski W., Nowakiewicz T. Ceramika "pruska" i "słowiańska" we wczesnosredniowiecznej Galindii // *Słowiańskie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu.* Lublin; Warszawa, 2003.
20. Кулаков В.И. Ирзекапинис и Шестовицы // *Проблемы археологии южной Руси.* Чернигов, 1990..
21. Йотов В. Викингите на Балканите. Варна, 2003.
22. Hedenstierna-Jonson Ch., Olausson L.H. The Oriental mounts from Birka's garrison // *Antikvariskt arkiv* 81. Stockholm 2006.
23. Arne T.J. La Suède et l'Orient. Paris, 1914.
24. ПВЛ – Повесть временных лет. СПб., 1996.
25. Кулаков В.И. Прусы и восточные славяне // *Труды Пятого Международного конгресса славянской археологии.* М., 1987. Т. III. Вып. 1а.
26. Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 2000.
27. Булкин В.А., Зоценко В.Н. Среднее Поднепровье и Неманско-Днепровский путь IX–XI вв. // *Проблемы археологии южной Руси.* Чернигов, 1990.
28. Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // *Археология СССР.* Свод археологических источников. Е4–4. М., 1962.
29. Кропоткин В.В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // *Древняя Русь и славяне.* М., 1978.
30. Кулаков В.И. Прусы (V–XIII вв.). М., 1994.
31. Kmiotowicz F. Drogi napływu srebra arabskiego na południowe wubrzeżá Bałtiku i przynależność etnoiczna jego nosicieli // *Wiadomości numizmaticzne* 12(1966) / № 2.
32. Noonan Th.S. The Vikings in the East: Coins and Commerce // *Developments Around the Baltic and the North Sea in the Viking Age.* Stockholm. 1994.
33. Bartczak A. Finds of Dirhams in Central Europe prior to the Beginning of the 10th Century // *Origins of Central Europe.* Warsaw, 1997.
34. Aleksejūnas V. Monetary Circulation in the territory of Lithuania before Introduction of its own Coinage // *Contacts across the Baltic Sea.* Lund, 1992. № 7.
35. Матузова В.И. Английские средневековые источники. М., 1979.
36. Labuda G. Fragmenty dziejów Słowiańszczyzny Zachodniej. Poznań, 2002.
37. Гуревич Ф.Д. Культурные связи древнерусских городов на территории Белоруссии с Прибалтикой // *Проблемы этногенеза и этнической истории балтов.* Вильнюс, 1985.
38. Сребродольский Б.И. Янтарь. М., 1984.
39. Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.
40. Шичаков Е.А. Датско-русские связи IX – начала XI в. // *Русь на перехресті світів.* Чернівці, 2006.
41. Михайлов К.А. Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки по хронологии и топографии) // *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья.* СПб., 2002.
42. Nerman V. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbalticum in der jungeren Eisenzeit. Stockholm, 1929
43. Гуревич Ф.Д. Норманнский могильник у деревни Вишнево // *Скандинавский сборник.* Таллин, 1963. Вып. VI.
44. Mühlen B. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen // *Bonner Hefter zur Vorgeschichte.* 1975. № 9.
45. Duzcko W. Obecność skandynawska na Pomorzu i Słowiańska w Skandynawii we wczesnym Średniowieczu // *Salsa Cholbergensis / Kołobrzeg w Średniowieczu.* Kołobrzeg, 2000
46. Трубачев О.Н. Заметки по этимологии и ономастике балто-германских отношений // *Питання ономастики.* Киев, 1965.
47. Дини П.У. Балтийские языки / Под ред. и с предисловием В.Н. Топорова. М., 2002.
48. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 2002.
49. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1.
50. Вестберг Ф. Комментарий на записку Ибрагима ибн Якуба о славянах. СПб., 1903; Гуревич Ф.Д. Древности белорусского Помеманья. М.; Л., 1962
51. Петрухин В.Я. Варяги и "предел Симов" // *Russian History.* 2005. Vol. 32. № 3–4. Festschrift 2 for Thomas S. Noonan.
52. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название "Русь" в этнокультурной истории Древнерусского государства // *Вопросы истории.* 1989. № 8.

© 2008 г. О. Н. АФИНОГЕНОВА

К ИЗУЧЕНИЮ БОГОМИЛЬСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДНОГО ГРЕЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Как известно, основным источником по истории одного из крупнейших религиозно-социальных еретических движений на Балканах и в Малой Азии в X–XIV вв. – богомилства, является сочинение болгарского автора второй половины X в. Козьмы Пресвитера “Беседы на новоявльшуюся ересь Богумилу-ву” [1], а также многочисленные легенды и апокрифы [2]. Греческой литературной традицией был заимствован довольно известный богомилский апокриф о борьбе архангела Михаила и Сатанаила. Этот факт примечателен по двум причинам: во-первых, переводы славянских оригинальных текстов на греческий язык вообще чрезвычайно редки, во-вторых, перед нами – текст апокрифический, т.е. имеющий некую жанровую специфику, а также особый круг распространения, но этот текст все же оказался переведен на греческий язык и, видимо, впоследствии неоднократно переписан.

Итак, в 1981 г. в “Староболгарской литературе” А. Милтеновой были опубликованы две славянских редакции апокрифа о борьбе Михаила и Сатанаила [3. С. 98–113]. Этот текст ранее был известен по двум поздним спискам (1. Сборник попа Пунчо, 1796 г. Народная библиотека “Кирил и Методий”, № 693, 2. Сборник 1820 г. Церковный историко-археологический музей. № 232) и одному более раннему (2-я пол. XVI в., № 1161 из сборника Церковного историко-археологического музея)¹. Обе редакции апокрифа в рукописях приписываются Иоанну Златоусту.

Однако несколько ранее, чем об этой публикации, мне стало известно о греческом варианте того же апокрифа (“Рассказ о похищении ангельского одеяния”² (ВНГ, N 1288 п))³. После знакомства с публикацией славянского апокрифа и работы над греческой рукописью выяснилось, что греческий текст не является переводом ни одной из славянских редакций, опубликованных А. Милтеновой. Однако явно богомилская основа сюжета позволяет предположить, что источником греческого варианта послужил какой-то славянский текст, возможно, не сохранившийся. Сюжет апокрифа был известен

Афиногенова Ольга Николаевна – ст. редактор Церковно-научного центра “Православная энциклопедия”.

¹ Подробнее об этих списках см.: [3. С. 98–99].

² Заголовок взят из ВНГ, в тексте он отсутствует.

³ Издание греческого текста с переводом на русский язык и краткими комментариями см.: [4].

не только в Болгарии, но и в Сербии, о чем говорит изображение в церкви архангела Михаила в монастыре Лесново (ок. 1346 г.), представляющее собой непосредственную иллюстрацию к апокрифу [5]⁴, и косвенно – наличие сербизмов в сборнике № 1161.

Греческая рукопись. Мне известна только одна рукопись этого апокрифа – *Vatic. gr. 1190a. 1542. fol. 1387*. Сборник, содержащий апокриф и подробно описанный Эрхардом [6. S. 870–871], представляет собой трехтомное не менологическое собрание текстов разного жанра, большинство из которых агиографические (133), из них, в свою очередь, треть – жития святых Симеона Метафраста. Остальной комплекс текстов включает речи на Господские и Богородичные праздники, гомилии на переходящие праздники церковного года, последние 29 текстов – часть Константинопольского патриаршего собрания гомилий. Из апокрифической литературы представлен Апокалипсис Марии, Апокалипсис Иоанна, Слово Иоанна Богослова на Успение и рассматриваемый нами апокриф о Михаиле. Последний, видимо, не понравился пользователю или владельцу, так как крест-накрест перечеркнут пером на каждой странице. Примерно треть интересующего нас текста написана одним почерком, остальная часть – другим.

Содержание греческого текста. Явных признаков того, что греческий текст представляет собой не оригинал, а перевод со славянского, не обнаружено. Однако вероятность того, что перед нами именно перевод славянского богомильского апокрифа, на мой взгляд, выше, чем самостоятельное существование апокрифа на греческом языке.

Сюжет апокрифа вкратце таков: сатана задумал превзойти величием Бога, и для этого бежал с небес, увлекая за собой значительную часть ангельского войска. Кроме того, он прихватил с собой ангельское одеяние (ἡ ἀγγελικὴ στολή), дающее ему могущество и власть. Бог сначала призвал архангела Гавриила, чтобы тот вернул одеяние, но Гавриил отказался, ссылаясь на могущество сатаны. Тогда был призван Михаил, который тоже сначала отказывался, но получив от Бога благословение на любую хитрость и ложь против сатаны, отправился к тому. Михаил сделал вид, что хочет перейти на сторону сатаны и был принят им с торжеством и радостью (приветствие сатаны стилизовано под акафист: “Добро пожаловать, наполнивший множество небес тысячекратным гимном, добро пожаловать, голос небес, добро пожаловать, начальник тьмы тем и тысячи тысяч и лучший из них!”) [4. С. 343]. Сатана предложил отправиться к озеру, вода которого сделает их обоих непобедимыми. Он предложил Михаилу первым нырнуть в озеро, но Михаил возразил, что слуге не подобает идти впереди господина и что он готов посторожить одеяние, пока сатана будет в воде. Сатана заставил Михаила поклясться, что тот его не обманывает и, заручившись такой клятвой снял ангельское одеяние и вручил его Михаилу. Как только сатана погрузился в глубокую пучину, Михаил бросился бежать, унося с собой одеяние. Увидев обман, сатана погнался за ним, и схватил за ногу, но по молитве Михаила небеса разверзлись и скрыли его от врага. Таким образом сатана был лишен могущества.

Очевидно, что в тексте присутствуют все основные черты богомильских сказаний. 1. Ярко выраженный дуализм (противостояние Михаила и Сатанаи-

⁴ Благодарю О.В. Лосеву за информацию об этом изображении.

ла) с характерным для богомилства победой добра над злом⁵. 2. Сатана представлен как демиург [2]. 3. Употребляется один из вариантов имени “Сатанаил”. Следует отметить, что дуализм в апокрифе носит именно богомилский, а не манихейский характер. Согласно манихейской доктрине, доброе и злое начала не происходят друг от друга, а оба существуют изначально на равных позициях и находятся в вечном противоборстве, а в нашем тексте Сатанаил очевидно создан Богом и пытается сравняться с ним в могуществе, т.е. изначально не равен Богу [7]. В греческом тексте дьявол именуется Самуилом. Это, скорее всего, говорит о том, что в оригинале (греческом или славянском) имя Сатанаил было представлено в одном из известных вариантов: Савайл [8. Col. 149] или Самаил [9. Col. 203], а переписчик заменил непонятное слово более знакомым. Известна еще одна богомилская легенда, сюжет которой очень похож на этот апокриф, с той лишь разницей, что в ней не упоминается ангельское одеяние [10. P. 106]. В этой легенде Сатанаил замышляет поставить свой трон на небесах и облаках, и Бог посылает архангела по имени Миха свергнуть его. Тот опаливает Сатанаила, но и сам получает ожоги. Бог переименовывает Миху в Михаила, а Сатанаила в Сатану. Второй раз Бог посылает Михаила к Сатане, но тот решается пойти только после определенных колебаний, и скипетром свергает Сатану и ангелов его в бездну. Здесь мы видим все те же характерные для нашего сюжета черты: противостояние Михаила Сатанаилу, замешательство Михаила перед Сатанаилом, и неприменный вред, хотя и минимальный, причиняемый Сатанаилом Михаилу.

Этот сюжет отражен и в сербском эпосе [11]. У царя бесов Дуклияна (Диоклетиана) была золотая солнечная корона. Бог послал к Дуклияну Иоанна Крестителя (в другом варианте архангела), который сделался его побратимом. Во время прогулки у моря царь подбрасывает корону, а Иоанн (архангел) – золотое яблоко, которое упало в пучину. Чтобы утешить друга, царь ныряет в море, предварительно заставив Иоанна поклясться в верности (Иоанн получил от Бога разрешение поклясться лживо). Иоанн (архангел) замораживает море на девять аршин в глубину, крадет корону, царь в погоне хватается за ступню и вырывает кусок мяса, но Иоанну (архангелу) удается убежать и возвратиться на небо солнце⁶.

Славянский текст. Обе славянские редакции примерно одинаковы относительно друг друга, но несколько лаконичнее греческого варианта. В них, например, отсутствуют упомянутое приветствие сатаны и – в конце – благодарственная речь Бога, в которой он называет Михаила “вторым богом” (ἕσθι θεός δεύτερος) [4. С. 340]. Дословных совпадений в славянском и греческом текстах немного, но они все же имеются [4. С. 340–347]. Что касается сюжета, то он отличается от греческого мало, только деталями. Сатана (Сатанаил) и Михаил отправляются к холодному озеру, чтобы охладиться настолько, что солнечный свет не причинит им вреда (в греческом тексте этот мотив хоть и проскальзывает, но не так явно выражен). Сатана до последнего момента не доверяет Михаилу, и все время приказывает слугам следить за ним. Михаил

⁵ Об этом мотиве в богомилских легендах подробнее см.: [2] (“О море Тивериадском”).

⁶ О.С. Широков предполагает в этом сюжете наличие параллелей с античным мифом о Гефесте – небесном низвергнутом кузнеце (фигурирование солища (= огня), вырывание куска мяса из ступни (хромоногость Гефеста) и т.п., а также менее очевидные параллели с хеттскими и хурритскими мифами. См.: [12. С. 185–188].

возвращает не только ангельское одеяние (“боготканную одежду”, но и скипетр архангельских чинов, в другой редакции “боготкана премена”, и “богоплетен венец”).

Заключение. Итак, мы можем предположить два пути происхождения греческого текста: либо греческий текст – это произвольный пересказ богомильского апокрифа, либо существовала еще одна, самая пространная из всех известных, славянская редакция, с которой и был сделан греческий перевод. Если верно первое предположение, надо признать, что этот богомильский сюжет был распространен гораздо шире, чем можно было представить ранее, если верно последнее, то перед нами – уникальный случай в греческой литературной традиции.

Имеющийся у нас греческий текст совершенно очевидно представляет собой не оригинал перевода, а список с него, несмотря на то, что в рукописной традиции апокриф не получил широкого распространения. Что это не оригинал, говорит, во-первых, наличие двух почерков, во-вторых, обилие описок и небрежностей, вряд ли присущих оригиналу перевода. Последний, скорее всего, не намного старше списка, так как в нем присутствуют несколько грамматических форм, характерных для позднего периода греческого языка.

Поскольку греческий вариант апокрифа носит следы литературной обработки и даже содержит привнесенные (хотя и не существенные) детали, которые отсутствуют в предполагаемом источнике, можно сделать вывод, что некоторые черты богомильского мировоззрения, возможно, бытовали в среде греческого населения в поствизантийское время, доказательством чего служит их проникновение в греческую литературную традицию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Попруженко М.Г.* Козма пресвитер български писател X в. // Български старини. 1936. Кн. 12. [“Беседа пресвитера Козьмы”].
2. *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. София, 1932 (репр.: 1971).
3. *Милтенова А.* Апокрифът за борбата на архангел Михаил със Сатанаил в две редакции // Старобългарска литература. 1981. Кн. 9.
4. *Афиногенова О.Н.* Греческий вариант апокрифа о борьбе архангела Михаила и Сатанаила // Scripta&E-Scripta. София, 2005–2006. № 3–4.
5. Византијски и поствизантијски циклуси архангела XI–XVIII в. / Смиљка Габелић. Београд, 2004. № 102 (Пад Сатане).
6. *Ehrhard A.* Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der Griechischen Kirche. Leipzig, 1932–1952. Bd. 3.
7. *Jackson A. V. W.* Researches in Manichaeism, New York, 1932
8. *Patrologiae cursus completus. Ser. Graeca / Ed. J.-P. Migne.* Paris, 1864. T. 117 [Минологий Василия II].
9. *Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano / Ed. H. Delehaye.* Bruxelles, 1902. (Propylaeum ad ActaSS Nov.).
10. *Aus Michaels Wiken: eine Legenden.* Schtuttgart, 1929.
11. Сербский эпос / Пер. Н.М. Гальковского. М., 1916; Эпос сербского народа. М., 1963.
12. *Широков О.С.* АСМОН // Античная культура и современная наука. М., 1985.

© 2008 г. К. А. КЛИМОВА

О СЛАВЯНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В НОВОГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ¹

Греческая культура на протяжении многих веков соседствовала с культурой славян, начиная с VI в., когда византийским историком Прокопием Кесарийским впервые упоминаются славянские племена, вплоть до наших дней, в которые современная Греция граничит со славянскими Болгарией и Македонией, а на ее территории проживает большое число выходцев из той же Болгарии и стран бывшего СССР. Это тесное соседство не могло не оставить след в виде славянских заимствований в греческом языке. В одних случаях их происхождение не вызывает сомнений, в других – является спорным. Рамки нашей работы не позволяют подробно рассматривать все лексические пласты греческого языка с целью выявления славянизмов, этой проблеме должно быть посвящено большое серьезное исследование с привлечением различного диалектного, топонимического и других материалов. В этой статье мы ограничимся новогреческой мифологической лексикой и рассмотрим лишь несколько показательных примеров из данной области, а именно названия некоторых мифологических персонажей (далее – МП), которые можно возвести к славянским корням.

Сначала остановимся на именах, встречающихся на севере Греции, в областях, граничащих с современным славянским миром, – в Эпире, в греческой Македонии и во Фракии. Эти имена представляют собой славянские заимствования, происхождение которых очевидно: *σμέος* ('zmeos), *βίλα* ('vila) и *σαμοβίλα* (samo'vila). Это диалектные варианты названий общегреческих мифологических персонажей, обладающих определенным набором устойчивых признаков, но в некоторых случаях имеющих и дополнительные южнославянские характерные черты.

На северо-востоке Греции встречается два диалектных названия МП, явно происходящих из славянских языков, – *βίλα* и *σαμοβίλα*. [1. С. 621]. Эти слова, очевидно, были заимствованы греками у соседних славянских народов, где они очень известны и широко распространены (Болгария, Македония, Сербия, Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория, Словения [1. С. 200–201, 614–615]). Демоническому существу, который у славянских народов условно обо-

Климова Ксения Анатольевна – аспирантка Института славяноведения РАН.

¹ Авторская работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ “Ведущие научные школы”, проект “Славянская этнолингвистика” НШ-8344.2006.6.

значается именем *вила*, в греческой традиции соответствует аналогичный женский персонаж под общим условным именем *нереида* (*νεραίδα*), кроме того, представления о подобных демонах встречаются и у других неславянских балканских народов (румын, албанцев), что дает основания определять данный тип МП как общепалланский. А.А. Плотникова выделяет ряд признаков, общих для этих МП: “женский пол, красота и молодость... характерный белый цвет... обитание во внешнем по отношению к жилищу человека пространстве... преимущественное появление у воды (вблизи источников, колодцев, озер, рек, моря); совместные танцы и пение; чудесная помощь людям... и мстительность в случае нарушения ряда запретов; вступление в любовные отношения и брак с простыми людьми... способность к полету, перемещению по воздуху...” [1. С. 204]. Таким образом, имена *вила* и *самовила* были заимствованы северногреческими диалектами для обозначения общепалланского женского МП, который присутствует как в греческой, так и в славянской традиции. По причине недостаточности материала сложно говорить о том, насколько описываемый греческий персонаж с именем *вила* отстает от общегреческой характеристики *нереиды* и имеет ли он какие-либо специфические признаки, более характерные для славянской культуры.

Другое славянское заимствование в греческой мифологической лексике, от слав. *змея*, – *σμείος* (*'zmeos*). Название было зафиксировано в конце XIX в. в греческой Македонии и в Эпире у куцовлахов [2. Σ. 267–271]. В обеих быличках демон описывается как хранитель озера, обладающий сверхъестественной силой. Первым общим мотивом, объединяющим македонский и эпирский тексты, можно назвать происхождение МП – пастух, попробовав чудесной пищи, которую едят другие существа, называемые *σμείος*, становится одним из них. Так, в первой быличке, из Македонии, рассказывается, что два демона по имени *σμείος* сражаются, бросая друг в друга комья снега с жиром и солью, от соли один из них лопается, второй вынимает его сердце и печень и начинает жарить на костре, затем просит пастуха присмотреть за едой, пока он ненадолго отлучится; пастух съедает сердце и печень, приобретает сверхъестественную силу, убивает второго демона, выясняется, что этот пастух уже не может жить в мире людей, обладая такой силой (пытается доить овец, а у него в руках остается вымя), им овладевает сильное желание броситься в озеро, он прыгает в воду и становится демоном-хранителем озера.

В другой быличке, из Эпира, пастух приносит демону-побратиму барана, демон надувает этого барана, после совместной трапезы пастух чувствует сверхъестественную силу, как и в предыдущей быличке, оказывается, что он не может доить овец, у пастуха возникает желание броситься в воду, он становится духом озера. Вторым характерным мотивом является то, что в обеих быличках пастухи, прежде чем броситься в озеро, сообщают о своем намерении другу, и они договариваются периодически встречаться, для чего демон будет выходить из озера. Единственным условием является запрет сообщать о том, что случилось, кому-либо еще. Но жена или мать пастуха-демона выслеживают его друга, обнаруживают свое присутствие, и демон больше не выходит из озера. В быличке из Македонии упоминается еще один интересный мотив – *σμείος* прилетает в деревню верхом на туче и забирает с собой свою невесту, с которой он был помолвлен до этого.

Представления о МП-герое с именем *змея* в целом характерны для славянской мифологии. Это атмосферный демон, защитник посевов от непогоды,

покровитель села, мифологический любовник, могущий вступить в связь с женщиной: болг. *змеј, змев*; макед. *змев*; серб. *змај* (подробнее см. [3. Т. 1. С. 330–332; 1. С. 222–225]). В греческой же традиции соответствующим персонажем будет выступать, скорее всего, *стихьо* (*στοιχείο*) – демон-хранитель места, который, как верили, также мог обладать недюжинной силой, охранял деревню от опасности, обитал в воде. Однако такие признаки, как борьба с непогодой, с грозвыми тучами, защита посевов, способность вступать в любовную связь с женщиной, для общегреческого *стихьо*, пожалуй, не характерны (о *стихьо* подробнее см. [4]). Следовательно, в говорах северной Греции наряду с лексемой (*σιμέος*) из славянского окружения было заимствовано не только слово, но и сам персонаж греческой мифологии был наделен определенными “славянскими” свойствами.

Помимо очевидных славянских заимствований в словаре греческой мифологии присутствуют лексемы, происхождение которых является спорным, однако из всех возможных вариантов именно славянская версия их этимологии кажется нам наиболее верной. Среди таких спорных случаев можно выделить четыре мифологических имени: *βρυκόλακας* [vri'kolakas], *μόρα* ['moros], *σιμερδάκι* [simer'daki] и *πιπέτσικας* [di'vetsikas].

Словом *βρυκόλακας* обозначают МП, по своим основным характеристикам близкого славянскому *вурдалаку* или *вампир*. Это демон, происходящий из души “заложного” покойника, который по ночам выходит из своей могилы и пьет кровь людей или скота или совершает другие вредоносные действия. Примечательно, что это имя, в отличие от двух предыдущих примеров, получило большое распространение в греческой народной культуре и является основным, “родовым” названием для персонажей такого типа, существующим в разных локальных традициях в разнообразных диалектных вариациях: *βρικόλακας, βρικούλακας, βρικόακας, βρεκόλακας, βροκόλακας, βρυκόλακας, βρουκόακα, βρουκούλακους, βρακόλακας, βирκόλακας, βορκόλακας, βοурк-όλακας, βουλκόλακας, βορβόλακας, βοурβόλακας, βοурβούλακας, βορβά-λακας, βαρβούλακας, βαρβάλακκας, βοурβούλλακας, βόλακας, βοурδού-λακας, βοурδόλακας, βορδόлаκας, βορδούлаκας, πρόλακας, βρικουλακάδης, βриколаκίσσα, βрикулатσίνα, βοурβουлаκίνα, βουλκόлаκας, βρυόлакκας, βρωκολάκοι, βοурκούлаκας, βουλκούлаκας, βαρβάлаκας, βαρβούлаκας, βуркóлаκας, βρουкуλάτς, βриколáтς, βрикулáки, βρικόлаκис, βαρβάλακχ-νας* [5. Σ. 157–158]. Слово известно во всех трех грамматических родах, например: *βρικόлаκας, βρικούлаκας, βρικόακας, βρεκόлаκας, βροκόлаκας, βρυ-όлаκας* и т.д. – м.р., *βриколаκίσσα, βриколаκίνα, βреколаκίνα, βрикулатσί-να, βοурβουлаκίνα* и т.д. – ж.р., *βрикулáки, βриколáки, βриколаκάки* [5. Σ. 14] и т.д. – ср.р. Термины мужского рода используются для обозначения персонажей мужского пола, женского – для обозначения персонажей женского пола, термины среднего рода, образованные с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-άκι*, – для обозначения детей, рожденных от вурдалаков или детей, ставших вурдалаками.

Согласно греческой филологической традиции, слово имеет несколько вариантов этимологии:

1. От *βούρκος* – ‘болото’ и *λάκκος* – ‘яма’ (точка зрения представлена: *Λέων Αλλάτιος, μοναχός Μάρκος, Χριστόφορος Αγγέλου*, см. [5. Σ. 158–159]).
2. От *βορβόλακας* < *μορμολύκη* – ‘страшилище, пугало’ (точка зрения представлена: *Αδαμάντιος Κοραής, Ν. Γ. Πολίτης*, см. [5. Σ. 159]).

3. От диал. (Крит) *βουρβούλας* – “пузыри, которые могут образовываться на краю ноздрей во время дыхания”. Следовательно, *вурдалак* – это большой пузырь, с телом, как мешок (точка зрения представлена: *Στυλιανός Δεινάκης, Στίλων Κυριακίδης, Σίμος Μενάρδος*, см. [5. Σ. 159]).

4. От **βρίκολος* < древнегреч. *βρίκελος* – ‘трагическая маска’ + увеличит. суфф. *-ακας* [6; 5. Σ. 159].

Однако наиболее вероятным нам представляется вариант этимологии слова *βρικόλακας* от ю.-слав. *вѣрколак* (*вурдалак*), который, в свою очередь, происходит от от *вѣлкѣ* – ‘волк’ и *длака* (прс. *dol-ka, dlaka*) – ‘шкура’ [7. С. 75] или, по Вяч. Вс. Иванову, от соединения древних названий волка и медведя [8. С. 399–402]. Этимологическая версия происхождения греческого названия из славянского упоминается только в некоторых греческих изданиях, например в словаре Бабиньотиса или “Мизон” [9, 6]: *βρικόλακας* < *vrukolak* < *velku*.

Представления о *вурдалаках* распространены на территории всей материковой и островной Греции (подробнее о МП см. [10]) и довольно сильно различаются в зависимости от локальной традиции: от шутливых рассказов о *вурдалаке* как о мешке с кровью, пугающем прохожих, до развернутых быличек с описанием антропоморфного чрезвычайно опасного существа, нападающего по ночам на людей и домашний скот и выпивающего у них всю кровь. Название этого персонажа, наверное, было заимствовано довольно давно, так как МП с данным именем известен во всей Греции и имеет одни и те же постоянные признаки. При этом сами представления о демоническом существе – “ходячий покойник, вампир” характерны для всего балканского ареала², но близкая к греческому варианту лексема *вѣрколак* в этом значении используется только в южной Болгарии, в то время как для других южнославянских традиций характерны иные названия, также производные от *вѣлкѣ* и *длакѣ*: *vikodlak, ukodlak, volkodlak, kudlak, kodlak* (Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина), или варианты названий от других корней: *вампир, тенџ, таласџм* [1. С. 212–217, 634–645].

Следующий случай возможного славянского заимствования в словаре греческой мифологии – название *μῶρος* (*‘moros*) / *μώρα* (*‘mora*). Это слово употребляется в двух родах – мужском и женском и имеет разные локальные значения, среди которых преобладает вариант “ночной кошмар, МП, нападающий на человека во время сна и душащий его”. Вообще, этимология слова *μῶρος* в греческой традиции обычно возводится к греческим источникам. Так, Г. Экатеринис возводит ее к диалектному *μῶρος* < *μαῦρος* ‘черный’ [12. Σ. 393], И. Криарас – к итальянскому *mora* – женщина арабского происхождения из Африки или Испании [13. Σ. 34–35, 37]. В диалекте Ионических островов *μῶρος* – чернокожий человек. С другой стороны, в этом слове можно увидеть след корня *-μωρ-* (*μωρός* ‘глупый, несмышленный’; *μωραίνω* ‘делать кого-либо глупым, глупеть, доводить до безумия, сходить с ума’), ведь считается, что многие демоны могут лишать человека разума. Вообще, из-за неясной этимологии имена с этим корнем пишутся то через *ω*, то через *ο*, и не существует определенного орфографического правила их написания. По нашей версии, эта лексема, по крайней мере, в одном из ее вариантов (*μώρα*), возможно, бы-

² У. Дукова в своей работе подробно рассматривает болгарские названия этого МП в сопоставлении с другими балканскими традициями, включая греческую [11. С. 54–56].

ла заимствована из славянских языков, так как в народных представлениях славянских народов существуют мифологические персонажи с именами типа *змора, мора, мара* [3. Т. 2. С. 341–344; Т. 3. С. 178–179], которые по своей основной функции “душить и мучить по ночам спящих людей, наваливаясь на них” очень близки греческим женским демонологическим персонажам.

Итак, МП, называемые *μόρα*, как мы уже сказали, чаще всего описываются как “ночной кошмар, демон, нападающий на человека во время сна и душащий его” [14. Σ. 94]. При этом в греческой фразеологии существуют устойчивые выражения “*τον έπιασε η Μόρα*” (его схватила Мора), “*τον πλάκωσε η Μόρα*” (на него навалилась Мора) в значении “он задыхается” и проклятье “*κακή μόρα να τον βρει!*” (пусть его найдет злая мора!).

Также существуют поверья о Море – дочери nereиды, которая, в отличие от своей матери, имеет непривлекательную внешность, ее характерная черта – два выпирающих передних зуба. Мора «набрасывается на человека, вне зависимости от того, мужчина это или женщина, особенно же охотится за маленькими детьми, она душит человека, не дает ему вздохнуть и не позволяет встать. И даже когда она уходит, другие люди его будят, а он никак не может проснуться, а когда просыпается, говорит: “На меня навалилась Мора!”» [15. Σ. 138]. Считалось, что обычно она появляется в поле, чаще всего нападает на людей, спящих под орешником, а время появления Меры зависело от времени года: летом – в полдень, зимой – в полночь. Также верили, что, как любую другую nereиду, можно подчинить Мору себе, украв ее красную феску или платок, которые она снимала во время танца. Заклятьем от Меры служила формульная фраза: “*Μώρα-Μώρα και μωρή και καοϊδή, όντας έρθεις να με δεις δεις μέτρα τ' άστρα τ' ουρανού και τον άμμο της θάλασσας και τότε έλα σε μένα*” (“Мора-Мора глупая (по-гречески – игра слов, основанная на созвучии Мора и глупая) и зловедная, когда пойдешь ко мне, пересчитай звезды на небе и песок в море, а потом только приходи ко мне”) [15. Σ. 138–139].

Согласно третьей версии, персонажи, обозначаемые словами *Μάρος* и *Μάρισσα*, относятся к отдельному типу духов-хранителей клада [16. С. 127]. Они описываются как черные антропоморфные существа, обитающие в местах, где зарыт клад, и нападающие на людей, посягнувших на него, во многом близкие другому известному в новогреческой мифологии духу-хранителю кладов – черному *Αραпу*.

Четвертая группа МП с именем *μάρος* – духи-хранители построек, колодцев, пустынных мест (у малоазийских греков *μεσημεριάτικος μάρος* (sic!) (mesime'gjatikos 'moros) – ‘полуденный мор’. Считалось, что это черное привидение, живущее на развалинах старого дома, которое показывается только в полдень [11. Σ. 394]). Н. Политис приводит две любопытные былички с Закинфа, где *Μάρος* описывается как хранитель дома³, домовый, наказывающий за непочтительное отношение или нарушение запрета и наделяющий всю семью богатством и здоровьем, открывающий клад за уважение к себе [17. № 419, 420]. В говоре ионических островов есть существительное *μάρος* со значением ‘чернокожий человек’, поэтому в данном случае народная этимология слова оказывается прозрачной, можно даже сказать, что ионическому названию *мор* в других областях Греции будет соответствовать лексема *αραп*.

³ В одной из быличек его так и называют: *Μάρος, το στοιχείο του σπιτιού* (‘Морос, дух дома’) [17. № 420].

Надо отметить, что персонаж с именем Μόρος⁴ был известен и в древнегреческой мифологии: “Νύξ δ’ ἔτεκε στρυγερὸν τε Μόρον καὶ Κῆρα μέλαιναν⁵...” (“Ночь родила еще **Мора** ужасного с черною Керой...”). Правда, мы не обладаем точными данными о характеристиках этого существа⁶, однако, как представляется, интересным может оказаться тот факт, что в Древней Греции этот персонаж был мужского пола, а в современной Греции часто встречаются имена как мужского рода, так и женского. Вероятно, здесь мы имеем дело с МП, название которого восходило к общему индоевропейскому корню *mer-/*mor- (см. [20. С. 48–57]), от которого произошли имена славянских МП. (Описывая гнездо *mer-, В.Н. Топоров отмечает «длительность» этого глагола; умирание как постепенное стирание элементов жизни, опустошение; наличие форм с огласовкой *o* типа слав. *morъ ‘мор’, лит. *māras* ‘мор’, ‘чума’, соответственно *moriti, лит. *marinti, marėti*, ср. др.-инд. *mara-* ‘смерть’ и под., а также персонифицированные образы смерти типа слав. Мары, Морены, моры или др.-инд. Мары...» [20. С. 51]. В другой работе, говоря об этих же МП: “При сопоставлении элементов уровней I–RS и II–RS на общеславянском фоне представления о с м е р т и выражаются в общеслав. *Morena, Mora, Mara*, при этом моры и мары – существа той же природы, но более низкого уровня” [21. С. 187]; а также о Маре, Морене, Море см. [22. С. 196–198, 220 и др.]..)

Таким образом, несмотря на то, что в мифологии Древней Греции присутствовал персонаж под именем *Μορ* ‘смерть’, в демонологии современной Греции, очевидно, не сохранилось остатков этих поверий, но появились две отдельные группы персонажей с похожими именами: *μόρα* и *μόρος*. Для МП *μόρα* характерны черты, присущие широко распространенному в славянской культуре женскому демону *мора/мара*, а именно женский облик и функция “душить по ночам людей”; при этом названия типа *μόρα* характерны для Северной Греции, соседствующей со славянскими Болгарией и Македонией, что дает основания предположить, что данная лексема, а также сам МП имеют славянское происхождение. Для мужского персонажа под именем *μόρος* характерным ареалом распространения являются западные районы Греции, в говоре которых присутствует слово *μόρος* – ‘мавр’, и здесь можно говорить об итальянском влиянии (сравни ит. *moro*, см. выше) на греческий фольклор.

Последний пример, который будет нами рассмотрен, в научных кругах впервые был упомянут как славянское заимствование Ф. Малингудисом: «В определенных частях Центрального Пелопоннеса (Гортиния) все еще существует народное поверье, что, если новорожденный умирает некрещеным, он принимает образ мифического животного и возвращается по ночам, творя безобразия. Среди прочего, “он является ночью во сне своим родителям и требует сообщить его имя или приходит и сосет материнскую грудь”. Заметим, что в той деревне в Гортинии, где это поверье записано в 20-х годах и где реликтные древнеславянские топонимы существуют до сих пор, этот демон называется *σμερδάκι*. Корень слова, если отбросить греческий суффикс-*ακι*, не-

⁴ В качестве имени какого-либо персонажа это слово употребляется только у Гесиода [18. С. 678].

⁵ См. Тесиду “Теогония”, строка 211.

⁶ В древнегреческом языке *μόρος* ‘судьба, рок, смерть’ как производное от *μείρομαι* [19; 18. С. 678].

сомненно славянский. Это термин, употребляемый в демонологии славян, осевших в этом районе около середины VII в., и еще сохраняющий свой изначальный семантический контекст *smьrdь* ‘устрашающий’. Если иметь в виду, что народные верования этой области в той форме, в которой они дошли до нас, являются продуктом синкретизма (т.е. амальгамой верований, которых придерживались греческие и славянские этнические элементы), то можно вычлени́ть славянский компонент, основанный на архаическом значении термина *smьrdь* = “устрашающее создание, которое среди прочего похищает женское молоко”. Тот же самый мотив можно встретить в народных верованиях Центральной Греции: пастухи в некоторых частях Этолии (где, судя по топонимам, славяне осели в средние века) верят, что ночами появляется демон, в облики́и разных диких зверей, и разными способами вредит их скоту. Среди прочего, они считают, будто это существо имеет половые сношения с овцами или крадет их молоко. В местном диалекте демон называется *σμέρδι* (слав. *smьrdь*) или *ντιβέτσικας*, что происходит из слав. *diveč* < *divь*. Факт местного, славянского происхождения этого слова помогает лучше истолковать данный феномен» [23. С. 88–89]. Действительно, поверья о вредоносном демоне, происходящем из души умершего младенца, насылающем болезни на скот, вступающем в половой контакт с животными и “крадущем” молоко, характерны для всего греческого континуума, от Крита до Эпира, однако названия этого персонажа сильно различаются в зависимости от локальной традиции. Обычно рассказывают, что он появляется в виде барана или козла и нападает на стадо овец, покрывает несколько животных, у которых после этого вздуваются животы, чернеет мясо, и они в муках погибают. Речь идет, по-видимому, о случаях заражения сибирской язвой, которую, как считается, и приносит с собой этот “овечий демон” (подробнее о МП см. [24]). В разных областях Греции эти демоны называются *χαμοδράκι* [17. № 581] (диалектные варианты: *χαμοθράκι*, *χαμουθράκι* [17. № 567])⁷, *Τελώνιο* [17. № 579, 584] – это название со значением ‘дух, привидение’ используется также в отношении других демонов, *ζουλάπι* [17. № 578], *Κωλοπάνις* [25. Σ. 617], *Πάνος*, *Πάνιος*⁸ [17. № 560]; в Мани встречается название *αγρινικό* или *αγριμικό* (от *άγριος* ‘дикий’⁹). Имена, которые Ф. Малингудис возводит в славянскому *divь*, встречаются в Навпактии (юг Центральной материковой Греции): *ντεβέτσικας* [25. Σ. 39], или *ντιβέτσικας* [26. Σ. 617]. Согласно версии греческого ученого К. Апостолопулоса, это саракацинское заимствование [26. Σ. 617], что представляется спорным. По нашему мнению, происхождение этого названия требует дальнейшего глубокого исследования, и сейчас рано утверждать, что оно было заимствовано именно из славянских языков.

⁷ Это слово имеет неясную этимологию, однако известно, что оно состоит из двух частей: *χάμα* ‘низ’, ‘земля’ и *δράκων* ‘дракон’. О его истории Политис пишет, что это название связано, по всей видимости, с представлениями о появлении демона *χαμοδράκι* в образе младенца или о его происхождении от души брошенного или некрещеного младенца, так как новорожденного в Греции часто называли *δράκος*.

⁸ Модифицированный образ известного в древнегреческой мифологии козлоногого Пана, представления о котором сохранились до наших дней.

⁹ Собственные записи из восточной средней Мани (февраль 2000 г.). Такое название объясняют тем, что демон часто предстает в виде одичавшей собаки или шакала.

Наибольшее число исследованных нами источников в качестве имени “овечьего демона” указывают слово *σμερδάκι* [zmer'daki] [17. № 561, 563, 564, 567, 568, 571, 573, 574, 575, 577, 578] с его диалектными вариантами: *σμηθράκι* [17. № 580], *σμηδράκι* [17. № 587]. Примечательно, что по своей структуре эта форма уменьшительная, образованная с помощью суффикса *-ακι*, однако именно она наиболее распространена в Греции. Полная форма, без уменьшительного суффикса, нам встретилась всего один раз: *σμερδί* [26. Σ. 617]. Н. Политис возводит этимологию этого слова к прилагательному *σμερδ(ν)ός*, первое значение которого ‘трудный, плохой’, а второе ‘внебрачный, незаконнорожденный, неестественный’. В комментариях к своим “Быличкам” он пишет: “В народных поверьях умершие незаконнорожденные дети становились овечьими демонами и назывались *σμερδά* (т.е. *σμερδαλέα* ‘страшные’), а уменьшительно – *σμερδάκια*” [2. Σ. 314]. Если все же прислушаться к доводам Ф. Малингудиса и посмотреть на географию распространения термина *σμερδάκι*, оказывается, что эти названия действительно характерны для тех областей Греции, где с VII в. проживали славяне, ассимилировавшиеся с греками уже к концу средних веков: это опять же Навпактия (юг материковой Греции) и, в гораздо большей степени, центральный Пелопоннес (Аркадия, Мессиния, Трифилия, Триполи, Гортиния и т.д.), причем на Пелопоннесе эти названия имеют довольно компактный ареал распространения с четко выделяемым центром – Мантиния в Аркадии, где упоминания о МП с именем *σμερδάκι* наиболее часты. Здесь же наряду с именем *σμερδάκι* употребляются и другие названия этого демона: *είδουλο*, *χαμοδράκι*, *δαμονικό*. Не углубляясь в подробное исследование соотношений основных характеристик МП с его именем, отметим, что в тех областях Греции, где слово *σμερδάκι* неизвестно, но присутствуют поверья о подобного рода демонических существах под другими именами, сам образ этого МП нечеткий, имеет размытые характеристики, само существо отличается значительно меньшей вредоносностью, чем аналогичный пелопоннесский демон, и практически отсутствуют упоминания о его половых сношениях с домашним скотом.

Насколько нам известно, в мифологическом словаре современных южных славян отсутствуют термины–имена МП, производные от корня *smrdъ*, и можно предположить, вслед за Ф. Малингудисом, что здесь мы имеем дело с реликтами некоего раннеславянского верования, или, даже шире, с остатками сохранившихся на территории проживания славян в Греции поверий об отдельном персонаже славянской демонологии, который был ассимилирован демонологией греческой.

Говоря о славянских заимствованиях в греческой мифологической лексике, на примере рассмотренных нами случаев можно определить несколько критериев их классификации. Мы выделяем “явные заимствования” (*βίλα*, *σμέος* и т.д.) и “спорные случаи” (*μόρα*, *σμερδάκι* и т.д.); диалектные варианты, используемые на ограниченной территории (*σμέος*, *μόρα* и т.д.), и общегреческие “родовые” термины (*βρικόλακας*); древние заимствования (*σμερδάκι*, *βρικόλακας* и т.д.) и относительно недавние (*σμέος*, *μάρος* и т.д.).

Довольно часто вместе с именем заимствовались и некоторые “славянские” черты МП, нехарактерные для аналогичного греческого демона (см., например *σμέος*), или греческой культурой принимался целый комплекс ключевых поверий о том или ином МП (например в случаях с *μόρα*, *σμερδάκι* и т.д.), или же, наоборот, в греческий язык приходила славянская лексема и затем полу-

чала широкое повсеместное распространение (например *βρυκόλακας*), но основные характеристики славянского персонажа (например способность к оборотничеству, важная особенность славянского вѣрколака) не переходили в греческую культурную традицию (*βρυκόλακας* описывается как зооморфное существо сравнительно редко, чаще преобладает антропоморфная ипостась).

Аспект славянского влияния на лексику и, шире, мифологию современной Греции представляется чрезвычайно важным для изучения греческой культурной традиции и культурной традиции Балкан в целом, и требует дальнейшего систематического исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
2. *Πολίτης Ν.Γ.* Μελέται περί του βίου και της γλώσσης του ελληνικού λαού. Παραδόσεις Τ. Β'. Αθήνα, 1994.
3. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995–2004. Т. 1–3.
4. *Κλιμοва Κ.Α.* Стихью – дух-покровитель места в новогреческой мифологии и некоторые параллели в славянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006.
5. *Μουζάκης Σ.Α.* Οι Βρυκόλακες, Δοξασίες, Προλήψεις και Παραδόσεις σε Καταγραφές από τους Αρχαίους, Βυζαντινούς και Μεταβυζαντινούς Χρόνους, Αθήνα, 1989.
6. *Μείζον Ελληνικό Λεξικό.* Αθήνα, 1997.
7. Българска митология. Енциклопедичен речник / Съст. А. Стойнев. София, 1994.
8. *Иванов В.В.* Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1975. Т. 34. № 6.
9. *Μπαμπινιάτης Γ.* Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 2002.
10. *Κλιμοва Κ.Α.* Вурдалак в народной культуре современной Греции // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых. М., 2003.
11. *Dukova U.* Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen. München, 1997.
12. *Αικατρίνης Γ.* Χαμένους πατρίδες. Το χωριό μας η Αγία Παρασκευή του Τσεσμέ (το Κιοστέ). Σκιαθος, 1984.
13. *Κριαράς Ε.* Λεξικό της Μεσαιωνικής Ελληνικής Δημόδους Γραμματείας. Τ. ΙΑ'. Θεσσαλονίκη, 1990.
14. *Μπουσμπουύκη Α.Δ.* Αυθεντικές ιστορίες παραφυσικών φαινομένων από την Πίνδο. Αθήνα, 1983.
15. *Ξηροτύρη Ζ.* Έθιμα και δοξασίες του λαού μας. Τ. Α'. Αθήνα, 1987.
16. *Ποномарченко (Κλιμοва) Κ.Α.* Восточные мотивы в новогреческой мифологии // В поисках “ориентального” на Балканах. Тезисы и материалы VII Балканских чтений. М., 2003.
17. *Πολίτης Ν.Γ.* Μελέται περί του βίου και της γλώσσης του ελληνικού λαού. Παραδόσεις. Τ. Α'. Αθήνα, 1904.
18. *Chantraine P.* Dictionnaire etymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1968–1980. Т. I–IV.
19. *Liddell H.G., Scott R.* Greek-English Lexicon. Oxford, 1996.
20. *Топоров В.Н.* Заметка о двух индоевропейских глаголах умирания // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
21. *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965.
22. *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.
23. *Μαλινγудис Φ.* К вопросу о раннеславянском язычестве: свидетельства Псевдо-Кесария // Византийский временник. 1990. Т. 51.
24. *Κλιμοва Κ.Α.* Σμερδάκι, или “овечий демон” // Московия. Проблемы византийской и новогреческой филологии. М., 2008. Т. 2 (в печати).
25. *Ξηροτύρη Ζ.* 'Ηθη-έθιμα και δοξασίες του λαού μας. Τόμος Ε'. Αθήνα, 1991.
26. *Αποστολόπουλος Κ.Δ.* Παραδόσεις περί ποιμενικών δαιμόνων εκ Λεύκης της Ναυπακτίας // Λαογραφία. Τεύχος ΙΖ'. Αθήνα, 1957–1958.

В. Й. МАНСИККА. Религия восточных славян. М., 2005. 368 с.

Рецензируемая книга представляет собою комментированное издание русского текста известного труда финского слависта академика Вильо Йоханнеса Мансикки (1884–1947) “Die Religion der Ostslaven. I. Quellen” (Helsinki, 1922). О существовании русского оригинала этой работы никакой информации до последней поры не было. Несколько лет назад фольклористу А.И. Алиевой посчастливилось обнаружить его в рукописных собраниях Славянской библиотеки Хельсинкского университета.

Насколько можно судить, именно русская версия была первоначальной. Трудиться над книгой о религиозных воззрениях восточных славян Вильо Петрович (как уважительно называли его русские коллеги) Мансикка начал незадолго до 1917 г. Дальнейшие события в России и обретение Финляндией независимости, вызвавшие ослабление связей финских ученых с российским научным книгоизданием, а также кончина А.А. Шахматова, много помогавшего своему ученику Мансикке в публикации его сочинений, по-видимому, сделали весьма затруднительным, если не вовсе невозможным, выпуск книги на русском языке и заставили автора подготовить ее немецкий вариант.

В настоящем отзыве внимание сосредоточено главным образом на “аппаратной” части русскоязычного издания: идеи и построение книги Мансикки нуждались в разборе по первом ее опубликовании, сейчас же труд финского ученого, изданный в свое время по-немецки, хорошо из-

вестен, вошел в фонд классических работ по истории религии славян, кроме того, специальная ретроспективная ее оценка дана публикаторами русского варианта.

Воспроизведенному тексту Мансикки, если не считать вступительной заметки А.И. Алиевой “Habent sua fata libelli” об архивной находке русскоязычной версии, предпосланы две статьи – “Судьба и труды академика В.Й. Мансикки...” А.И. Алиевой и “Труд В.Й. Мансикки в истории изучения славянского язычества” В.Я. Петрухина и С.М. Толстой. Книга сопровождается библиографией работ, ссылки на которые имеются в основном тексте. В Приложение к книге включены переведенная с немецкого статья В. Мансикки “Древнеславянское оплакивание покойников” (впервые опубликована в 1928 г. в “Mémoires de la Société finno-ougrienne”) и рецензия Е. Г. Кагарова на первое издание “Die Religion...” (впервые опубликован в 1926 г. в журнале “Этнография”).

Очерк “Судьба и труды...” претендует на то, чтобы “жизненный путь и научное наследие В.Й. Мансикки были бы охарактеризованы во всей полноте” (с. 18). Эта пространная статья насыщена именами и датами, географическими наименованиями, названиями различных учреждений и изданий, пунктуальными библиографическими сведениями о сочинениях как самого Мансикки (едва ли не заменяя в этом отношении полный список его ученых трудов), так и его предшественников и ближайших коллег, главным образом финских, цитатами из

рецензий, писем и других источников. Внешний, событийный, контур научной биографии Мансикки здесь представлен с завидной подробностью и аккуратностью, и мы должны быть благодарны автору статьи за столь обстоятельную его прорисовку. Однако если читатель ожидает анализа теоретических платформ Мансикки, хочет понять, в чем выражалась новизна его подхода к фольклорному материалу и свидетельствам письменных источников, в чем состояло существо его творческой полемики с другими исследователями, наконец, к каким выводам он приходит, обращаясь к той или иной конкретной проблеме, – а все это и должно было бы гарантировать обещанную полноту обзора, – то его, читателя, ждет некоторое разочарование. Содержательный анализ трудов Мансикки и его места в истории науки о народной культуре скуден, собственно интеллектуальная биография ученого в статье А.И. Алиевой в полнокровном виде не реконструируется. Мы видим скорее тень человека в светлом дверном проеме, чем его освещенное неповторимое лицо. Чуть ли не единственным исключением выглядит изложение и оценка книги “Über russische Zaubersprüche mit Berücksichtigung der Blut- und Verrenkungsregeln” (1909), когда автор обзора высветил одну из принципиальных идей Мансикки: вопреки традиционным трактовкам, строй и эпическая образность изученных заговоров не являются преобразенным во времени наследием языческой культуры, а испытали решающее воздействие библейской и апокрифической символики, даже более того – находят свои истоки непосредственно в христианской духовной традиции. Реферирование многочисленных остальных работ Мансикки по сути сводится к обозначению их тематики.

Другая вводная статья, написанная В.Я. Петрухиным и С.М. Толстою, существенно компенсирует неполноту первой, по крайней мере в том, что касается общего взгляда на разыскания Мансикки в области древнеславянской духовной культуры. Небольшая по объему, она содержит краткий, но весьма внятный очерк методологических и собственно религиозно-

ведческих позиций Мансикки. Замыслу финского ученого не суждено было осуществиться целиком, он создал лишь первую, источниковедческую часть задуманного многотомного исследования о характере религиозной системы восточных славян. Собственно аналитические разделы (следующий том предполагалось посвятить восточнославянскому культу мертвых, в которых должен был быть рассмотрены религиозные воззрения других славянских народов) остались нереализованными. Несколько ранее на сходном материале к сходной проблематике обращались М.Н. Гальковский в книге “Борьба христианства с остатками язычества Древней Руси” (1913–1916) и Е.В. Аничков в книге “Язычество и Древняя Русь” (1914), где решение источниковедческих вопросов занимает подобающе важное место. Сравнение взглядов и подходов Мансикки с позициями этих исследователей напрашивается само собою. Воспользовавшись такой возможностью, В.Я. Петрухин и С.М. Толстая попытались показать своеобразие определенных Мансиккой подходов к выбору источников и способам их интерпретации. «Гальковский реконструирует “языческую религию русских славян” в ее целостности, все ее основные культы и институты, а затем анализирует отношение церкви к язычеству и отношение язычества к христианству, выделяя главные “критические” точки, по которым разворачивается многовековая полемика между двумя религиозными системами... Аничков остается историком литературы и исследует христианские слова и поучения как явления средневековой литературной традиции, соблюдающие определенный литературный канон и потому не могущие служить прямым источником для изучения язычества... Мансикка... пытается рассмотреть данные письменных памятников (и археологические свидетельства), так сказать, в их исторической перспективе, проследить их соответствие позднейшим (вплоть до современных ему) данным, относящимся к верованиям и обрядам славянских народов и их соседей. И в этом смысле он выступает не только как филолог, но и как

этнограф, соединивший в себе достоинства русской научной филологической школы и финской этнографической научной традиции» (с. 50). Но данными сопоставлениями авторы статьи не ограничиваются. Проблема источников для воссоздания особенностей восточнославянского языка решалась и этнографом Д.К. Зелениным. Обращение к этой фигуре позволило очертить ситуацию еще полнее. В отличие от филологов, Зеленин “исходил не из свидетельств письменных памятников”, а избрал “отправной точкой современный ему или ближайший по времени, но наиболее аутентичный и главное – массовый этнографический материал, от которого можно было шаг за шагом двигаться вглубь истории, пользуясь сравнительно-историческим методом, так успешно освоенным языкознанием” (с. 51). В статье попутно возникает еще одна, более поздняя “сопоставительная” персона – известный “научный фантаст” археолог Б.А. Рыбаков, доводивший “метод т. н. исторической школы, согласно которому любому фольклорному мотиву должны были соответствовать вполне определенные исторические или археологические реалии” (с. 52) до соположений и догадок совершенно анекдотического свойства.

В своей совокупности обе вводные статьи, несмотря на названный недостаток первой из них, дают базу для понимания фигуры Мансикки, характера его книги и предложенных им принципов фундаментального исследования.

Текст самого Мансикки, понятно, занимает большую часть книги – две трети ее объема. Насколько можно понять без сличения с рукописью, он воспроизведен с достаточной тщательностью (о погрешностях ниже). Текст русской рукописи расширен переводами отсутствующих в ней Предисловия и Дополнений (“О богах летописи”), взятыми из немецкоязычной публикации (переводы выполнены Т.В. Кудрявцевой).

Издатели вновь обнаруженного варианта книги не прибегали к редакторской правке, сохраняя особенности русского текста (исключая приведение его к теперешним орфографическим нормам). Мансикка писал очень добротным рус-

ским языком, хотя погрешности против строгих грамматических правил или стилистическая небрежность у него, пусть редко, все же встречаются. Например, совершенный вид управляемого инфинитива в сочетании со словом *обычай*: “обычай *сжечь*” (с. 59), “обычай *сложить*” (с. 76). Или лишнее, вставленное по инерции и повреждающее смысл отрицание *не* в пассаже “...нельзя все же *не* согласиться с мнением Рожнецкого... будто бы клятва над оружием была совершенно неизвестна другим народам. Мы располагаем в этом отношении, напр., свидетельством клятвы над оружием у остяков” (с. 75).

Комментарии, которые составлены опытными специалистами – археологом и историком культуры В.Я. Петрухиным, лингвистом и фольклористом С.М. Толстоу, призваны отразить современные взгляды на предметы (исторические факты, мифологические связи, этнографические параллели, этимологии и проч.), которых касается Мансикка.

Ориентируя читателя в современном состоянии дел, составители комментариев придерживаются обдуманной лаконичности, а нередко, стараясь не перегрузить читающего излишними пересказами, просто ограничиваются библиографическими справками. Однако, как показалось рецензенту, в ряде содержательных поправок и добавлений краткость действует в ущерб полноте и корректности суждений. Например, справедливо отклоняя сравнение слова *радуница* с литов. *rauda* ‘жалоба’ и ссылаясь только на словарь М. Фасмера, комментаторы говорят (с. 308) лишь о включенности названия праздника в этимологическое гнездо **rad-*, но не упоминают версии А.А. Потебни, трактовавшего слово *радуница* как связанное с корнем **rod-*, к чему позже склонился и В.Н. Топоров (обобщая в балто-славянском гнезде **rad-* слова **radъ(jь)*, **rodъ*, *raděti* и др.). В одном из примечаний говорится, что “*бог* – праслав. заимствование из иранского...” (с. 304); следовало, может быть, сделать оговорку “по одной из точек зрения”: в иной – и, кажется, более весомой – версии славянское **bogъ* рассматривается не как заимствование, а как исконное слово,

родственное арийским лексическим фактам. На с. 95 восточнотюркское (по Мансикке, “каракиргизское”, т.е. киргизское в современной номенклатуре) слово *байга* ‘скачки (часть поминального ритуала)’ сравнивается автором с рус. *бега*; в комментариях нужно было, наверное, пояснить устаревший этнический термин и показать, что как заимствование из русского это слово рассматривал позже лишь К. Менгес, прочие же тюркологи придерживаются иных точек зрения на происхождение слова, видя в нем элемент исконного словаря. По соображениям обстоятельности в комментариях, возможно, следовало указать, что некоторые почерпнутые Мансиккой из этнографической литературы диалектные формы и выражения являются испорченными (“олитературенными”): *бог коров*, *род Власиевский* – вместо *коровий бог*, *власьев род* (С. 290, 291) и др. Всеми этими мелкими пропусками при оценке комментария в целом можно, однако, спокойно пренебречь.

К более существенным недостаткам издания, затрудняющим пользование им, следует отнести чрезвычайно неудобную нумерацию редакторских комментариев. Располагающиеся в конце книги примечания, для обозначения которых выбрана тяжеловесная римская цифирь, отсылающая к нужному месту в основном тексте, нумеруются по отдельности для каждого из восьми его разделов – всякий раз заново. Поэтому нахождение нужного примечания осложняется необходимостью отыскания сперва страницы, с которой начинается комментирование данного раздела (при этом в оглавлении нарушена система абзацных отступов, должествующих отражать иерархию частей текста). В относительно небольшой книге разумнее было бы применить сплошную нумерацию примечаний (скажем, арабскими цифрами в квадратных или ломаных скобках). Неудобство выбранного способа заметно из того, что сами составители комментария в нем много раз путались. Так, на с. 48 (вступительная статья “Труд В.И. Мансикки...”) имеются приглашения смотреть (“см.”) примечание LV вместо правильного XLIV и примечание XXXIX к “стр. 122”

вместо “стр. 187”. На упомянутой с. 122 имеется отсылочная цифра СХШ к примечанию, в комментариях под такой численной пометой отсутствующему (по-видимому, след первичной сплошной нумерации примечаний, от которой составители справочного аппарата потом отказались). На с. 301 встречается вовсе загадочная отсылка с буквенным номером: “Выше (прим. е) уже говорилось...”.

Недостатком аппаратной оснащенности комментария является также отсутствие списка сокращений, применяемых в библиографических отсылках (он потребовал бы очень незначительного объема – может быть, немногим более половины страницы). Конечно, для языковеда-слависта опознать аббревиатуры СРНГ или ЭССЯ несложно. Но книгу будут держать в руках не только лингвисты. И если читатель-непрофессионал окажется любопытным, то ему придется разыскивать места в тексте комментария, где эти сокращения вводятся впервые: труд нелегкий, рецензент в этом убедился. Растолкования упомянутых выше аббревиатур он найдет, о том, что такое “Фасмер” и “МНМ”, скорее всего догадается, но вот сокращения “SJPД”, “БЕР” и “Skok” для читателя, который их ранее не встречал, рискуют остаться неидентифицированными. Наряду с принятыми сокращениями, которые расшифровываются однозначно, в комментариях встречаются внутритекстуальные адресации “Зеленин. Указ. соч.” и “Страхов. Указ. соч.”. Не было бы беды, если бы в предшествующих комментариях цитировалось или упоминалось только по одному сочинению Д.К. Зеленина и А.Б. Страхова, но трудности опознания усугублены тем, что указываемых там сочинений у каждого из этих авторов по меньшей мере два.

Библиографические справки в комментариях, к сожалению, не всегда пунктуальны. Опущены, например, выходные данные при упоминании работ А.И. Рогова (С. 311), С. Коллинса (С. 328), неточно воспроизведено название книги автора настоящей рецензии (С. 313).

Следующий после комментариев библиографический список (составленный

Н.П. Барановой и Д.С. Менделеевой) включает только труды, с которыми имел дело Мансикка, и ставит своей задачей снятие “глуховатого” характера ссылок, приведение к нормам, принятым сейчас. Работу над этим справочным разделом книги трудно назвать профессиональной. Многие неполные у автора ссылки (особенно на статьи в периодике) в библиографии не раскрыты, очевидно, по причинам редкости изданий в наших библиотечных собраниях и невозможности описать их *de visu*. Не менее десятка упоминавшихся работ пропущено вообще, среди них широко известные и вполне доступные (например “История...” Н.М. Карамзина, упоминаемая на с. 109, славянский этимологический словарь Э. Бернекера на с. 294, “Белорусский сборник” Е.Р. Романова на с. 295...). Если составители хотели взять за обычай кроме описания оригинального издания давать указания и на позднейшие репринты, то он не стал для них строгим правилом: упоминаются переиздания, например, сочинений Е.В. Аничкова, М.Н. Гальковского, Е.Е. Голубинского, В.О. Ключевского, И.И. Срезневского или А.А. Шахматова, но беспечно пропущены переиздания трудов А.Н. Афанасьева (“Поэтические воззрения славян на природу”), Б.Д. Гринченко (“Словарь украинского языка”), В.И. Даля (“Пословицы русского народа”), И.П. Сахарова (“Сказания русского народа”) и другие, не говоря уже о критических воспроизведениях текстов русских летописей и иных памятников. При целом ряде наименований (Дионисий Фабриций; Lippert; Olgrik; Rasmussen; Varonen и др.) нет выходных данных. Название одного и того же издания хроники Мацея Стрыйковского фигурирует в списке дважды в разных вариантах (С. 347). Более остальных пострадали в этой библиографии издания на латинице. Отданные им страницы пестрят опечатками, грубыми ошибками (например *Igra-* вместо *Jugra-*, с. 346), свидетель-

ствами составительского невладения языками (многократные случаи неосознаваемого “англизирования” немецких написаний, приписывание “гачеков” венгерской графике, пропуски диакритических знаков, неверная лемматизация имен, которые в оригинальных названиях по-латыни представлены родительным падежом...). В книге, выпущенной под маркой академического учреждения, такое состояние одного из важных звеньев научно-эдиционного оснащения вызывает огорчение. Попутно отметим неприятные опечатки в иноязычных словах и собственных именах в других местах книги, если, конечно, какая-то часть этих начертаний не перенесена механически из рукописи Мансикки: чешск. *život* (С. 62), *Torfaes* вместо *Torfaeus* (С. 102), *Roźniecki, Roźniecki* вместо *Roźniecki* (С. 282, 343), польск. *slownik* (С. 282), греч. *Βλάσιος* с двумя ударениями (С. 292), *Велєзú(!)*, сомнительная албанская форма *Vълєс* (С. 294), *Jagič* вместо *Jagić* (С. 296), укр. *анализ* с ошибочным *и* вместо *і* (С. 308), греч. *πλοῦτων* с диакритикой, выбранной из компьютерной таблицы символов “наугад” (С. 314), и др.

Эти недочеты (указанные здесь скорее по необходимости, чем из острого желания выставить упущения публикации напоказ) досадны, они, конечно, снижают впечатление от рецензируемого издания, но ценность его и интерес к нему определяется все же иным.

Восстановлена еще одна страница истории многотрудной науки о древней восточнославянской культуре. Русский читатель получил возможность прикоснуться к оригиналу одного из наиболее заметных исследований русского язычества и его отношений с побеждающим христианством.

Важность и полезность книги как целого сомнений не вызывает.

© 2008 г. А.Ф. Журавлев

М.І. ЗУБОВ. Лінгвотекстологія середньовічних слов'янських поучань проти язичництва. Одеса, 2004. 336 с.

М.И. ЗУБОВ. Лингвотекстология средневековых славянских поучений против язычества

Начиная с последнего десятилетия ушедшего века интерес к проблемам, относящимся к изучению славянского язычества, значительно возрос. Это связано, с одной стороны, с накоплением весьма значительного по объему сравнительного материала в области индоевропейских религий и мифологий, расширением источниковой базы для исследования собственно славянской традиции, как в филологии, так и в археологии; а с другой – с разработкой новых методик и подходов в изучении данной проблематики.

Одной из главных проблем, с которыми сталкиваются исследователи славянского язычества, является недостаток письменных источников. Дело в том, что период бытования славянского язычества не оставил нам письменных свидетельств, представляющих саму языческую традицию, которые можно было бы признать вполне надежными. За исключением сведений русских летописей, стоящего особняком “Слова о полку Игореве”, письменные источники по славянскому язычеству представлены в основном произведениями церковными, среди которых есть памятники специально посвященные язычеству – это так называемые *слова и поучения* против язычества. Тексты эти немногочисленны и практически полностью введены в научный оборот и опубликованы, причем по большей части еще в конце XIX – начале XX в. Но, к сожалению, далеко не все они хорошо изучены.

В свете этого уже давно назрела острая необходимость в критическом обзоре поучений против язычества, поскольку последние работы, в которых предпринимались попытки подобного обзора, вышли в свет еще в первой четверти XX в. В дальнейшем исследователи не раз об-

ращались к этим памятникам, но, выстраивая на почерпнутых из них сведениях свои концепции, обходили стороной их критический анализ. Рецензируемая монография является попыткой заполнить этот пробел.

В основу монографии украинского исследователя Н.И. Зубова легла защищенная им в 2005 г. докторская диссертация “Славянские поучения против язычества в лингвотекстологическом освещении”. Работа над этой темой велась автором уже давно. Подтверждением тому служат более тридцати публикаций вышедших в 1982–2004 гг., в которых были затронуты различные аспекты рассматриваемой в диссертации проблематики (см., например, [1; 2]).

Монография состоит из Введения, шести разделов и Заключения. Каждый раздел, в свою очередь, имеет подразделы. В девяти приложениях даны тексты основных разбираемых в монографии памятников: “S. Gregorii Theologi Oratio XXXIX. In sancta Lumina” (отрывок по изданию Migne J., Приложение А); “Св. отца нашего Григория Богослова... Слова на Святое Крещение” (отрывок по изданию А. Будиловича, Приложение Б); “Сказание о скверных богах эллинских” (Приложение В, публикуется впервые); “Слово св. Григория изобретено в толщех о том како первое погани суще языци кланялися идолом” (по четырем известным спискам и в переводе – Приложение Г–Ж, И); «39 Слово Григория Богослова “На святые светы явлений Господних”» (перевод отрывка, Приложение З). Монография снабжена указателями, что значительно упрощает поиск необходимой информации.

В довольно кратком Введении, обозначив объект, предмет и метод исследо-

вания, автор обосновывает его актуальность. По методологии исследование, согласно автору, лингвотекстологическое. Сущность лингвотекстологического метода заключается в многоаспектном анализе языкового материала памятника, выявлении взаимосвязи между текстологическими особенностями и языковыми различиями параллельных мест в списках определенного типа памятников.

Направление лингвотекстологического метода, как отмечает Зубов, имеет в данном случае и свои особенности. Одной из ведущих линий исследования является стремление смоделировать ход мысли славянских книжников на основании различий текстов, ошибок, пропусков в них, что вносит в исследование элемент историко-антропологического подхода.

В центре внимания поучения, направленные против рожаничного культа. Этот культ, часто упоминаемый в церковных поучениях, как правило, трактовался наукой как пережиток язычества. Однако о самом рожаничном культе известно мало, летописи о нем не упоминают, и подобная его трактовка требует более тщательного анализа источников.

Свой подход к церковным поучениям сам автор характеризует как попытку нового “прочтения”, переосмысления рассматриваемого им литературного наследства с учетом современного исследовательского опыта. Несмотря на то что круг древнерусских письменных источников в целом постоянен, на различных этапах такое переосмысление, безусловно, необходимо. Определение этих памятников как антиязыческих не вызывает возражения, но Зубов обращает внимание на другой аспект – *слова и поучения* как словесный жанр того времени. “В таком аспекте, который мог бы создать особый предмет содержательного исследования, предмет, значительно отличный от традиционного, церковные поучения исследованы явным образом недостаточно, а в течение последних многих десятилетий (фактически от начала прошлого XX столетия) к ним как к филологическим объектам практически никто не обращался” (с. 15–16).

Особого внимания, как считает Зубов, заслуживают два памятника – “Сло-

во св. Григория в толцех...” и “Слово Исаяи пророка истолковано святым Иоанном Златоустом о поставляющих вторую трапезу роду и рожаницам”. Как справедливо отмечает Зубов, их анализ, как и других подобных поучений, “невозможен без учета свидетельств большого комплекса памятников, начиная от библейских текстов, канонических постановлений церкви и т.п. и завершая коротенькими упоминаниями рода, рожаниц, рожаничной трапезы в древних восточнославянских поучениях” (с. 14). Исследование этих памятников имеет существенное значение для решения ряда более важных проблем культурной истории славянства.

Первый раздел монографии – “Методологические аспекты исследования церковных поучений” открывается кратким историографическим обзором. Автор считает, что исследователи либо, увлекшись анатомированием текста, не замечали глубинной целостности памятников (см. [3]), либо мало затрагивали лингвистическую и текстологическую стороны проблемы (см. [4; 5]). Среди последних работ автор обращает внимание на исследование А. Калоянова и Т. Моллова [6], отстаивающих точку зрения, согласно которой “Слово св. Григория в толцех...” принадлежит болгарской этнокультурной традиции. Несмотря на спорность такого мнения, работа содержит интересные попытки объяснения нескольких темных мест данного поучения. Также Зубов отмечает перспективность исследований А.С. Щекина, основное внимание уделяющего лингвистическим и текстологическим аспектам анализа этого поучения. Зубов выражает признательность за творческий диалог на уровне публикаций В.Я. Петрухину, который, освещая вопрос славянского язычества, немало внимания уделяет рожаничному культу (см. [7], а также [8. С. 391]). Зубов заключает, что “вопрос о глубинном содержании антирожаничных поучений, их истоках, взаимосвязях, месте в культурно-хронологическом контексте Руси и тому подобное – все это теперь остается открытым для обсуждения и нуждается в таком обсуждении” (с. 20).

Рассматривая общеметодологический контекст исследования церковных поучений, Зубов указывает на невнимание исследователей к проблеме отображения в отмеченном круге письменных произведений внутрицерковных богословских вопросов, а этот аспект чрезвычайно важен для адекватного понимания содержания средневековых источников.

Зубов обращает внимание на своеобразный парадокс: без цитирования рассматриваемого круга источников не обходится ни одно исследование в области славянской мифологии, однако сами памятники в аспекте их целостной содержательности оставались в течение длительного периода вне круга научного внимания. И хотя в последние годы появляются исследования, посвященные славянскому язычеству, базирующиеся на обращении к первоисточникам, по мнению Зубова, все более заметно недостаточное понимание их содержания.

Как отмечает Зубов, в связи с тем, что церковные поучения так или иначе всегда связаны с богословской проблематикой, а не только с критикой пережитков язычества, следует внимательнее искать в содержании поучений проявления такой проблематики. Это поможет лучше понять целостное значение данных произведений в контексте древнерусской культуры. Путь к поискам подобных связей лежит через сопоставление содержания конкретного памятника с содержанием других церковных памятников и библейских текстов.

Рассматривая методологию интерпретации исторического текста, которая связана с проблемами понимания исторического слова, Зубов обращает внимание на многогранность понятия текста. По его мнению, необходимо привлечение к рассмотрению вопроса базовых идей дискуртологии. Без учета дискурсивных параметров, без учета того, какое место в общественном сознании занимали те или иные цитаты, выражения, слова, без учета семиотической нагрузки таких единиц исторический текст не может быть адекватно понятым и полноценно истолкованным. Интерпретируя исторический текст и фактически приписывая его автору свое видение, исследователь является

главной фигурой, которая несет ответственность за трансляцию исторического содержания в современную науку.

В своей работе автор основывается на представлении о центонно-парафразовом характере средневековых текстов. Согласно этому подходу, предложенному И.Н. Данилевским (см. [9. С. 11–12 и др.]), древнерусские книжники для построения новых текстов использовали готовые смысловые блоки прецедентных текстов, в результате чего произведения приобретали несколько скрытых смысловых уровней, суть которых становится понятной лишь при обращении к прецедентному тексту.

Во втором разделе – “Подходы к анализу поучений: антирожаничная полемика” рассматривается древнерусский рожаничный культ. Зубов отмечает, что в летописях он не упоминается, в то время как церковные поучения ставят его на первое место. Рассмотрев научные трактовки этого культа, Зубов выделяет два подхода, сформировавшихся среди исследователей, – одни видят в *роде* и *рожаницах* главных персонажей высшего пантеона, другие – низших духов судьбы. По мнению автора, традиционные подходы к проблеме заводят в тупик.

Зубов предлагает принципиально новое понимание проблемы: “древние термины церковных поучений *рожаница*, *род*, *рожаничная трапеза* поначалу касались христианской Богородицы и отражали раннюю (очевидно, XII ст., о чем идет речь дальше) богословскую полемику против еретического течения с элементами арианского и несторианского характера, которая, возможно, связана с деятельностью самозванного епископа Феодорца и становлением Богородичного культа во Владимиро-Суздальской земле в период княжения Андрея Боголюбского” (с. 62).

Далее автор обращается к древнерусским аутентичным объяснениям сущности рожаничного культа, в которых его происхождение приписывается ересиарху Несторию. С точки зрения центонно-парафразового построения текстов эти объяснения являются вариациями 79 канона VI Вселенского церковного собора (690–691 гг.), запрещающего чествовать

роды Богородицы как роды обычных женщин-родильниц, поскольку это ведет к извращению христианской догматики.

Во второй рожаничной трапезе Зубов видит ритуальное родильное кушанье, поставляемое в честь рождения ребенка. Такую же трапезу в честь Рождества Христова и Богородицы церковь рассматривала как нарушение канонов, а потому неуклонно преследовала подобную обрядность на протяжении нескольких веков, что подтверждается разными историческими источниками.

В третьем разделе – «“Слово св. Григория о том, како первое погани суще языци кланялися идолом...”: лингвотекстологические аспекты», рассмотрев списки, издания и научные интерпретации поучения, Зубов анализирует тот эллинистический контекст, в котором появился данный древнерусский памятник. Поучение написано на основании византийского образца – “39 Слова Григория Богослова...”, перевод которого известен в трех редакциях. По мнению Зубова, “Слово св. Григория в толцех...” не обнаруживает влияния распространенных на Руси толкований Никиты Ираклийского, а потому появление его следует искать в более раннем периоде, чем период формирования второй или третьей редакций перевода. Основой для древнерусского поучения, по мнению Зубова, стала первая редакция “39 Слова Григория Богослова...” в его древнеболгарском переводе XI в.

Относительно списков самого поучения Зубов заключает, что наиболее близок к первичному смыслу поучения список Новгородской Софийской библиотеки, протограф которого восходит к концу XII в. Комментарии также свидетельствуют о точной передаче главной идеи памятника – объяснения того, откуда взялся у славян культ богинь-рожаниц: он пришел от эллинов, поклонявшихся богиням, которые рожали богов-сыновою. В целом же, анализируя списки памятника, Зубов приходит к выводу, что каждый из них создавался независимо и что все они восходят к одному протографу.

В четвертом разделе – «Концептуальная парадигма “Слова св. Григория о том,

како первое погани суще языци кланялися идолом...”» автор переходит к анализу концептуальных микротем этого поучения.

Зубов приходит к следующим выводам. Данный памятник направлен прежде всего на разоблачение рожаничного культа, а все другое в нем лишь сопровождает главную тему. Этнонимия его скоординирована этим общим знаменателем. Критика проведения трапез-братчин в храмах имеет проекцию и на критику рожаничных трапез, которые тоже, по-видимому, могли в какое-то время проводиться в церквях.

Зубов предлагает свою трактовку известной из памятника трехчленной периодизации славянского язычества. По его мнению, речь идет о том, что сначала славяне поклонялись духам умерших, предкам (упырям и берегиням), а затем от эллинов научились поклоняться рожденным богам. В представлении книжника, которое имело мало общего с реальным язычеством, Перун, как и Осирис, рожден от рожаницы.

Рассматривая концепт тварности, Зубов заключает, что он касается “не идолов в виде их физически материального выполнения, а идолов ментальности, идолов духовно культурной жизни, борьба с которыми обнаруживает себя в мощном поле богословской мысли” (с. 174).

По Зубову, упоминание *вил* должно было находиться в анализируемом месте еще в том тексте, который послужил основой протографа всех известных списков памятника, еще до того, как в текст было внесено объяснение происхождения их названия через образ библейского Вила.

По мнению Зубова, “Слово св. Григория в толцех...” является содержательно целостным произведением, а не накоплением механических вставок в произведение Григория Богослова, как это представлялось Е.В. Аничкову и некоторым другим исследователям.

В пятом разделе – “Концептология других главнейших письменных памятников” в центре внимания “Слово Исайи пророка истолковано св. Иоанном Златоустом о поставляющих второую трапезу роду и рожаницам”. Согласно Зубову,

книжник придерживается мнения, что ставить трапезу *роду* и *рожанице* учат сами христианские проповедники, уклонившиеся от правильного учения. Относительно сближения рожаничного культа с культом предков Зубов отмечает, что эти культы в “Слове Исайи пророка...” противопоставляются книжником, который считал, что сначала славяне поклонялись духам своих предков, т.е. покойникам, а затем от эллинов научились поклоняться рожаемым богам, т.е. *рожаницам* и *роду*.

На основании анализа и сравнения библейских мифологических названий с названиями *род* и *рожаница* Зубов приходит к выводу, что за ними, по-видимому, нет выразительных функциональных соответствий к славянским названиям. Почвой для внесения славянских параллелей становится критика семитских языческих трапез в честь Астарты в церковных и библейских текстах. Поскольку в православии определение Богородицы как царицы небесной является фундаментальной константой, то это и может оказаться тем общим знаменателем, который совместил для церковного сознания неправедный рожаничный культ в честь Богородицы с соответствующей библейской критикой семитской “царицы небесной” Астарты.

Обратившись к “Слову некоего Христолюбца, ревнителя по правой вере”, Зубов отмечает, что в той части, где упоминается рожаничный культ (по мнению Зубова – поздняя вставка), также достаточно однозначно прочитывается, что не подобает смешивать Пресвятую Деву Богородицу с обычными женщинами-родильницами (роженицами).

Двойственность *рожаниц* Зубов считает не более чем внутритекстовой трансформацией, проникшей в источники и не имеющей ничего общего с действительностью. Он находит, что и эти памятники не содержат доказательств существования отдельных языческих персонажей *род* и *рожаница*, но они указывают на существование определенной богословской проблематики в тогдашнем общественном дискурсе.

Вопрос о наличии древнего восточнославянского значения “судьба”, “жребий”

для слова *род*, по мнению Зубова, нуждается в более весомой аргументации.

Относительно статьи “О вдуновении духа в человека”, в которой многие исследователи усматривают наличие противопоставления Род–Саваоф, Зубов отстаивает мысль, что начитанный книжник, зная название “род” из текста “Слова св. Григория в толцех...”, понял его так же, как позже поняли памятники его научные исследователи, и в контексте критики богомильской ереси образовал Рода как своеобразную параллель к Сатанаилу.

В шестом разделе – “Летописно-исторический контекст церковной полемики” Зубов предпринимает попытку выяснить исторический контекст богородичной проблематики. По его мнению, одним из общественно дискурсивных пиков такого обсуждения могла быть деятельность во второй половине XII в. самозванного епископа Феодорца во Владимиро-Суздальской земле: Феодорец был беспрецедентно свирепо казнен в Киеве за хулу на Богородицу. Привлекает внимание, что среди бесчинных действий Феодорца летопись называет закрытие им соборной церкви Богородицы во Владимире.

Анализ лексики Никоновской летописи приводит Зубова к выводу, что епископ Феодорец уклонился от догмата о непорочности и девичестве Богородицы. Летописец детально пишет о православных христианских взглядах на Богородицу. Очевидно, речь идет не о борьбе с языческим ренессансом, совместившем культ Богородицы с языческим культом рожаницы, как считают некоторые исследователи, а о христианском культе Богородицы, который именно в то время начинает особенно развиваться во Владимиро-Суздальском княжестве под патронатом Андрея Боголюбского. Феодорец из богословских соображений не соглашался с таким развитием. Таким образом, никакого языческого подтекста в источниках нет. Вместо этого богословская проблематика выходит на первое место.

Упоминание *рожаницы* в “Вопросах Кирика Новгородца к епископу Нифонту”, по мнению Зубова, имело бы смысл

лишь в том случае, если за ним стояла каноническая проблема.

Зубов ставит под сомнение принятое в славистике мнение о том, что славяне имели какие-то представления о родословной своих богов.

В теониме Сварог Зубов видит книжную конструкцию, вызванную необходимостью найти параллели к именам богов-патронов египтян. Функция Дажьдбога как покровителя русичей известна из такого независимого источника, как “Слово о полку Игореве”. Следовательно, в таком случае этот бог легко мог стать аналогом одного из “египетских”, тогда как название “сварожич” в таком контексте могло бы восприняться как патроним, из которого название Сварог добывается за счет лингвосистемных закономерностей.

Касаясь восточнославянского летописного пантеона, Зубов отмечает, что он обнаруживает элементы искусственности, а его теонимичный ряд появляется относительно поздно.

Анализ летописных статей от времени языческой реформы князя Владимира в 980 г. до обращения Руси в христианство в 988 г. приводит Зубова к заключению, что текст “Повести временных лет” за этот период целиком построен на использовании библейских параллелей и аллюзий с яркими лексическими и сюжетными соответствиями со Священным Писанием. В таком освещении летописный портрет Перуна (деревянный золотоусый и серебрябородый идол, поставленный на возвышении) также оказывается абсолютно прозрачной трансляцией чрезвычайно распространенной библейской критики деревянных, золотых, серебряных идолов, которым семиты поклонялись на возвышениях. А поскольку библейская атрибутика дистрибутивного характера (отдельно деревянные, золотые, серебряные болваны) сосредоточена лишь на одной фигуре Перуна, то это является аргументом к рассуждению, что сначала летопись действительно называла лишь одного Перуна, к которому имена других богов присоединились еще позже. Понимание всего комплекса характеристик летописания открывает определенные лингвотекстологические

перспективы в подходах к решению вопроса о появлении тиражируемого древнерусской книжностью списка восточнославянских богов.

В Заключении Зубов отмечает, что хотя восточнославянское язычество как таковое в работе не рассматривалось, результаты исследования имеют большое значение для его интерпретации.

В книге хронологически зафиксированы точки существования рожаничной проблемы, засвидетельствованные письменными источниками от первой половины XII ст. (“Вопрос Кирика Новгородца...”) до конца XVI ст. (соборное послание 1590 г. митрополита Киевского Михаила). Одним из кульминационных эпизодов борьбы с рожаничным культом может оказаться деятельность епископа Феодорца во Владимиро-Суздальской земле (60-е годы XII ст.).

Рецензируемая монография, являясь первым с начала XX в. исследованием, посвященным анализу поучений против язычества, несомненно, представляет значительный научный интерес как в плане предложенных реконструкций, так и в плане публикации ранее не изданных текстов. Однако построения Зубова не бесспорны.

Как отмечает В.Я. Петрухин, трактовка Зубовым *рода* и *рожаниц* как родительниц Перуна вступает в противоречие с античной мифологией об Аполлоне и Артемиде как порождениях громовержца Зевса и современными реконструкциями славянского “основного мифа”, в котором жена и дети громовержца оказываются “низшими” хтоническими существами (см. [7. С. 237–238]). Это замечание учтено Зубовым (с. 161–162), который отметил, что на позицию автора “Слова св. Григория в толцех...” не могла повлиять схема “основного мифа”. А использование книжником античной мифологии о рождении Апполона и Артемиды от Зевса, как считает исследователь, требует дополнительных доказательств. Но это все же не снимает поставленных Петрухиным вопросов.

Не во всем убедительно отрицание персонифицированности *рода* и *рожаниц*. Возведение *рода* до статуса верховного божества действительно малообос-

новано, но и “упразднение” *рода и рожаниц* как мифологических персонажей требует более тщательного анализа и рассмотрения всех возможных вариантов. Так, например, в “Слове Даниила Заточника” *род* встречается в пословице: “Дети бегают рода, а Господь пьяного человека” (см. [10. С. 23]).

Обвиняя Е.В. Аничкова в увлеченности анатомированием текста, сам Zubov, в свою очередь, увлечен представлением центонно-парафразового построения древнерусских текстов, предложенным И.Н. Данилевским. Однако центонно-парафразовое построение текстов свойственно скорее позднеантичной и западной риторике, на Руси риторика не получила такого развития. А также, как отмечал сам Данилевский, это противоречит теории литературного этикета Д.С. Лихачева.

Кроме того, здесь уместно обратиться к наблюдениям В.М. Живова относительно гетерогенности византийской культуры, выделив так называемые аскетическую и гуманистическую традиции. На Русь в результате ее христианизации была перенесена традиция аскетическая. Гуманистический компонент практически не имел на Руси своих представителей. Это обусловлено религиозно-культурной ориентацией и теми взглядами, которых придерживались приходящие на Русь из Византии миссионеры. С этим, по мнению Живова, связан и состав распространявшейся в Киевской Руси византийской литературы, где гуманистическая традиция не была представлена. “Те греки, которые попадали на Русь, как правило, и сами были с этой традицией мало знакомы, не ценили и, возможно, плохо понимали представляющую эту традицию тексты” (цит. по [10. С. 80]). Свою роль сыграли и особенности образования древнерусских книжников. Как справедливо отмечает Живов, на Руси, в отличие от Византии, образование носило исключительно катехитический характер. С этими наблюдениями согласуются выводы Е.В. Аничкова относительно двух различных взглядов на язычество древнерусских книжников. После крещения, когда с язычеством было “покончено” и наступила христиан-

ская эра, наши книжники, следуя Св. Писанию, не вспоминают “имен богов их” (Иисус Навин: 23:7), для них они исчезли, умерли. Такое умолчание становится в древнерусской литературе традицией и следует оно из утверждения, что языческие боги – бесы. Чтобы искоренить веру в них, нужно было убедить в этом людей. Второй взгляд основан на трактовке происхождения язычества в Св. Писании, согласно которому оно возникло вследствие забвения истинной религии, когда люди вместо Творца стали поклоняться твари, т.е. стихиям и видимой природе.

Причисление Сварога и Дажьдбога к книжным конструктам требует дополнительных доказательств. Что касается Сварожича, то он имеет западнославянские параллели. Радогост, главное божество лютичей, упоминается у ряда западноевропейских средневековых авторов (Титмара Мерзебургского, Адама Бременского, Бруно из Кверфурта) под именем Сварожича. На это обращал внимание еще Г. Ловмянский: “Так же, как и Сварожич, солнце-Даждьбог и Сварожич-огонь, этот Сварожич, по свидетельству Адама Бременского, имел личное имя – Радогост” [11. С. 139]. Впрочем, в одной из своих статей Zubov склоняется к мнению об ошибке хронистов и на основании ономастических данных приходит к выводу, что славяне не знали бога по имени Радогост [1. С. 47].

Относительно привлечения сведений Никоновской летописи следует заметить, что она содержит позднюю интерпретацию более ранних источников. И прямо проецировать на древность сведения памятника XVI в. не следует.

В целом же в монографии предлагаются интересные решения спорных вопросов, касающихся поучений против язычества. А главное, что взор исследователей вновь обратился к этой группе памятников, которые по-прежнему ставят больше вопросов, чем дают ответов относительно религиозных древностей славян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зубов Н.И.* Научные фантомы славянского Олимпа // *Живая старина*. 1995. № 3 (7).
2. *Зубов Н.И.* О периодизации славянского язычества в древнерусских списках "Слова св. Григория" // *Живая старина*. 1998. № 1 (17).
3. *Аничков Е.В.* Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.
4. *Mansikka V.J.* Die Religion der Ostslaven. I. Quellen. Helsinki, 1922.
5. *Мансикка В.Й.* Религия восточных славян. М., 2005.
6. *Калоянов А., Моллов Т.* Слово на тълкуваея – един неизползван източник за старобългарската митология // *Българска етнология*. София, 2002. № 4.
7. *Петрухин В.Я.* Древняя Русь. Народ. Князья. Религия // *Из истории русской культуры*. М., 2000. Т. I (Древняя Русь).
8. *Петрухин В.Я. Е.В.* Аничков и язычество древней Руси // *Аничков Е.В.* Язычество и древняя Русь. М., 2003.
9. *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001.
10. *Зарубин Н.Н.* Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932.
11. *Ловмянский Г.* Религия славян и ее упадок. СПб., 2003. С. 139.

Славяноведение, № 5

История культур славянских народов. В 3-х т. М., 2005. Т. II. От барокко к модерну. 586 с., илл.

Издание в целом представляет собой систематизированную историю развития славянского мира как макрокультурного явления от древности до настоящего времени, являясь проектом, разработанным и осуществленным Государственной академией славянской культуры при активном участии ученых из Института славяноведения РАН.

Всем трем томам (два из которых уже вышли в свет) предпослано Введение от редколлегии, в котором изложена авторская концепция. Целью издания является "отстаивание достойного места каждой славянской культуры в рамках европейской и мировой, в поддержании откровенного диалога о славянском мире со всеми, кто этого хочет" (Т. I. С. 15). Славянский мир, как видим, предлагается рассматривать в сложном и пестром по своему этностабу контексте европейской цивилизации (Т. I. С. 6). Исторически единство славянских культур обеспечивалось старославянским языком; общностью мифологических традиций, сохранившихся в фольклоре; связностью принятия христианства из Византии с

созданием и развитием славянской письменности, что вплоть до XI в. ориентировало Pax Slavica Christiana на восточнохристианский европейский мир, хотя споры за приоритеты на этих территориях между Римом и Константинополем известны еще в IX в. Историческое разделение на два ареала славянского мира Slavica Orthodoxa и Slavica Latina после 1054 г. определило как интеграционные, так и особые пути развития западных, южных и восточных славян в Средние века. Ренессанс в славянской культуре, считают авторы концепции, имел "во многом поверхностный характер" и "носил черты европейской моды" (Т. I. С. 10). Но Барокко "стало первым общим для разных славянских культур стилем без различия их конфессиональной ориентации". Авторы полагают, что можно говорить об "общеславянском Барокко как универсальном типе культуры" (Т. I. С. 10), в котором объединяется ученость, аллегоричность, чувственная пластика художественных форм и низовые, народные формы культуры. Эпоха славянского Просвещения характеризуется процесса-

ми распространения грамотности среди простого населения, с одной стороны, и интересом к собственному прошлому у образованных слоев населения, с другой. И то, и другое способствует “индивидуализации культуры”, гораздо в большей степени, чем это происходило в эпохи Ренессанса и Барокко.

Складывание национальных славянских культур, подъем патриотизма, осознание национальной идентичности впервые остро переживается в первой половине XIX в.; ко второй его половине – нач. XX в. славянские культуры, особенно в лице своих отдельных представителей, наоборот, вливаются в общий процесс европейского культурного развития и начинают оказывать на него активное влияние. В период между двумя войнами XX в. значимость общественно-политических и государственных задач для славян позволяет культуре славянского модерна продолжить процесс европейской интеграции и вместе с тем увлечься поисками собственных культурных традиций. После Второй мировой войны славяне оказались интегрированы в новое социально-политическое образование – лагерь социализма, что способствовало, как полагают авторы концепции, разделению культуры на “официальную и неофициальную ее составляющие”, считая наиболее плодотворным “третье течение, сочетавшее лояльность к власти и внутреннюю оппозиционность” (Т. I. С. 13). Постсоциалистическая реальность неблагоприятно сказалась на развитии славянских культур: натиск масскульта, лишенность финансовой поддержки, отток деятелей культуры за рубеж – так авторы видят современную славянскую культуру, выражая надежду на новый этап возрождения славянских культур в современном противоречивом процессе глобализации.

Рецензируемый второй том имеет подзаголовок “От барокко к модерну” и создан широким авторским коллективом. Ответственный редактор издания Г.П. Мельников сохранил академический принцип формирования авторского коллектива. Существенно, что нумерация глав в томе продолжена: издание начинается с 12, заканчиваясь 35 главой, что

лишний раз подчеркивает единство многолетнего проекта. Необходимо также отметить иллюстрации, дающие представление о художественной культуре славян этого периода

Второй том состоит из трех частей: 1. Славянские культуры в эпоху барокко; 2. Славянские культуры в эпоху Просвещения. 3. Национальное возрождение и развитие славянских культур в XIX в. Материал построен по страноведческому принципу, который, в силу известных исторических причин, авторам соблюсти было достаточно сложно (так, читателю ничего не сообщается о болгарской культуре XVII–XVIII вв.). Особенно это касается периодов, когда славянские народы были лишены государственной самостоятельности. Вообще, как это почти всегда бывает с такими объемными историческими исследованиями, оказалось, что стройно прописанная концепция не всегда выдерживается, когда авторы приступают к фактическому изложению материала. Это давно известная в методологии проблема: “логическое” – типологически выстроенная конструкция – приходит в противоречие с “историческим” – изложением фактов. Время гегелевской методологии, великих конструктов, предписанных истории, прошло. Но необходимость обобщать в истории не исчезла. Так, может быть, исследователь обречен на несоответствия?

Приведем еще пример. В концепции различаются два мирах славянской культуры: православный и католический. Но в авторских текстах имеются коррективы данной концептуальной конструкции, когда идет речь, например, о гуситских войнах и реформационном движении, захватившем Чехию. В главе “Культура Чехии” Г.П. Мельников приводит и другие факты, касающиеся Общины чешских братьев – радикальной чешской протестантской организации, из среды которой вышел крупнейший деятель чешской культуры Я.А. Коменский. Иными словами, внутри католического мира, как, впрочем, и православного, шла конфессиональная борьба и нельзя сказать, что славянский мир в его двух вариантах конфессиональной принад-

лжности не знал протестантского влияния.

Общая логика изложения, которой придерживаются авторы, достаточно традиционна. Как правило, они начинают с краткой характеристики социально-политической ситуации, затем переходят к идеологической и религиозной картине мира, излагая общественную, иногда историческую мысль, а также основные события в области образования, а с XVIII в. и в науке, а также развитии национальных языков. Затем характеризуются основные факты литературной, театральной, музыкальной культуры, изобразительных искусств и архитектуры. Преобладающим является не столько аналитический, сколько описательный принцип, на основе хронологической последовательности дающий фундаментальную картину культурных событий. К сожалению, лишь в главе о культуре чешского барокко (автор Г.П. Мельников) читатель может узнать о Я.А. Коменском и чешской эмиграции XVII в. в самостоятельном разделе (С. 10–17), но такие ключевые фигуры, как, например, Петр Могила в культуре украинского барокко или М. Ломоносов в русской культуре, не стали для авторов соответствующих разделов (М.В. Дмитриев и М.Н. Громов) путеводной нитью для анализа проблемного историко-культурного материала. Причем плотность самого материала и его все возрастающий к XX в. объем ведет, что естественно, к сокращению нарративов о том или ином историко-культурном событии. Текст потому иногда строится как краткое перечисление имен, произведений, направлений в искусстве, литературе и науке и становится похожим на добротное справочное издание. Эти соображения не умаляют его значимости, а свидетельствуют о сложности соединения метода типологизации культуры и описания культурных фактов.

Далее позволим себе остановиться более подробно на анализе части, посвященной культуре славянского барокко с тем, чтобы проверить утверждение авторов концепции универсальности барокко как типа, сложившегося во всех славянских культурах. Для большинства славянских культур XVII в. характерно раз-

витие литературы на национальных языках, а также интерес к истории своего народа. Это убедительно показано в главах о культуре Чехии (Г.П. Мельников) и Польши (М.В. Лескинен). Влияние польского барокко на Украину и, особенно, на развитие просвещения и образования известно. Нервом развития украинской барочной культуры (автор главы М.В. Дмитриев) стали отношения униатской и православной церквей, в которых нашел свое отражение поиск культурной идентичности украинского общества (С. 83–89, 96–101). В параграфе “Греко-католическая (униатская) культура Украины в XVII в.” показана борьба митрополитов-униатов за национальную автономию церкви. От Брестской унии 1596 г. ждали расширения образовательных возможностей для русинов. Просветительская деятельность Петра Могилы и его последователей изложена в параграфе “Православная культура украинских земель во второй половине XVII–XVIII в.” (С. 89–94). Дальнейшее развитие униатской культуры XVIII в. после Замойского собора 1720 г. в сторону “латинизации” поставило непреодолимый барьер между православным и униатским населением Украины (С. 95–96).

Совсем иные процессы характерны для культуры Белоруссии (авторы главы Ю.А. Лабынцев и Л.Л. Щавинская). Здесь ведущим языком становится польский, “на который переходит, правда, не целиком, православное монашество” (С. 103). Литературные школы, формировавшиеся в Вильно, Могилеве, Полоцке, Витебске, Гродно и других белорусских городах, подпадают под влияния контрреформационных идей, которые распространяли польские иезуитские коллегиумы, существовавшие в этих же городах и выполнявшие образовательные функции. Разделение на униатскую и православную культуру в Белоруссии происходит по социальным слоям: белорусская шляхта “все более и более полонизировалась”, в то время как крестьянство становилось продолжателем “кирилло-мефодиевской культурной традиции” (С. 107). Белорусское барокко имело достаточно много любопытных самобытных черт, выработавшихся в процессе синтеза запад-

ных, польских, и народных, крестьянских, влияний. Авторы отмечают, что это “синтетическое” барокко экспортировалось далее в Россию, безусловно, в православных формах культуры – через монастыри, литературу (творчество Симеона Полоцкого; отметим, вместе с тем, что образование он получал и в Киево-Могилянском коллегииуме), а также через ремесленных людей, резчиков по дереву, золотильщиков, мастеров изразцовых дел.

Культура России эпохи барокко (авторы М.Н. Громов и А.Н. Ужанков) хронологически представлена от середины XVII в. до второй половины XVIII в. – времени “разрушения старых средневековых канонов при переходе от теоцентрического типа культуры к антропоцентрическому” (С. 114). Светская культура побеждает религиозную, происходит, по мысли авторов, “вестернизация русской культуры (исключая народную)” – процесс, который завершится в эпоху Просвещения (С. 124). Появление в русской культуре этого времени образовательных систем (от Славяно-греко-латинской академии до Московского университета), рождение новых видов и жанров искусства, религиозная полемика между официальной, реформированной патриархом Никоном, православной церковью, и сторонниками старой веры, зарождение и становление научной мысли (Академия наук в Петербурге и деятельность М.В. Ломоносова) – все эти события нашли отражение в соответствующих разделах главы.

Сербское барокко (автор главы И.И. Лещиловская) в связи с переселением части сербов в монархию Габсбургов испытало на себе влияние как католицизма, так и протестантизма. Барокко проникло в эту культуру с трех сторон: восточное влияние – через Россию, юго-восточное – итало-критское и венское (С. 148–149). Однако средневековая традиция не была вытеснена барочной эстетикой и продолжала существовать. В сербском барокко также, как и в других славянских культурах, активен интерес к сочинениям, касающимся собственной истории. Однако процесс этот, связанный с творчеством З. Орфелина,

приходится на последнюю треть XVIII в., что смещает датировку барочных процессов в сербской культуре. Убедительно прослеживается русское влияние на творчество З. Орфелина.

Глава 18 являет собой собрание очерков по истории культуры Словакии, Словении, Хорватии, Далмации и Дубровника. Авторы (соответственно Г.П. Мельников, И.В. Чуркина, И.И. Лещиловская) отмечают те же процессы, связанные с языковыми поисками национальной идентичности, развитием литературы и исторических произведений. Для словацкой культуры важно сильное влияние чешского языка и культуры, а также хорватской, пограничная русинская культура сообщала словацкому барокко конфессиональное разнообразие и специфику форм сакральной архитектуры и искусства.

Культура Словении, сформировавшаяся в XVI в. под сильным влиянием протестантизма, а потому имевшая школы и книги на словенском языке с 1598 г., с начала правления на австрийском престоле католика Фердинанда II подвергалась речкализации. В книге приводятся впечатляющие факты, связанные с этим процессом. Понятно, что в таких условиях вывод, к которому приходит автор очерка, состоит в определении двух направлений развития словенской культуры: дворянская, бюргерская, церковная была близка немецкой и итальянской барочной культуре; крестьяне и бедные городские низы сохраняли свой язык и народные обычаи. Следовательно, словенская культура этого периода имела фольклорные черты.

Еще в большей степени венецианское, немецкое, а также турецкое влияние испытала на себе культура Хорватии, Далмации и Дубровницкой республики – вассала Турции. Хорватия не имела к тому времени единого литературного языка (существовало 3 диалекта), однако и здесь темой поэтических, драматических и прозаических произведений и эпических поэм становились историческое давнее и недавнее прошлое народа. Существенно, что языком учености и здесь оставалась латынь, на кото-

рой создавались и религиозно-поэтические, и дидактические произведения.

Размер рецензии не позволяет подробно характеризовать следующие этапы движения славянских культур к модерну. Тем не менее представленный материал по культуре славянского барокко дает возможность заключить, что концептуальная идея относительно данного периода подтверждается авторскими исследованиями, позволяющими сформулировать ряд выводов.

Во-первых, объемный труд по истории славянских культур демонстрирует близость культурных процессов, формирующих культуру барокко в разных европейских пространствах славянского мира. Во-вторых, следует отметить, что славянская культура испытывала влияние европейских неславянских культур (немецкой, итальянской, французской и др.), а также турецкой, которые внесли свой вклад в различные национальные славянские культуры. В-третьих, очевидно, что славянское барокко формировалось на разной конфессиональной почве: и православной, и католической, и протестантской и даже не без мусульманского влияния, при полном его отторжении. В-четвертых, развитие национальных языков и литературы на национальных языках имело успех там, где было ощутимо протестантское влияние или в те периоды, когда протестантизм становился ведущей конфессией (Чехия, Словакия, Словения XVI в.). В-пятых, для литературы славянского барокко характерны исторические, патриотические, эпические

и мифопоэтические темы и сюжеты, выполняющие задачу самоидентификации культуры. В-шестых, для всех рассмотренных барочных культур пришло время создания или скорейшего развития системы образования на национальных языках, но с обязательным включением языка европейской учености – латыни, а также распространения образовательного опыта иезуитских коллегий, в том числе и на православные учебные заведения (Украина, Белоруссия, затем Москва). В-седьмых, показательно, что именно в этот исторический период идея панславизма под водительством России впервые была не только высказана как некая мечта покоренных турками славянских народов, но и сделана попытка ее обоснования в известном труде хорвата, католического монаха Юрия Крижанича “Политика”, написанном в ссылке в Сибири. Иными словами, сама эпоха формулирует идею необходимости славянского единства. Все эти соображения, пожалуй, дают возможность согласиться с авторами концепции “Истории культур славянских народов”, что барокко является первым объединяющим все славянские культуры историческим типом.

Данное издание адресовано студентам, преподавателям-славистам, всем, кто неравнодушен к культуре славянского региона, и, полагаю, оно принесет им немалую пользу.

© 2008 г. *М.С. Киселева*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ “РАЗВИТИЕ МАКЕДОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ”

25–26 октября 2006 г. в Университете им. свв. Кирилла и Мефодия (г. Скопье, Македония) состоялся международный научный симпозиум “Развитие македонской литературы”. Научное собрание, организованное при содействии Министерства образования и науки Республики Македония, было приурочено к 25-летию со дня основания Института македонской литературы при Университете им. свв. Кирилла и Мефодия. Программу конференции составили 52 научных доклада ученых из Македонии, Болгарии, России, Сербии, Словении, Хорватии, Чехии и США. В течение работы симпозиума прозвучало 44 научных сообщения.

Торжественное заседание, посвященное началу работы конференции, было открыто приветственными словами министра образования и науки *С. Рушити*, ректора Университета в Скопье проф. д-ра *Г. Мартиновского* и декана филологического факультета им. Блаже Конеского проф. д-ра *М. Каранфиловского*, единодушно подчеркнувших значимость не только весьма представительного международного собрания, но и серьезность повода, по которому оно было созвано: юбилей Института македонской литературы, научной организации, отмеченной на протяжении всех 25 лет существования серьезным системным подходом к изучению национальной литературы. О развитии Института македонской литературы и вкладе его сотрудников в изучение теории, истории македонской

литературы, ее взаимодействия с мировым литературным процессом рассказала во вступительном слове директор Института македонской литературы д-р *Л. Герогиевская-Яковлева*. Она отметила, что уже с 1981 г. эта научная организация отличалась высоким научным уровнем исследований в самых разнообразных областях развития национальной литературы. Коллектив Института всегда выделялся научной принципиальностью и особой творческой активностью, позволяющими находиться на пике современных изысканий в области литературоведения. Кроме того, Институт македонской литературы является одним из самых “открытых” научных институтов и активно сотрудничает со многими зарубежными филологическими научными организациями, что существенно расширяет поле деятельности македонских ученых.

Обширная научная программа симпозиума главным образом была сосредоточена вокруг нескольких проблем, отражающих специфику развития македонской литературы. Пленарный доклад акад. Македонской академии наук и искусств *Б. Ристовского* “Ключевые проблемы македонского возрождения” был обращен к важнейшему и в то же время весьма противоречивому периоду в развитии македонской истории и культуры – процессу национального возрождения, протекавшему в XIX в. и характеризовавшемуся небывалым подъемом во всех сферах национальной жизни.

Акад. Б. Ристовский размышлял о периодизации, условиях, сущности этого процесса в Македонии, сопоставлял его со сходными явлениями в других славянских странах и говорил о роли македонских просветителей в становлении национального языка, культуры, литературы.

Вопросы XIX в. как знаменательного периода в истории национальной литературы Македонии были подняты и другими учеными, обратившимися к сложнейшим и до сих пор остающимся актуальными проблемам (так называемой двудомности (принадлежности разным национальным культурам) писателей XIX в. Об этом говорил д-р *Н. Радичевский* в докладе “Литература македонцев, созданная на других языках (хронология и типологизация)”, д-р *В. Тоциновский* в докладе “Серафим Григоров. К проблеме двудомности писателей”. Ярким явлениям македонской культуры XIX в. посвятила свой доклад “Автобиографические записки из Лазарополе (культурологические индикаторы XIX в.” д-р *Б. Ристовская*.

Тема, связанная со средневековой культурой македонских славян, была развита в ряде докладов, авторы которых осмыслили уходящие в глубь веков корни национальной литературы. Этой проблематике были посвящены сообщения д-ра *И. Велева* “Постсредневековые литературные процессы и непрерывность македонской литературной истории”, д-ра *М. Якимовской-Тошич* “Жанровая демократизация македонской средневековой литературы (причины и основы литературного развития)”, д-ра *М. Георгиевского* “Литературно-культурные памятники Кратовской книжной школы как вклад в христианскую культуру”, д-ра *Д. Миловской* “Автографы македонских книжников XV века”, д-ра *В. Стойчевской-Антич* “К описанию рукописей Владимира Мошина”. Кроме того, д-р *Л. Макариёвская* и д-р *М. Ангеловская-Панова* посвятили свои выступления сугубо религиозному аспекту средневековой книжности.

Одна из тем, привлечших внимание участников симпозиума, была связана с важной линией развития национальной культуры – устным народным творчеством, особенности которого обсужда-

лись в докладах д-ра *М. Кутевского* “Традиция и литература”, д-ра *Л. Татаровской* “Человеческое / Божественное в македонской народной литературе”, д-ра *К. Петровской-Кузмановой* “Фольклор в македонской драме второй половины XX века”, м-ра *А. Мартиноской* “Роль фольклора в развитии современной македонской литературы (на примере творчества Блаже Конеского)”, д-ра *В. Миронской-Христовской* “Истоки драмы “Македонское восстание” (1887) Николы Н. Македонского”, д-ра *Ф. Шашко* “Американский миссионер Елиас Ригс: первый переводчик “Сборника” братьев Миладиновых, 1862”.

Особый блок составили научные сообщения, касающиеся сопоставления македонской и иных национальных литератур. Компаративные исследования ученых в этой области нашли свое отражение в докладах д-ра *Л. Тодоровой* “Французские поэтические референции в развитии и модернизации македонского литературного творчества”, д-ра *Н. Субито* “О развитии македонской литературы в словенских публикациях”, доц. *М. Проскурниной* «Женский мир неженской прозы. Автор и герой в романах “Тоннель” Петре М. Андреевского и “Русская красавица” Виктора Ерофеева», д-ра *А. Реджепи* «Античная мифологическая фигура в современном романе (“Одиссей” Данилы Коцевского и “Монстр” Исмаила Кадаре)».

Наибольшее количество научных докладов было посвящено современному состоянию македонского литературного процесса, что вполне объяснимо, поскольку среди европейских литератур македонская литература XX в. представляет собой стремительно развивающееся самобытное явление. Особенно это касается жанра романа, совсем недавно – по меркам мирового литературного процесса – вступившего в пору своего расцвета, поскольку первый роман на македонском литературном языке – “Село за семью ясенями” Славко Яневского (1920–2000) был создан лишь в 1952 г. Так, о новых явлениях в жанре романа говорилось в докладах акад. *К. Кюлавковой* “Конверсии в новом македонском романе”, д-ра *М. Стояновича* “Культурологическое

значение творчества Стале Попова”, д-ра *С. Стойменской-Элзесер* “Эротизм в современной македонской прозе”, д-ра *Н. Аврамовской* «Игра с балканской идентичностью в романе “Уроки для Ибн Пайко” Оливеры Николовой», д-ра *А. Банович* “Македонский постмодернистский роман”, *Д. Коцевского* “Молодая македонская проза в начале нового века”, д-ра *А. Прокопиева* “Хронистерия”, д-ра *В. Мойсовой-Чепишевской* “Универсальность вдоха”.

Ряд докладов представил новые трактовки македонского художественного творчества исследователей, обратившихся как к традиционным темам, так и к вновь возникшим, сугубо современным, аспектам национальной литературной жизни. Новый взгляд на традиционные проблемы македонской литературы XX в. представили в своих докладах д-р *Я. Мойсиева-Гушева* – “Илинденское восстание в македонской драме”, д-р *Н. Петковская* – “Развитие македонской драматургии”, м-р *Р. Младеноский* – “Поэтический палимпсест Блаже Конеского”, д-р *Л. Тантуровская* – “Женщина в творчестве македонских поэтов”, д-р *Б. Прошев-Оливер* – “Парадоксы позитивистской модели периодизации истории македонской литературы”.

Оживленную дискуссию вызвали и интердисциплинарные доклады ученых-лингвистов, представивших неординарный взгляд на художественное произведение. Это доклады д-ра *Е. Ячевой-Улчар* «Личное имя в романе “Храпешко” Эрмиса Лафазановского» и доц. *Н. Боронниковой* «Роль категории определенности/неопределенности в информативной структуре художественного текста (на примере рассказа “Чистка” Митко

Маджункова)». Дискуссионными и острыми оказались выступления д-ра *С. Влахова-Мицова* “Литературное творчество македонцев в Республике Болгария после 1989 г.”, м-ра *В. Мартиновского* “О популярном жанре: хайку в Македонии”, а также доклады д-ра *Л. Капушевской-Дракулевской* “Женское поэтическое письмо в македонской литературе” и д-ра *М. Павловского* “Образ Балкан в современной македонской драматургии”. Последние два научных сообщения затрагивали своеобразные “болевые” точки современной македонской культуры. Одна из них – обсуждаемая во всем мире проблема женской литературы, освещенная в докладе д-ра *Л. Капушевской-Дракулевской*; другая же – к ней обращается д-р *М. Павловский* – сопряжена с отраженной в современной драматургии сложной проблемой соотношения в сознании македонца национальной и балканской составляющих.

Международный научный симпозиум, прошедший в Институте македонской литературы, представил широкий спектр позиций ученых разных стран по вопросам развития македонской литературы и показал, что многие из них до сих пор не теряют своей остроты. И национальная классика, и современные явления в этой славянской литературе вызывают самый активный интерес исследователей-македонистов.

По материалам международного симпозиума “Развитие македонской литературы” будет выпущен сборник научных статей.

© 2008 г. *М.Б. Проскурнина*

Славяноведение, № 5

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ РОССИИ И СЛОВАКИИ В МОСКВЕ 2–4 ОКТЯБРЯ 2007 ГОДА

Второе заседание возобновленной в 2004 г. Комиссии историков России и Словакии состоялось в Москве 2–4 октября 2007 г. (о первом заседании Комиссии в Братиславе см. [1. С. 106–111]).

К нему была приурочена Международная научная конференция “Русские и словаки в XIX–XX вв.: Контакты, взаимодействие, стереотипы”. Практическую организацию конференции вела россий-

ская сторона (ученый секретарь Комиссии М.Ю. Досталь).

Первый день работы конференции проходил в Словацком институте при Посольстве Словацкой Республики в Москве. Участников российско-словацкого форума приветствовали: председатель Национального комитета российских историков акад. С.Л. Тихвинский, Чрезвычайный и полномочный посол Словацкой Республики в Российской Федерации, д-р Аугустин Чисар, председатель российской части Комиссии историков России и Словакии, чл.-корр. РАН В.А. Тишков, председатель словацкой части Комиссии – М. Барновский, директор Института славяноведения РАН, К.В. Никифоров, председатель Общества дружбы со Словакией И.А. Черкасов, проф. МГУ Л.П. Лаптева, проф. Марийского гос. пед. университета Г.В. Рокина.

Научную часть конференции открыл теоретический доклад *В.А. Тишкова* (ИЭА РАН) “Российский народ и национальная идентичность”, в котором была поставлена важная и политически актуальная проблема складывания российской гражданской нации наряду с существованием русской этнической нации и анализировалось отношение к этим понятиям в общественной мысли России XVIII–XIX вв., СССР, постсоветской России и в международном контексте. Докладчик пришел к обоснованному выводу о том, что «аргументы противников национальной российской идентичности из разных лагерей (“имперская природа” современного режима, этнический сепаратизм, бунт униженного русского народа, социальная дифференциация, недостаток демократии и т.д.) являются несостоятельными... Национальная идентичность утверждается, прежде всего, через обеспечение гражданского равноправия, систему воспитания и образования, государственного языка, символы и календарь, культурное и массмедийное производство. Российская Федерация нуждается в доктрине обеспечения гражданской солидарности и национальной идентичности» [2. С. 10].

В докладе *Т. Ивантышиновой* (ИИ САН) “Результаты исследования коллек-

тивных форм идентичности словаков” анализировались немногочисленные специальные работы, вышедшие по данной проблематике в Словакии после “бархатных революций” 1989 г., пересматривающие стереотипы, сложившиеся в историографии эпохи социализма.

Д. Шкварна (ун-т в г. Банска Быстрица) в докладе “Генезис словацких национальных символов” убедительно показал, в каком трудном историческом контексте двойного государственного подчинения формировались словацкие национальные символы, определившиеся в конце 40-х – начале 60-х годов XIX в. Автор отметил, что отсутствие исторической государственности оказало существенное влияние на содержание символов – в них преобладали не столько исторические личности, сколько явления природы, особенности ландшафта, “пасторальная” народная культура и пр. Он констатировал, что после заключения австро-венгерского дуализма 1867 г. в условиях усиления мадьяризации большинство словаков было вынуждено принять официальную венгерскую символику, возрождение национальной – произошло только с образованием ЧСР в 1918 г.

Проф. *Г.В. Рокина* (Марийский гос. пед. ун-т) выступила с докладом “Русские глазами словаков, словаки глазами русских: стереотипы восприятия в реалиях XIX в.”. Она подчеркнула, что в начале данного столетия русское общество почти ничего не знало о словаках, путая их с “венгерцами”. Но по мере развития славяноведения, после научных путешествий первых университетских славистов в славянские страны и особенно во второй половине XIX в. укрепились культурные контакты со словацкой научной и литературной элитой, расширились знания об этом этносе, сформировалось представление о нем как о народе “с голубиным сердцем”, искренне служащем идеалам славянской взаимности, преданном русским и пр. Этот стереотип долго сохранялся и в изменившихся реалиях XX в.

В докладе *М.Ю. Досталь* (ИСл РАН) “Образ Словакии и словаков в трудах и путевых впечатлениях российских университетских славистов в 30–40-х гг.

XIX в.” детализировался один из периодов активизации русско-словацких связей. В докладе показано, что первые университетские слависты, посетившие словацкие земли и завязавшие контакты со словацкими интеллектуалами, с позиций романтизма сформировали привлекательный портрет словаков, наделив его лучшими чертами славянского характера: миролюбием, добродушием, гостеприимством, признав их народом “сельским, патриархальным, идиллическим”. При этом они в своих статьях и лекциях знакомили русское общество с историей, особенностями развития языка и литературы словаков во всей сложности их конфессионального противостояния, не проявляя никакого высокомерия представителей “великой нации” к “малой”, что, несомненно, способствовало укреплению связей и являлось ощутимой поддержкой словакам в трудных условиях их борьбы против мадьяризации.

В докладе *Д. Кодайовой* (ИИ САН) “Россия в путевых записках словаков” в продолжении развития темы о русско-словацких культурных связях говорилось об очень распространенном в словацкой литературе на рубеже XIX–XX вв. жанре путевых записок. Докладчик показала эволюцию содержания этих записок с XVIII в. и пришла к выводу, что их авторы в названный период пытались представить идеализированный образ России, соответствующий их русофильским настроениям – как великую по пространству, населению и экономическому потенциалу славянскую державу, проявляющую заботу о своих зарубежных соплеменниках и стоящую на страже их интересов, что мало соответствовало реальной действительности.

Проф. МГУ *Л.П. Лантева* прочитала доклад “Светозар Гурбан-Ваянский и Россия”, в котором подчеркнула, что русофильские настроения словацкого писателя способствовали тому, что в конце XIX в. многие российские газеты и журналы охотно печатали переводы его сочинений. В советской историографии акцентировался, прежде всего, его консерватизм. Неисследованной осталась переписка Ваянского, которая позволяет скорректировать представление об его отношении

к России. Так, он вовсе не ожидал пассивно прихода “казака-освободителя” от мадьярского ига, а призывал бороться за то, чтобы “честно заслужить себе счастливую долю” [2. С. 20]. Не отрицая консерватизма мировоззрения Ваянского, автор полагает, что его деятельность нельзя истолковывать как проявление реакционности словацкого писателя.

Проф. *И.В. Крючков* (Ставропольский гос. ун-т) в докладе «“Словацкий вопрос” на страницах периодики Юга России в начале XX в.» осветил эту совершенно не изученную в нашей историографии проблему. Он констатировал, что в этот период в периодике Дона и Северного Кавказа отмечается некоторый всплеск интереса к словацкой проблематике и попытался объяснить причины этого явления. Автор пришел к выводу, что, хотя вести из Словакии (Северной Венгрии) были довольно скупы по сравнению с другими информационными материалами, поступающими из Австро-Венгрии, и касались в основном венгеро-словацких противоречий, “они стали своеобразным прорывом информационной блокады вокруг словаков, давая жителям юга России пусть даже обрывочные сведения о развитии словацкого народа в начале XX в.” [2. С. 27].

Т. Ивантышинова прочитала доклад “Национальная идентичность словаков и споры о наследии Л. Штура в XX в.” Она указала, что в 1920-е годы с возникновением Чехословакии и укреплением идеологии “чехословакизма” возникла широкая дискуссия о роли одного из лидеров словацкого национального движения, кодификатора словацкого литературного языка Л. Штура в словацкой истории. Начало ей положила книга видного словацкого публициста и политика М. Годжи “Чехословацкий раскол” (1920), в которой эта роль оценивалась скорее негативно. Годжу поддержали словацкие “чехословакисты” (гласисты) и чешские профессора Братиславского университета, которые утверждали, что словаки являются частью единого чехословацкого народа, а словацкий язык и культура имеют лишь региональное значение. Напротив, большинство словацкой интеллигенции выступило в защиту штуров-

ских традиций, концепции словацкой “самобытности”, самостоятельности словацкого языка и культуры. Полемика продолжалась в 1930-е годы, в период Второй мировой войны и критические моменты истории Чехословакии (1968, 1989 гг.), продолжается и до сих пор, свидетельствуя о том, что Годжа “невольно коснулся болезненного нерва словацкой исторической памяти” [2. С. 29].

В докладе *Э.Г. Задорожнюк* (Исл РАН) «Проблема отношения между чехами и словаками сквозь призму сочинений Т.Г. Масарика “Россия и Европа»» говорилось об отношении этого видного политика к словацкой проблеме. Как сторонник “чехословакизма”, полусловак, он писал о взаимном притяжении чехов и словаков, считая словаков “наиболее чистой частью” единого “чехословацкого народа”. По мнению автора, проблема единения чехов и словаков решалась в книге Масарика с учетом неизбежности будущих преобразований в России, что было актуально в годы написания книги (1913) и в настоящее время (в годы издания на русском языке – 2000) в новом круге фундаментальных трансформаций нашей страны.

Первый день работы конференции завершился торжественным обедом, данным Послом Словакии в России в честь ее участников.

3 октября конференция продолжила свою работу в Институте славяноведения РАН. *Е.П. Сератионова* (Исл РАН) в докладе “Словацко-российские контакты в начале XX в.” определила несколько этапов их развития. Так, на рубеже веков они во многом определялись русофильством “мартинцев” и С. Гурбана-Ваянского, которые в своей внешнеполитической программе однозначно ориентировались на Россию. В период массовой эмиграции словаков за океан, часть из них (свыше 50 тыс.) оказались в России, объединившись в единый союз с чехами. В период Первой мировой войны в России появилось значительное число военнопленных (200–250 тыс.), которые создали ряд союзов и обществ, разрабатывающих решение чешского и словацкого вопросов. Некоторые из них выступали за создание союзного славянского госу-

дарства под эгидой России с максимальной автономией для Словакии. В России при участии словаков была создана Чешская дружина, прекрасно зарекомендовавшая себя на фронтах войны. В докладе освещались подробности формирования Чехословацкого корпуса в России и его вооруженного конфликта с частями Красной Армии. Образование Чехословакии в 1918 г. определило новые рубежи развития российско-словацких связей.

Ю.В. Богданов (Исл РАН) выступил с докладом “Словаки в публицистике Ильи Эренбурга”. Он рассказал о впечатлениях писателя от посещения Словакии в декабре 1927 г. и в июле – начале августа 1928 г. После холодного приема в Польше словацкие писатели встретили его “со всей душевностью не привыкших лицемерить людей”, поразили “задушевностью” неформального общения, искренним гостеприимством. Свои впечатления о Словакии и ее народе он изложил в репортаже “Первая встреча” и цикле очерков “1928. Словакия”, изданных в Берлине, Москве и словацком журнале “DAV”. Верность дружбе со словацкими писателями трудной и трагической судьбы В. Клементисом и Л. Новомеским И. Эренбург пронес через всю жизнь.

М. Барновский (ИИ САН) в докладе “Проблемы национальной идентичности русинов-украинцев в Словакии в XX в.” подробно осветил особенности национального развития русинов в XIX в. и вхождения территорий их проживания (Подкарпатской и Пряшевской Руси) в состав Чехословакии в 1919 г. Причем первой из них был обещан статус автономии. Автор подчеркнул, что в межвоенной ЧСР сформировались три основные течения национальной ориентации русинов – великорусское, украинское и собственно русинское. Первые два поддерживали соответственно русские и украинские эмигранты, последнее – грекокатолическое духовенство, так что многие считали это вероисповедание выражением национальной идентичности русинов. В годы Второй мировой войны русины подверглись дискриминации со стороны властей нового Словацкого государства, взявших курс на ассимиляцию русинского населения, что привело к ро-

сту среди русинов оппозиционных настроений и “открытому сопротивлению нацизму и тоталитарному режиму”. После присоединения Подкарпатской Руси к Советской Украине всех русинов провозгласили украинцами. Украинский язык стал обязательным для всех русинских школ. Украинизацию проводили и в Пряшевской Руси в составе Словакии. В начале 1950 г. здесь был ликвидирован последний оплот русинства – греко-католическая церковь. Новое русинское возрождение началось в Словакии в 1989 г., на Украине – в 1991 г.

М.Ю. Дронов (Москва) в докладе “Этнонациональная идентичность греко-католиков и православных Восточной Словакии в межвоенный период” на материалах истории униатской и православной церквей детализировал проблему определения идентичности русинов, поднятую в выступлении М. Барновского. Он подчеркнул, что если православный клир однозначно придерживался прорусской ориентации, то определение национальной идентичности унитаров представляет чрезвычайную сложность. Здесь в тесном переплетении были представлены все виды ориентаций – прорусская, проукраинская, русинская и мадьяронская. Многие зависело от эволюции мировоззрения главных церковных иерархов. Например, украинской ориентации придерживались в период управления Пряшевской епархией Дионисием Няради, но многих сторонников это течение не привлекло. Ситуацию осложняло распространение амбивалентной этничности, характерной для национально смешанных территорий. Все это требует выработки адекватных методологических подходов к исследованию этой важной проблемы.

В докладе *В.В. Марьиной* (ИСЛ РАН) “Словакия и словацкие политики глазами советских дипломатов 1939–1941 гг.” анализировались архивные документы НКВД, касающиеся установления *de facto* дипломатических отношений между вновь образованным Словацким государством и СССР, а именно, донесения советского полпреда, умного и пронительного дипломата Г.М. Пушкина (1909–1963). Он дал выразительные ха-

рактеристики тогдашней правящей верхушке Словакии – Й. Тисо, Ф. Дюрчанского, Ф. Чатлаша, М. Пружинского, А. Маха, В. Туку и др. По ним можно составить интересное общее представление о нюансах внешней политики марионетного государства, степени ее подчинения германскому влиянию и пр.

Д.В. Кузнецов (Москва) в выступлении “Контакты и взаимодействие русских и словаков в период Словацкого национального восстания” поделился воспоминаниями о своем участии в этом восстании в составе партизанского отряда “За Родину” под командованием М.Я. Савельева. Он отметил, что, по его наблюдению, советские партизаны встретили радушный прием со стороны местного словацкого населения – их поили, кормили, размещали в своих домах, оказывали медицинскую помощь, не выдавали карателям и пр. “Мы буквально росли в словацкий этнос” – заключил докладчик.

Д. Кодайова прочитала доклад о переводчицах произведений классической русской литературы на словацкий язык. Она констатировала, что до 1918 г. переводы с русского языка были достаточно редки. В межвоенной Чехословакии словацкая интеллигенция проявляла интерес к русской литературе, после 1948 г. этот процесс проходил в рамках государственной политики. Наиболее выдающимися словацкими переводчицами в XX в. были Б. Шкультеты, Е. Турцера, З. Есенская, М. Разусова-Мартакова и др. Благодаря их усилиям словацкая публика познакомилась с произведениями Н.В. Гоголя, А.С. Грибоедова, А.Н. Островского и др., а после войны – М. Шолохова, Б. Пастернака, В. Шукшина и др.

О.И. Брусина (ИЭА РАН) в докладе “Проблемы идентичности славянского населения в мусульманском окружении (по материалам Средней Азии)” детально проанализировала особенности проживания и адаптации славянского населения в этом регионе, начиная с XIX в. по настоящее время, показав значительные изменения, произошедшие в постсоветский период. Автор констатировала, что нынешние вынужденные переселенцы в Россию не смешиваются с единоплемен-

никами, ощущая себя “среднеазиатскими русскими”, особой русскоязычной этнической группой, сохранившей патриархальные обычаи, традиционные семейные ценности, уважение к старшему поколению, традиции гостеприимства, вежливого общения и пр.

Конференцию завершил доклад *Е.В. Гурко-Кряжиной* (ИНИОН РАН) “Русскоязычная периодика Словакии (1919–1944) в библиографическом отражении”. Автор проанализировала подавляющее большинство указателей периодики Русского Зарубежья, изданных в Германии, Франции, США, Словакии, Чехии и пр. и основные монографии по данной теме, представив свое видение классификации всей выявленной литературы. Констатируя, что русскоязычная периодика Словакии остается слабоизученной, автор предприняла попытку создания ее наиболее полной библиографии.

Прослушанные доклады и выступления стали предметом живой дискуссии. В ней ставились вопросы о правомерности выделения российской гражданской нации в ущерб русской этнической, о необходимости выработки четких современных дефиниций “народ” и “нация”, о сохранении стереотипа восприятия словаков, как народа “с голубиным сердцем” на протяжении XIX–XX вв., о сущности политики “чехословакизма”, проводимой Т.Г. Масариком и Э. Бенешем и сложившегося в советское время понятия “советский народ”, о целесообразности употребления термина “русины-украинцы” при определении национальной идентичности русинов и т.д.

По общему мнению, на конференции было прочитано много докладов, не только креативных теоретически, но и отличающихся новизной тематики, ис-

пользованием неизвестных архивных источников и материалов периодики, новым подходом в освещении традиционных проблем и пр. Было высказано пожелание о привлечении к работе конференции и Комиссии научной молодежи, в том числе и для оперативного решения организационных проблем. Участники конференции (как словацкие, так и российские) выразили благодарность ее организаторам за образцовую организацию работы и издание тезисов докладов.

4 октября 2007 г. на специальном заседании членов Комиссии историков России и Словакии были подведены итоги ее работы, определены планы на будущее и подписан протокол. После детального обсуждения темой Международной научной конференции, приуроченной к третьему заседанию Комиссии определена: “Словакия и Россия: проблема Восток–Запад”. Проведение следующего заседания намечено на осень 2009 г. в Словакии. По материалам прошедшей конференции издан сборник статей на базе Марийского государственного педагогического университета (2007).

© 2008 г. *М.Ю. Досталь*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Досталь М.Ю.* Первое заседание Комиссии историков России и Словакии (Братислава, сентябрь 2007 г.) // *Славяноведение.* 2007. № 1.
2. *Русские и словаки в XIX–XX вв.: Контакты, взаимодействие, стереотипы.* Тезисы докладов Международной научной конференции (Москва, 2–4 октября 2007 г., приуроченной ко Второму заседанию Комиссии историков России и Словакии). М., 2007.

ПОДНОШЕНИЕ К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ МИХАЙЛОВНЫ НИКОЛАЕВОЙ

75-летие Татьяны Михайловны Николаевой застало всех врасплох – так же как пять лет назад (*всего? уже?*) ее 70-летие.

Мы трактуем видимые нами изменения в окружающем мире и в самих себе как движение – *ход* или *бег* – в р е м е н и. В реальности это изменения пространственные, отражающие движение земли. Но для нас движется именно время, а движение содержит в себе идею темпа и, соответственно, возможности его ускорения или замедления. Далее естественным образом следует метафорическая персонификация (антропоморфизация) времени – и его портрет в архетипической модели мира готов. Итак:

время *стоит, (не) движется, тянется, течет, идет (приходит, уходит), бежит, спешит, мчится, несется, подгоняет, обгоняет, меняется* и т.п.

мы *отстаем от времени, замедляем время, идем в ногу со временем, спешим за временем, обгоняем, опережаем, торопим время* и т.п.

Но мы-то знаем, что время бесстрастно отсчитывается по метроному, и все эти характеристики – не более чем метафоры.

Если только не включать *argumentum ad hominem*, потому что каждый человек распоряжается отпущенным ему временем по-своему.

Меня всегда поражало в Татьяне Михайловне то, сколько она успевает сделать – так и хочется сказать “в единицу времени” – и насколько ее жизненный темп независим от внешних обстоятельств. Возникает ощущение, что в каждом ее дне временных единиц гораздо больше, чем у нас всех вместе взятых, а ее индивидуальное время характеризуется опережением. И основу этого я вижу прежде всего в том, что Татьяна Михайловна – великий труженик и человек долга. Одаренная самыми разными талантами, она относится к своим дарам со святой ответственностью, поскольку отдала их на службу науке. Наука это служение оценила.

К гелертерству принято относиться со снисходительной усмешкой, хотя это представляется оправданным только тогда, когда речь идет об “ученой начитанности” и “ученом начетничестве”. Следующий шаг в критике гелертерства – облегчающее жизнь утверждение, что читать “всю” литературу вопроса необязательно, поскольку свои мысли важнее. Я очень высоко ценю гелертерство Татьяны Михайловны: она начинает п и с а т ь работу не в тот момент, когда к ней приходят озарение: в момент озарения она начинает ч и т а т ь, причем чтение идет воронкообразно, втягивая все более широкие, на первый взгляд слишком широкие, перспективы – но это только на первый взгляд. Когда Татьяна Михайловна говорит “я прочла по этой теме всю литературу” – это, можно сказать, “более, чем так”, и поэтому ее работы, помимо всего прочего, являющиеся образцовым руководством по каждой избранной ею теме, будь то экспериментальная фонетика или “Слово о полку Игореве”.

Филологические таланты, сопряженные с высокой научной добросовестностью – уже этого достаточно для объяснения признанных достижений Т.М. Николаевой, автора более четырехсот статей и монографий, инициатора и руководителя важных научных проектов, организатора науки. Но недостаточно для объяснения “феномена Татьяны Михайловны Николаевой”, уверенно выбравшей в науке и в жизни свой путь: путь *беззаконной кометы в кругу расчисленного светил*.

Может быть, самый важный дар, которым судьба наградила Татьяну Михайловну, – это дар радости жизни и благодарности жизни. Татьяне Михайловне все интересно, и от всего она

получает творческое удовольствие – будь то науки, литература, искусство, освоение компьютера, интернет, разные временные эпохи (время “насквозь”), мода, кулинария... Она – благодарный слушатель всего “интересного” – потому что ей интересно все. Но это не всеядность, поскольку все впечатления в конце концов преобразуются в мысли о впечатлениях – идеи – научные выводы.

В свое время я анализировала “Разговоры” Леонида Липавского, философа, принадлежащего к кругу бэриутов-чинарей. “Разговоры” начинаются с ответа их участников на вопрос “что вас интересует”. Далее идут громадные списки совершенно неожиданных и несопоставимых предметов. Эти списки приводили меня в затруднение – они не поддавались никакой логической классификации, например: “Время. Превращение и уничтожение пространства. Нечто существование и непредметное существование (например запах, теплота, погода)... Сон и видение себя во сне. Сияние, прозрачность, туман... Гамма, спектр. Описи, энциклопедии... Связь сознания с пространством и личностью. О чем думает вагонновожатый во время работы... Совпадения в жизни... Знаки. Буквы. Шрифты и почерки... Юмор. Глупость. Чудо... Одежда мужская и женская. Человеческие взаимоотношения. Хороший тон... Различные знания, неизвестные науке...” и т. д. и т. п.

Но сейчас я думаю, что есть человек, который оценил бы эти интересы – и органично присоединился бы к ним: это Татьяна Михайловна Николаева.

Как бы то ни было, но все вышеперечисленное относится все-таки к интеллектуальной сфере, пусть и с яркой эмоциональной окраской. Основное же в натуре Татьяны Михайловны – ее неподдельно живой интерес к людям и постоянное, активное желание им помочь, побудить к деятельности. Всем нам, *секторским* (теперь – *отдельским*) случалось испытывать на себе *грозу в начале мая*, которая у Татьяны Михайловны быстро сменялась “разрядкой” – доброжелательностью и смехом. Не всегда легко согласиться с тем, что “добро должно быть с кулаками”. Но всегда подкупает, что это – *добро*, и что наша “мать-командирша” все силы кладет на своих не всегда покладистых сотрудников, что на ней держатся традиции сектора структурной типологии, его настоящее и будущее.

Пять лет промчались вихрем. Что можно добавить к статье В.Н. Топорова “Член-корреспондент РАН Татьяна Михайловна Николаева (К 70-летию со дня рождения)” (Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2004, т. 63, № 1), где научный путь Татьяны Михайловны получил самую глубокую оценку (с учетом перспектив)?

Как оказывается, немало. Деятельность Татьяны Михайловны набирает обороты. В Отделе типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения ею организованы новые научные центры, проходят доклады и конференции, по традиции на самые разные и неожиданные темы. Журнал “Вопросы языкознания” под руководством Татьяны Михайловны Николаевой завоевал новые позиции в научном мире. По свидетельству участников, каждая редколлегия – это самостоятельное научное заседание.

В наше время жанр рецензий, к сожалению, во многом утратил популярность. Но отчасти это компенсируется откликами в Интернете. Ценность их, как мне кажется, состоит в том, что это мгновенная и неангажированная реакция – прежде всего, молодежи. При некоторой наивности или излишней самоуверенности (но это с точки зрения нашего поколения) эти отклики – точный барометр сегодняшней погоды в научном мире.

14 сентября 2007 г. Институт лингвистики, Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского, РГУ и Издательство “Языки славянских культур” провели “круглый стол” “Коммуникация человека и животных. Взгляд лингвиста и биолога”. Доклад Т.М. Николаевой «Теории “параллельного фактора” в гипотезах о происхождении языка» вызвал, пожалуй, самую заинтересованную реакцию в Интернете. Собственно, это касается и многих других работ (а иногда и афоризмов) Татьяны Михайловны. Так что с удовлетворением можно сказать, что в классическом сюжете “отцы и дети” не всегда *дети* занимаются богоборчеством (и в этом смысле *отцы* бывают к ним несправедливы).

По правде говоря, я считаю, что лучшим подношением Татьяне Михайловне была бы статья, посвященная ее только что вышедшей книге «Непарадигматическая лингвистика (История “блуждающих частиц”» (М., 2008). К сожалению, я недостаточно компетентна, чтобы сделать это здесь и сейчас: эту книгу надо подробно изучать, вникая в более чем сложный и многообразный материал и осваивая предложенную автором новую теорию.

Встретить 75-летие такой книгой – такому можно откровенно позавидовать. Мне кажется, главное в ней – смелость и неожиданность. Конечно, можно говорить, что Татьяна Михайловна шла к книге десятилетиями, что это итог ее занятий и частицами, и экспериментальной фонетикой, и структурой текста, – и все это в книге отпечаталось; этапы работы Татьяна Ми-

хайловна отметила двумя точками, началом и концом, связав их со своими учителями, которые – так случилось в ее и нашей общесекторской биографии – были ненамного старше нас. Отправным толчком своей многолетней работы Татьяна Михайловна называет статью Вяч.Вс. Иванова о крито-микенской акцентуации (1979 г.). А в 2004 г. В.Н. Топоров напутствовал эту книгу, полностью поддержав план исследования.

Итак, повторю. Книга представляет собой результат многолетнего труда, подытоживающий накопленные данные, поддержанные практически исчерпывающим научным досье (кропотливо и тщательно, как всегда, собранным Татьяной Михайловной). Теоретическая часть иллюстрируется самыми разнообразными языковыми примерами. Далее теория эксплицируется на славянском материале. Все это требует вдумчивого освоения – книга предназначена для “медленного чтения”. Здесь будет много и *почему?*, и *а есть еще...* и под. И это естественно для серьезного подхода к серьезному труду.

Но для меня (с самого первого взгляда) наибольшая ценность книги есть и будет заключена в прорыве к совершенно новому взгляду и новому уровню анализа.

“Эта книга – попытка рассказать о никем ранее не описанном пласте языка” (с. 7), эта книга – о языковых единицах, которые автор назвал *партикулами*. Но книга также, а может быть, и прежде всего – о философии мышления и специально – лингвистического мышления, т.е. книга о науке о языке. К этому, собственно, и относится предлагаемый термин “непарадигматическая лингвистика” как некая дополнительная система лингвистического метаописания (с. 46). Эта “неопределенность определения”, помещение “непарадигматической лингвистики” в пространство между синтаксисом и морфологией, вывод партикул за пределы таксономии, отказ от их этимологизирования создает принципиально иные возможности для описания языка. Вводится своего рода “система возможностей”, изначально заложенная в языке как таковом. Где и как эти возможности реализуются, что остается невостребованным – в этом и заключается таинственный механизм возникновения и существования языка. В “Приложении № 5” приводится созданный компьютерной программой список комбинаций и перестановок из десяти русских партикул. Особенно интересно изучать то, по какому принципу язык выбирает из возможного числа партикулярных кластеров реализованные единицы (с. 356–359). Этот произвольный выбор вызывает ассоциации с авангардистскими экспериментами над языком: так, Мандельштам в статье “Заметки о поэзии” (1923) говорил о том, что Хлебников намечил исторически небывший путь российской речевой судьбы, осуществленный только в нем самом.

Уход от детерминированности, плоского прагматизма “нормальной науки”, втискивания языка в системы, где ничего не может быть в индетерминированном остатке, выражен решительно и бескомпромиссно и в высшей степени суггестивно. “Язык во многом оказывается сложнее, чем это представляется языкознанию”, – восклицает автор. Но как убедить в этом языковедов? – спрошу я и призыву это наше племя обратиться к книге и идеям Татьяны Михайловны Николаевой.

Vale, дорогой юбиляр, *particula tua te salutant!*

© 2008 г. Т.Ц.

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала “Славяноведение” присоединяются к поздравлению и желают Татьяне Михайловне здоровья и творческих успехов.

Славяноведение, № 5

К ЮБИЛЕЮ МАРИНЫ ГЕННАДИЕВНЫ СМОЛЪЯНИНОВОЙ

7 декабря 2007 г. отметила свой юбилей старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, канд. филол. наук, известный специалист в области исследования болгарской литературы Марина Геннадиевна Смольянинова.

Можно утверждать, что вся жизнь Марины Геннадиевны так или иначе связана с Академией наук. Ее отец, Смольянинов Геннадий Алексеевич, был старшим научным сотрудником Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, мать – Милица Павлиновна

Папки работала в том же Институте, а затем в Фундаментальной Библиотеке общественных наук АН СССР. После окончания школы Марина Геннадиевна пришла на работу в Институт научной информации по общественным наукам, училась на филологическом факультете Московского государственного университета, позднее стала аспиранткой Института славяноведения и балканистики АН СССР, а затем и сотрудником Отдела (в то время – сектора) славянских литератур Института.

Защитив кандидатскую диссертацию, посвященную одному из крупнейших представителей болгарского национального возрождения В. Друмеву, Марина Геннадиевна продолжила исследования по истории болгарской литературы и культуры XIX в., став ее глубоким знатком. Многочисленные статьи и главы в различных изданиях, публикациях и коллективных трудах, написанные ею на протяжении научного пути, складываются в цельную и широкую картину литературных явлений исследуемого периода. Творческая целеустремленность и упорство Марины Геннадиевны, ее неподдельная увлеченность делом, интерес к архивным изысканиям увенчались поистине счастливыми научными результатами. В болгарских архивах ей удалось обнаружить большое количество неизвестных ранее документов о жизни и деяниях болгарских писателей-просветителей, в том числе и В. Друмева. На основе этих находок была создана и издана в Софии книга “Климент Браницки и Търновски (Васил Друмев). Документи и материали” (2005), явившаяся своеобразным продолжением первой книги Марины Геннадиевны о В. Друмеве (“Творчество В. Друмева и становление национальной болгарской литературы”. София, 1987). Следует отметить, что труды Марины Геннадиевны неизменно получают высокие оценки и отзывы у болгарских коллег. Свидетельство тому – и неоднократные награды, в том числе высший орден Болгарской академии наук “Марин Дринов”.

Научные интересы Марины Геннадиевны связаны не только с культурой болгарского народа. Марина Геннадиевна явилась инициатором проведения конференции и создания книги, работу над которой впоследствии и возглавила – “Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век” (М., 2006). Посвященная судьбам славянских деятелей науки, культуры и искусства, которые оказались жертвами политических репрессий в 1920–1980-е годы, содержащая уникальные архивные материалы и воспоминания, эта книга стала настоящим научным бестселлером. Она особенно дорога и значима для Марины Геннадиевны, испытавшей на себе и своей судьбе последствия сталинского режима. Ее отец был арестован еще до ее рождения по ложному обвинению как враг народа, скрывавший свое дворянское происхождение. Впоследствии он был расстрелян. Его реабилитировали посмертно в 1957 г. Мать Марины Геннадиевны также пострадала от жестоких репрессий, была осуждена и провела полтора года в тюрьме. Книга открывается статьей Марины Геннадиевны об их тяжелой судьбе и о судьбах ученых Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР.

Свой замечательный юбилей Марина Геннадиевна встретила на творческом подъеме. Она активно участвует в научной деятельности Центра истории славянских литератур и Института. В ее ближайших планах – обширное исследование “Сага о Морозовых”, посвященное предкам по линии отца, в котором прослеживается более чем двухвековая история рода известных русских предпринимателей и меценатов.

Друзья и коллеги имеют возможность еще раз поздравить Марину Геннадиевну с юбилеем и от всей души пожелать ей здоровья, бодрости, творческого вдохновения и новых находок и удач.

Так держать, дорогая Марина Геннадиевна!

© 2008 г. *Коллеги и друзья*

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ ДМИТРИЕВИЧА ГАЧЕВА (1929–2008)

23 марта 2008 г. на 79-м году жизни скоропостижно скончался известный российский ученый-гуманитарий Георгий Дмитриевич Гачев, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Георгий Дмитриевич закончил филологический факультет Московского государственного университета в 1952 г., учился в аспирантуре Института мировой литературы Академии наук, где начался его путь как ученого и где он написал свои первые книги, работал в Институте истории естествознания и техники. Человек неординарный, он сменил и много других, необычных для научного сотрудника профессий: работал учителем в школе, был моряком, автослесарем. С 1985 г. до своего последнего дня Г.Д. Гачев работал в Институте славяноведения РАН, сначала в Отделе истории славянских литератур, а с 1993 г. в Отделе истории культуры. Сфера его научных интересов отличалась необычайной широтой: он занимался исследованиями на стыке дисциплин и методологий, преодолевая границы веков и континентов. В его трудах соединились славянская филология и мифология народов мира, история и философия естествознания, русская и западноевропейская литература. Первую известность в 1960-е годы ученому принесла монография “Ускоренное развитие болгарской литературы”, своей яркостью и оригинальностью концепции резко выдлившаяся на фоне рутинного тогдашнего советского литературоведения. На протяжении многих десятилетий Георгий Дмитриевич создавал многоотомную серию “Национальные образы мира” – сопоставительное исследование природы региона, характера народов и склада их мышления в единстве – в которой выступил как одаренный литератор и оригинальный мыслитель, создатель своеобразной экзистенциальной культурологии и литературоведения. Среди стран и народов, которые стали объектом сравнительно-типологического вчувствования Г.Д. Гачева и которые были описаны им в аспекте их Космо-Психо-Логоса – Болгария и Россия, Америка, Италия, Франция, остались рукописи книг о Германии и о многом другом...

Научное и литературное наследие Г.Д. Гачева представляет собой образец трудового подвига и романтического подъема. Он – автор более двух десятков монографий и сотен статей, руководитель многочисленных научных проектов, обладатель многих научных и литературных наград, почетный профессор Софийского и Великотырновского университетов в Болгарии, член Союза писателей СССР и РФ. Однако трудно отнести этого ученого по ведомству какой-либо одной дисциплины: Георгий Дмитриевич был призванным философом с точки зрения служения высшему предназначению – человеком, стремившимся осмыслить каждый свой день и при этом охватить бытие в космических категориях. Он умел узреть вечное в малом и случайном, а с общезначимого снять ложный пафос, низведя его до обыденного. Масштабности его кругозора и знаний, казалось, нет предела. Дитя свободной стихии шестидесятых, он дерзал говорить на “ты” с великими греками и Р. Декартом, В.В. Розановым и Л. Шестовым. Целостность и внутренняя гармония, которую он искал в мире языка и литературы, истории философии и технической мысли, находили выражение в его глубоко своеобразном поэтическом “косноязычии”, в котором емко сплавлялись образность и парадоксальность, высвечивалась сокровенная сущность вещей. Георгий Дмитриевич был бесконечно предан родине своих отцов – Болгарии, любил и досконально знал ее культуру, но при этом корнями был прочно привязан к российским просторам, продолжая и обогащая славную отечественную традицию чудаков-любомудров.

Дом и семья были для Георгия Дмитриевича сакральным центром мироздания. К нему он относил и своих коллег, бережным вниманием и всегдашним уважением к которым задавал пример праведного общежителства. Светлая память о Георгии Дмитриевиче, уникальном ученом и человеке высокой души, навсегда сохранится в благодарных сердцах тех, кто знал и любил его.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Vinogradov V.N.</i> (Moscow). Russian-Turkish War 1877–1878: Power and Society	3
<i>Korytkowska M., Petrov I.</i> (Łódź). Research of the Syntactic Phenomena in Bulgarian Damskynes	12
<i>Feder V.</i> (Dierfield). Expression from the Original or from the Copy One?	32
<i>Miltenov Ya.</i> (Sofia). Lexical Criteria as a Method of the Attribution of the Preslav Texts (Based on the Slavic Translation of the Pseudo-Cesary' Dialogues).....	41
<i>Golubovsky D.A.</i> (Moscow). Semantics of Bows and Kisses in "Povest vremennykh let" and Kievo-Pechersky Paterick	50
<i>Zelenkova A.</i> (Prague). Stephan Krcmery and the Slovak Theory of Poetry in XX Century Czech-Slovak Context	62
<i>Rudnik-Karwatowa Z.</i> (Warsaw). The Softening of Language Norm in Polish Media (Word-formative Innovations in Late of XX Century).....	71

COMMUNICATIONS

<i>Petroukhin V.Ya., Kamenetskaya E.V.</i> (Moscow). Prussia and Rus': a Medieval Age Myth and the Contemporary Historiography.....	77
<i>Afinogenova O.N.</i> (Moscow). The Study of Bohomils Ideology Based on the Case of the Greek Source Translation	84
<i>Klimova K.A.</i> (Moscow). On Slavic Adoptions in the New-Greek Mythology	88

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Zhuravlev A.F.</i> В.Й. Мансикка. Религия восточных славян	97
<i>Alexeyev N.A.</i> М.І. Зубов. Лінгвотекстологія середньовічних слов'янських повчань проти язичництва	102
<i>Kiseleva M.S.</i> История культур славянских народов. В 3-х т. Т. II: От барокко к модерну	109

SCHOLARLY LIFE

<i>Proskurnina M.B.</i> International Symposium "Development of Macedonian Literature"	114
<i>Dostal M.Yu.</i> Second Session of Russian and Slovakian Historians' Commission in Moscow, on October, 2–4, 2007	116

ANNIVERSARIES

Toward the Anniversary of Tatyana Mikhaylovna Nikolaeva	122
Toward the Anniversary of Marina Gennadyevna Smolyaninova	124

OBITUARIES

In Memoriam of Georgy Dmitrievich Gachev	126
--	-----

Сдано в набор 30.05.2008 Подписано в печать 21.07.2008 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 4,8 тыс. Уч.изд.л. 12,1 Бум.л. 4,0
Тираж 455 экз. Зак. 438

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru; zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК «Наука/Интерпериодика»

Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099 Москва, Шубинский пер., 6

